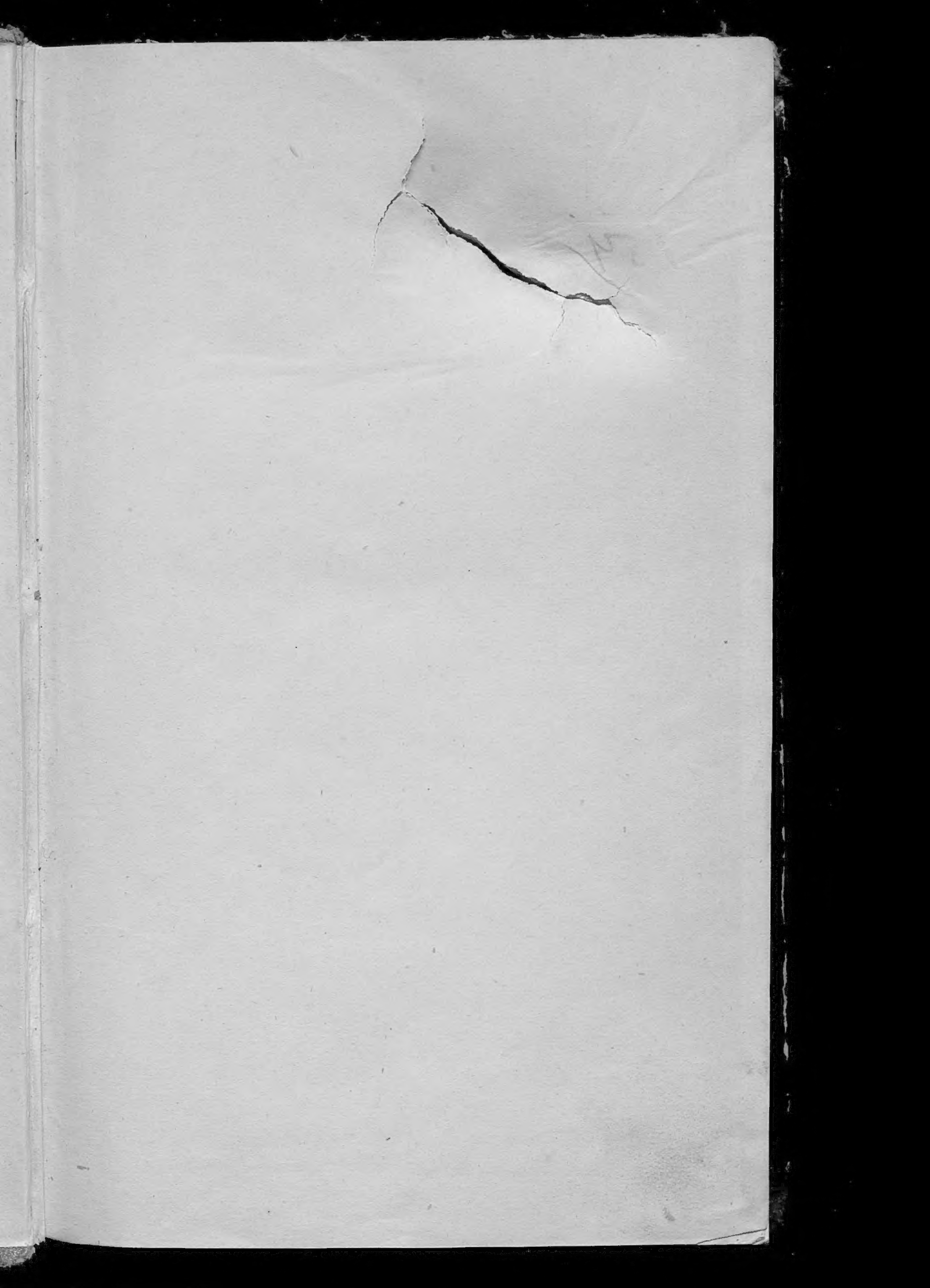

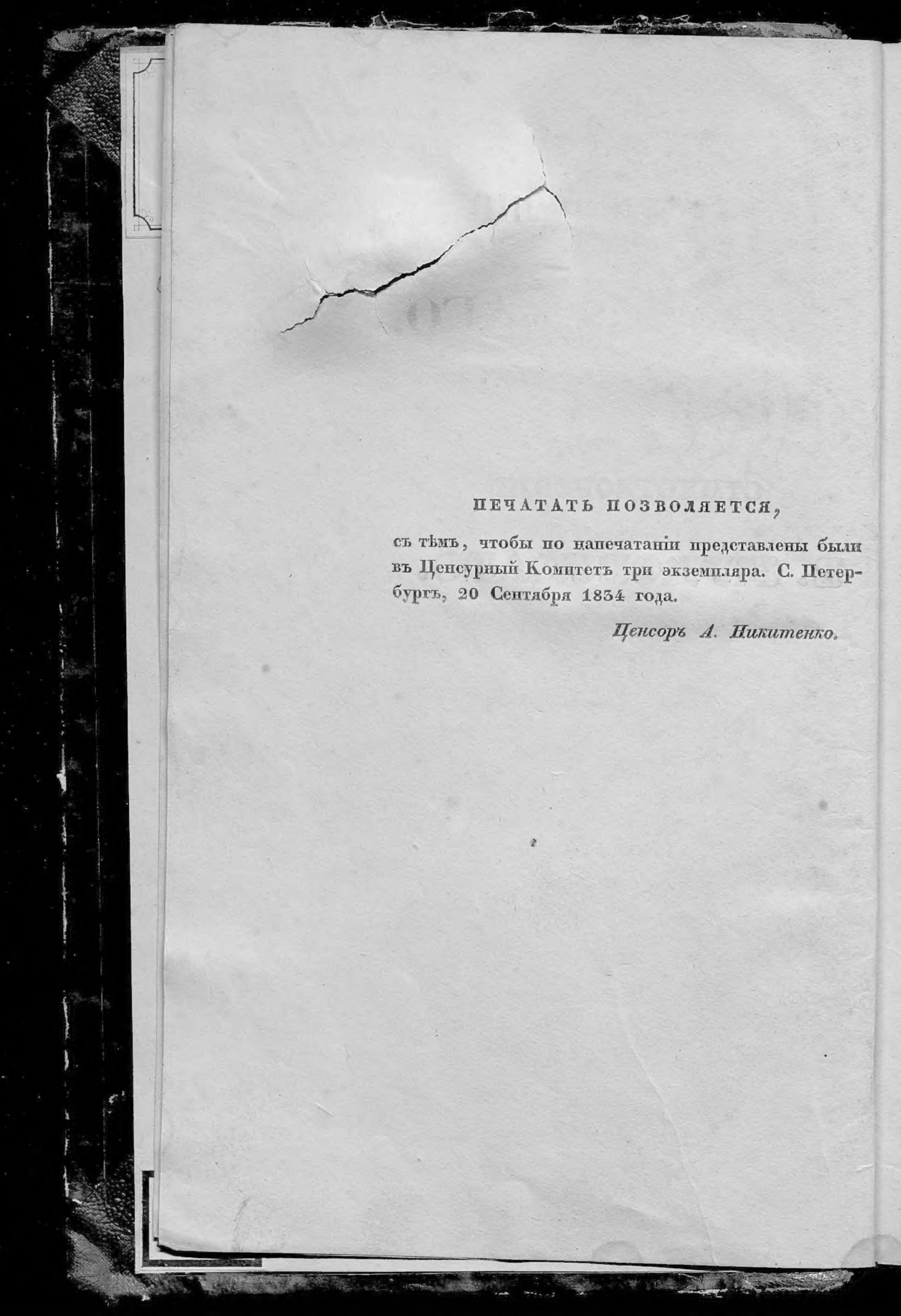

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. ЖУКОВСКАГО.

I.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатанiи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, 20 Сентября 1834 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. ЖУКОВСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Орлеанская дѣва.
Лирическія стихотворенія.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Въ типографіи Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ.

1835.

Изданіе Книгопродавца Александра Смирдина.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

СОЧИНЕНІЕ ШИЛЛЕРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

КАРЛЪ СЕДЬМЫЙ, Король Французскій.
КОРОЛЕВА ИЗАБЕЛЛА, или ИЗАБО, его мать.
АГНЕСА СОРЕЛЬ.
ФИЛИППЪ ДОБРЫЙ, Герцогъ Бургундскій.
ГРАФЪ ДЮНУА.
ЛА ГИРЪ.
ДЮ ШАТЕЛЬ.
АРХІЕПИСКОПЪ РЕЙМСКІЙ.
ШАТИЛЬОНЪ, Бургундскій рыцарь.
РАУЛЬ, Лотарингскій рыцарь.
ТАЛЬБОТЪ, главный вождь Англичанъ.
ЛІОНЕЛЬ, } Англійскіе вожди.
ФАСТОЛЬФЪ, }
МОНГОМЕРИ, Валліецъ.
Французскіе, Бургундскіе, Англійскіе Рыцари.
Чиновники Орлеанскіе.
Англійскій Герольдъ.

ТИБО Д'АРКЪ, земледѣлецъ.

АЛИНА,
ЛУИЗА,
ІОАННА, — его дочери.

ЕТЬЕНЪ,
АРМАНЪ,
РАЙМОНДЪ, — ихъ женихи.

БЕРТРАНДЪ, поселянинъ.

Черный рыцарь.

Угольщикъ.

Его жена.

Пажи.

Солдаты.

Народъ.

Придворные.

Епископы.

Маршалы.

Чиновники.

Дамы, дѣти и пр.

Дѣйствіе происходитъ въ 1430 году.

ПРОЛОГЪ.

Сельское мѣсто; впереди на правой сторонѣ часовня и въ ней образъ Богоматери; на лѣвой сторонѣ высокой, вѣтвистый дубъ.

ТИБО Д'АРКЪ, ЭТЬЕНЪ, АРМАНЪ, РАЙМОНДЪ, АЛИНА, ЛУИЗА, ІОАННА.

Тибо.

Такъ, добрые сосѣди, нынче мы
Еще Французы, граждане, свободно
Святой землей отцевъ своихъ владѣемъ;
А завтра.... какъ узнать? чьи мы? что наше?
Во всѣхъ мѣстахъ пришелецъ торжествуетъ;
Вездѣ враговъ знамена; ихъ конями
Притоптаны отеческія нивы;
Парижъ врата ихъ войскамъ отворилъ,
И древняя Корона Дагоберта

Досталася въ добычу иноземцу;
Внукъ Королей безъ трона, безъ прiюта
Скитается въ своей землѣ какъ странникъ;
Знатнѣйшiй Перъ, ближайшiй изъ родныхъ
Противъ него съ врагами въ заговорѣ;
Родная мать ему готовитъ гибель;
Деревни, города пылаютъ; тихо
Еще у насъ въ долинахъ... но дойдетъ,
Дойдетъ и къ намъ гроза опустошенья!
И такъ, друзья, пока еще есть воля,
Я дочерей хочу пристроить съ Богомъ:
Для женщины противъ временъ опасныхъ
Необходимъ заботливый защитникъ;
А съ кѣмъ любовь, тому въ бѣдахъ легко.
Этьенъ, тебѣ понравилась Алина;
У насъ поля сосѣдственно граничатъ,
Сердца же за одно.... такой союзъ
Угоденъ Богу. Ты, Арманъ, ни слова;
А ты глаза, Луиза, опустила....
Друзья, друзья, вы встрѣтились сердцами —
Не мнѣ васъ разлучать. Къ чему богатство?
Кто въ наши дни богатъ? Теперь все наше
До перваго врага или пожара;
Теперь одинъ спасительный прiютъ:
Грудь вѣрная испытаннаго мужа.

Луиза.

Арманъ.

Арманъ, подавая ей руку.

Твой навсегда.

Луиза.

А ты, сестра?

Тибо.

На каждую дамъ тридцать десятинъ,
И огородъ, и дворъ, и стадо — Богъ
Благословилъ меня, благословитъ
И васъ.

Алина.

Утѣшь отца, сестра Іоанна,
Пусть въ этотъ день устроится три счастья.

Тибо.

Подите; завтра мы сыграемъ свадьбу,
И пиръ на всю деревню; приготовьте
Что надобно.

Алина, Луиза, Арманъ и Этьенъ уходятъ къ Іоаннѣ.

Твои, Жаннета, сестры
Выходятъ замужъ, ихъ судьба счастлива,
При старости онѣ мое веселье;
Одна лишь ты мнѣ горе и печаль.

Раймондъ.

Сосѣдъ, на что Жаннету огорчать?

Тибо, указывая на Раймонда.

Вотъ юноша прекрасный, честный; съ нимъ
Никто у насъ въ деревнѣ не сравнится;
Тебѣ онъ отдалъ душу; три весны,

Какъ онъ, задумчивый, съ желаньемъ тихимъ,
Съ безропотнымъ, покорнымъ постоянствомъ
Вздыхаетъ по тебѣ; а ты молчишь,
Ты холодно сама въ себѣ таишься;
И ни одинъ изъ нашихъ поселянъ
Улыбкою твоею не утѣшенъ.
Смотрю: ты въ полнотѣ прекрасной жизни;
Пора надеждъ, весна твоя пришла;
Цвѣтешь.... но я напрасно ожидаю,
Чтобы любовь въ душѣ твоей созрѣла;
Прискорбно это мнѣ. Боюсь, но вижу,
Что надъ тобой ошиблася природа;
Я не люблю души холодной, черствой,
Безчувственной въ порѣ прекрасной чувства.

Раймондъ.

Не принуждай ее, мой честный Аркъ.
Любовь моей Іоанны есть прекрасный
Небесный плодъ: прекрасное свободно,
Оно медлительно и тайно зрѣетъ.
Теперь ея веселье жить въ горахъ;
Къ намъ въ хижины, жилища суеты,
Съ вершины ихъ она сходить боится.
Не рѣдко я съ благоговѣньемъ тихимъ
Изъ дола въ слѣдъ за ней смотрю, когда
Она одна, въ величіи надъ стадомъ
Стоитъ и взоръ склоняетъ въ размышленьи
На мелкія обители земныя.

Я вижу въ ней тогда знаменованье
Чего-то высшаго, и часто мнится,
Что изъ другихъ временъ пришла она.

Тибо.

А это мнѣ противно! для чего
Чуждаться ей своихъ сестеръ веселья?
Всегда встаетъ до раннихъ пѣтуховъ,
Что бы бродить по высотамъ пустыннымъ;
И въ страшный часъ — въ который человѣкъ
Довѣрчивѣй тѣснится къ человѣку —
Украдкою, какъ птица, другъ развалинъ,
Въ туманное жилище привидѣній,
Въ ночную тму бѣжитъ, чтобъ горный вѣтеръ
Подслушивать на темномъ перекресткѣ.
За чѣмъ она всегда на *этомъ* мѣстѣ?
За чѣмъ *сюда* гонять ей стадо? Часто
Видалъ я, какъ она часъ цѣлый въ думѣ
Подъ этимъ деревомъ Друидовъ, гдѣ
Боится быть счастливое созданье,
Сидитъ недвижима.... а здѣсь не пусто;
Здѣсь водится недобрый съ давнихъ лѣтъ.
У стариковъ ужасныя преданья
Сохранены объ этомъ старомъ дубѣ;
И часто шумъ какихъ-то голосовъ
Намъ слышится въ его печальныхъ вѣтвяхъ.
Однажды мнѣ случилось запоздать;
Меня вела дорога мимо дуба;

И вдругъ, мнѣ видится: подъ нимъ сидитъ
Туманное, а что?... не знаю! тихо
Изсохшею рукой приподняло
Широкую одежду, и меня
Какъ будто бы манило.... Сотворивъ
Молитву, я бѣжалъ скорѣе прочь.

Раймондъ, указывая на Образъ въ часовнѣ

Не вѣрю я; не козни сатаны,
А чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы
Ее всегда приводитъ въ это мѣсто.

Тибо.

Нѣтъ, нѣтъ! и сны и страшныя видѣнья
Меня, мой другъ, тревожатъ не напрасно:
Три ночи я все вижу, будто въ Реймсѣ
Она сидитъ на Королевскомъ тронѣ;
Семь яркихъ звѣздъ вѣнцемъ на головѣ;
Въ ея рукѣ какой-то чудный скипетръ,
И изъ него три бѣлыя лилеи,
И я — ея отецъ — и обѣ сестры,
И Герцоги, и Графы, и Прелаты,
И самъ Король предъ нею на колѣнахъ....
Моей ли хижинѣ такая слава?
Нѣтъ, это не къ добру; то знакъ паденья;
Иносказательно мнѣ этотъ сонъ
Ея души изобразилъ надмѣнность.
Убожества она стыдится; Богъ
Ей даровалъ богатство красоты,

Ее щедрѣй всѣхъ нашихъ поселянокъ
Благословилъ чудесными дарами....
И гордость грѣшная зашла къ ней въ душу;
А гордостью и Ангелы погибли,
И сею врагъ въ свои насъ ловитъ сѣти.

Раймондъ.

Но ктожъ скромнѣй, кто непорочнѣй въ нравахъ
Твоей смиренныя Іоанны? Старшимъ
Сестрамъ она съ веселымъ сердцемъ служитъ;
Въ селѣ у насъ она всѣхъ выше... правда,
Но гдѣ найдешь работницу прилежнѣй?
Бывалъ ли ей и низкій трудъ противенъ?
Ты видишь, подъ ея рукой чудесно
Твои стада и жатвы процвѣтаютъ;
На все, къ чему она коснется, сходитъ
Непостижимое благословенье.

Тибо.

Непостижимое?... Такъ, правда! ужасъ
Объемлетъ при такомъ благословеньи!
Ни слова; я молчу; молчать мнѣ должно...
Мнѣ ль вызывать на судъ свое дитя?
Могу лишь остеречь; могу молиться;
Но остеречь мой долгъ.... Оставь сей дубъ;
Не будь одна; не рой кореньевъ въ полночь;
Не составляй изъ сока ихъ питья,
И не черти въ пескѣ волшебныхъ знаковъ.
Намъ въ области духовъ легко проникнуть;

Нас ждуть они и молча стерегуть,
И тихо внемля, въ буряхъ вылетаютъ.
Не будь одна: въ пустынѣ искуситель
Передъ самимъ Создателемъ явился.

Бертрандъ, входить съ шлемомъ въ рукахъ.

Раймондъ.

Молчи, идетъ Бертрандъ; онъ возвратился
Изъ города. Но что несетъ онъ?

Бертрандъ.

Вы
Дивитесь, что съ такимъ добромъ я къ вамъ
Являюсь?

Тибо.

Подлинно, откуда взялъ
Ты этотъ шлемъ? На что знакъ бѣдъ и смерти
Принесъ ты къ намъ въ жилище тишины?

Іоанна, которая до сихъ поръ не принимала никакого участія въ томъ, что вокругъ нее происходило, становится внимательнѣе и подходитъ ближе.

Бертрандъ.

И самъ едва могу я объяснить,
Какъ мнѣ достался онъ. Я покупалъ
Желѣзныя издѣлья въ Вокулёрѣ;
На площади толпилась тма народа
Вкругъ бѣглецовъ, лишь только прибѣжавшихъ
Съ недоброю изъ Орлеана вѣстью;
Весь городъ былъ въ волненьи; сквозь толпу
Съ усиліемъ я продирался... вдругъ

Цыганка смуглая со мной столкнулась;
Въ рукахъ у ней былъ этотъ шлемъ; она,
Произительно въ глаза мнѣ посмотрѣвъ,
Сказала: ты, я знаю, ищешь шлема;
Вотъ шлемъ, не дорогъ онъ, возьми! — На что?
Я отвѣчалъ ей, къ латникамъ пойди;
Я земледѣлецъ, мнѣ нѣтъ нужды въ шлемѣ. —
Но я никакъ не могъ отговориться;
Возьми, возьми! она одно твердила,
Теперь для головы стальная кровля
Пріютнѣе всѣхъ каменныхъ палатъ.
И такъ изъ улицы одной въ другую
Она за мной гналася съ этимъ шлемомъ.
Я посмотрѣлъ: онъ былъ красивъ и свѣтелъ;
Былъ Рыцарской достоинъ головы;
Я взялъ его, чтобъ ближе разглядѣть,
Но между тѣмъ, какъ я стоялъ въ сомнѣньи,
Она изъ глазъ моихъ, какъ сонъ, пропала:
Ее толпой народа унесло....
И этотъ шлемъ въ моихъ рукахъ остался.

Іоанна, ухватясь за него поспѣшно.

Отдай мнѣ шлемъ.

Бертрандъ.

На что? Такой нарядъ
Не дѣвичьей назначенъ головѣ.

Іоанна, вырывая шлемъ.

Отдай, онъ мой и мнѣ принадлежитъ!

Тибо.

Іоанна, что съ тобой?

Раймондъ.

Оставь ее;

Въ ней мужествомъ наполнена душа,
И ей уборъ воинственный приличенъ.
Ты помнишь самъ, какъ прошлою весной
Она въ горахъ здѣсь волка одолѣла,
Ужаснаго для стадъ и пастуховъ.
Одна, одна, душею львица, дѣва
Чудовище сразила, и ягненка
У челюстей кровавыхъ отняла.
Чью бъ голову сей шлемъ ни украшалъ,
Но ей приличнѣй онъ.

Тибо.

Бертрандъ, какая
Бѣда еще случилась? Что сказали
Бѣжавшіе изъ Орлеана?

Бертрандъ.

Боже,
Помилуй Короля и нашъ народъ!
Мы въ двухъ большихъ сраженіяхъ разбиты;
Враги въ срединѣ Франціи; все взято
До самыхъ береговъ Луары; войски
Со всѣхъ сторонъ сошлись подъ Орлеанъ,
И страшная осада началася.

Тибо.

Какъ! сѣверъ весь уже опустошенъ,
А хищникамъ все мало; къ югу мчатся
Съ войной....

Бертрандъ.

Безчисленный снарядъ осадный
Со всѣхъ сторонъ придвинутъ къ Орлеану.
Какъ лѣтомъ пчелъ волнующійся рой,
Слетаяся, жужжитъ кругомъ улья,
Какъ саранча, на нивы темной тучей
Обрушившись, кипитъ необозримо:
Такъ Орлеанъ безчисленны народы
Осыпали, въ одно столпившись войско;
Отъ множества племенъ разноязычныхъ
Наполненъ станъ глухимъ, невнятнымъ шумомъ;
И всѣхъ своихъ землевластитель Герцогъ
Бургундскій въ строй съ пришельцами поставилъ:
Изъ Литтиха, изъ Генего, изъ Гента,
Богатаго и бархатомъ и шелкомъ,
Изъ мирнаго Брабанта, изъ Намура,
Изъ городовъ Зеландіи приморскихъ,
Блистающихъ опрятностью веселой,
Отъ пажитей Голландскихъ, отъ Утрехта,
Отъ сѣверныхъ Фрисландіи предѣловъ,
Подъ знамена могущаго Бургунда
Сошлись полки разрушить Орлеанъ.

Тибо.

О горестный, погибельный раздоръ!
На Францію оружіе Французовъ!

Бертрандъ.

И бронею покрывшись, Изабелла,
Мать Короля, Князей Баварскихъ племя,
Примчалась въ станъ враговъ, и разжигаетъ
Ихъ хитрыми словами на погибель
Того, кто жизнь пріялъ у ней подъ сердцемъ.

Тибо.

Срази ее проклятіемъ, Господь!
Богоотступница, погибнешь ты,
Какъ нѣкогда Іезавель погибла.

Бертрандъ.

Заботливо осадой управляетъ
Рушитель стѣнъ, ужасный Салисбури;
Съ нимъ Ліонель, боецъ съ душой звѣрпной;
И вождь Тальботъ, одинъ судьбу сраженій
Свершающій убійственнымъ мечемъ;
Они клялись, въ отвагѣ дерзновенной,
Всѣхъ нашихъ дѣвъ предать на посрамленье,
Сразить мечемъ, кто встрѣтиться съ мечемъ.
Придвинуты къ стѣнамъ четыре башни,
И, городомъ владычествуя грозно,
Съ ихъ высоты убійства жаднымъ окомъ,
Невидимый, считаетъ Салисбури
На улицахъ поспѣшныхъ пѣшеходовъ.

Ужъ много бомбъ упало въ городъ; церкви
Въ развалинахъ; и самъ великолѣпный
Храмъ Богоматери грозитъ паденьемъ.
Безчисленны подкопы подъ стѣнами;
Весь Орлеанъ стоитъ теперь надъ бездной,
И робко ждетъ, что вдругъ подъ нимъ она,
Гремящая, разверзится и вспыхнетъ.

Іоанна *слушаетъ съ великимъ безпрестанно усиливающимся вниманіемъ, и наконецъ надѣваетъ на голову шлемъ.*

Тибо.

Но гдѣ Сантраль? Что сдѣлалось съ Ла Гиромъ?
Гдѣ Дюнуа, отечества надежда?
Съ побѣдою впередъ стремится врагъ —
А мы объ нихъ не знаемъ и не слышимъ.
И что Король? Ужель онъ равнодушенъ
Къ потерѣ городовъ, къ бѣдамъ народа?

Бертрандъ.

Король теперь съ дворомъ своимъ въ Шинонѣ;
Людей взять негдѣ, всѣ полки разбиты.
Что смѣлый вождь? Что рыцарей отважность,
Когда нѣтъ силъ, когда все войско въ страхѣ?
Насъ Богъ казнитъ; ниспосланный имъ ужасъ
Къ безстрашнѣйшимъ запалъ глубоко въ душу;
Все скрылося; всѣ вызывы напрасны;
Какъ робкія бѣгутъ къ заградамъ овцы,
Послышавши ужасный волчій вой,
Такъ, древней чести измѣнивъ, Французы

Спѣшатъ искать защиты въ крѣпкихъ замкахъ.
Едва одинъ нашелся храбрый рыцарь:
Онъ слабый полкъ собралъ и къ Королю
Съ шестьнадцатью знаменами идетъ.

Іоанна, поспѣшно.

Кто этотъ Рыцарь?

Бертрандъ.

Бодрикуръ; но трудно
Отъ поисковъ врага ему укрыться:
Двѣ арміи преслѣдуютъ его.

Іоанна.

Но гдѣ же онъ? Скажи скорѣй, что́ слышно?

Бертрандъ.

На переходъ одинъ отъ Вокулёра
Стоитъ онъ лагеремъ.

Тибо.

Молчи, Іоанна;
Ты говоришь о томъ, чего не смыслишь.

Бертрандъ.

Увѣрившись, что врагъ неодолимъ,
И помощи отъ Короля не чая —
Чтобы спастись отъ ига иноземцевъ,
И сохранить себя законной власти —
Рѣшилися граждане Вокулёра
Могущему Бургунду покориться,
Но съ тѣмъ, чтобъ онъ ихъ принялъ договоръ:
Чтобъ возвратилъ насъ древнему престолу,

Какъ скоро миръ опять межъ нами будетъ.

Іоанна, вдохновенно.

Съ кѣмъ договоръ? Ни слова о покорствѣ!
Спаситель живъ; грядетъ, грядетъ онъ въ силѣ!
Могущій врагъ падетъ подъ Орлеаномъ:
Исполнилось! для жатвы онъ созрѣлъ!....
Своимъ серпомъ вооружилась дѣва;
Пожнетъ она кичливыя надежды;
Сорветъ съ небесъ продерзостную славу,
Вознесенную безумцами къ звѣздамъ!....
Не трепетать! впередъ! не пожелтѣетъ
Еще на нивѣ класъ, и кругъ луны
На небесахъ еще не совершится —
А ни одинъ уже Британскій конь
Не будетъ пить изъ пышныя Луары.

Бертрандъ.

Ахъ! въ наши дни чудесъ ужъ не бываетъ.

Іоанна.

Есть чудеса!... Взовьется голубица,
И налетитъ съ отважностью орла
На ястребовъ, терзающихъ отчизну;
И низразитъ она сего Бургунда
Цареотступника, сего Тальбота,
Сторукаго громителя небесъ
Съ ругателемъ святыни Салисбури;
И побѣгутъ толпы островитянъ,
Затрепетавъ, какъ агнцы, передъ нею.....

Господь въ ней будетъ! Богъ всесильный брани
Пошлетъ свое дрожащее созданье;
Творецъ земли себя въ смиренной дѣвѣ
Явитъ землѣ.... *зане Онъ Всемогущій!*

Тибо.

Какой въ ней духъ пророчитъ?

Раймондъ.

Этотъ шлемъ
Воинственно воспламенилъ въ ней душу;
Взгляните на нее: глаза какъ звѣзды,
И все лице ея преобразилось.

Іоанна.

Какъ! древнему престолу пасть? Странѣ,
Избранной славою, подъ вѣчнымъ солнцемъ
Прекраснѣйшей, счастливому Эдему,
Странѣ, Творцу любезной, какъ зѣница
Его очей, рабою быть пришельца?...
Здѣсь рухнула невѣрныхъ сила; здѣсь
Былъ первый Крестъ, спасенья знакъ, воздвигнутъ;
Здѣсь прахъ лежитъ Святаго Людовика;
Іерусалимъ отселѣ завоеванъ..

Бертрандъ.

Вы слышите?... Откуда вдругъ открылся
Такой ей свѣтъ?..... О! дочерью чудесной,
Сосѣдъ, тебя Господь благословилъ.

Іоанна.

Намъ не имѣть властителей законныхъ,

Воспитанныхъ единымъ съ нами небомъ?
Для насъ Король нашъ долженъ умереть,
Неумирающій, защитникъ плуга,
Хранитель стадъ, плодотворитель нивъ,
Невольникамъ дарующій свободу,
Скликающій предъ тронъ свой наши грады,
Покровъ безсилія, гроза злодѣйства,
Безъ зависти возвышенный надъ міромъ,
И человѣкъ и Ангелъ утѣшенья
На вражеской землѣ?... Престолъ законныхъ
Властителей и въ пышности своей
Для слабаго пріютъ; при немъ на стражѣ
И Власть и Милость; стать предъ нимъ боится
Виновный; предъ него съ надеждой правый
Идетъ въ лице судьи смотрѣть безъ страха......
Но Царь-пришлецъ, чужой страны питомецъ,
Предъ кѣмъ отцевъ священный прахъ не скрытъ
У насъ въ землѣ — земли не взлюбитъ нашей.
Кто нашимъ юношамъ товарищъ не былъ,
Кому языкъ нашъ въ душу не бѣжитъ,
Тотъ будетъ ли для насъ отецъ въ коронѣ?

Тибо.

Да защититъ Всевышній Короля
И Францію! Намъ мирнымъ поселянамъ
Мечь не знакомъ; намъ браннаго коня
Не укротить; мы будемъ ждать смиренно,
Кого намъ дастъ владыкою побѣда!

Сраженія успѣхъ есть Божій судъ.
Король нашъ тотъ, кто былъ мѵропомазанъ
Въ священномъ Реймсѣ, кто пріялъ державу
Надъ древними гробами Сен-Дени.....
Друзья, пора къ работѣ; помни каждый
Ближайшій долгъ свой; пусть Князья земные
Земную власть по жеребью берутъ!
А намъ смотрѣть въ тиши на разрушенье:
Покорной намъ земли оно не тронетъ:
Пускай пожжетъ селенья наши пламень,
Пускай кони притопчутъ наши нивы:
Съ младой весной взойдетъ младая жатва,
А низкія легко возстанутъ кровли.

Всѣ, кромѣ Іоанны, уходятъ.

Іоанна.

Долго стоитъ въ задумчивости.

Простите вы, холмы, поля родные;
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости;
Съ Іоанной вамъ ужь болѣ не видаться,
Навѣкъ она вамъ говоритъ: прости.
Друзья-луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать;
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечной,
Иду отъ васъ, и не приду къ вамъ вѣчно.

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вамъ оградой...
Безъ пастыря бродить вы суждены;
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На нажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье;
Меня стремитъ не суетныхъ желанье

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ Пророку нисходилъ,
Кто на Царя подвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣплялъ —
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя —
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
„ Иди о Мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

„ Надѣть должна ты латы боевыя,
„ Въ желѣзо грудь младую заковать;
„ Страшись надеждъ, не знай любви земныя....
„ Вѣнчальныхъ свѣчь тебѣ не зажигать;
„ Не быть тебѣ душой семьи родныя;
„ Цвѣтущаго младенца не ласкать!...
„ Но въ битвахъ Я главу твою прославлю:
„ Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

„ Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,

„ И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ —
„ *Возмешь* [illegible] мою ты Орифламму въ длани,
„ И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;
„ Поставишь ихъ надмѣнной власти грани,
„ Преобратишь во плачь побѣдный гласъ,
„ Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
„ И Карла въ Реймсъ введешь надѣть корону."

Мнѣ обѣщалъ Небесный извѣщенье,
Исполнилось.... и шлемъ сей посланъ *Имъ*.
Какъ бранный огнь его прикосновенье.
Съ нимъ мужество, какъ Божій Херувимъ....
Въ кипящій бой несетъ души стремленье;
Какъ буря, пылъ ся неукротимъ.....
Се битвы кличь! полки съ полками стали!
Взвились кони и трубы зазвучали!

Уходитъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДЮНУА. ДЮ ШАТЕЛЬ.

Дюнуа.

Нѣтъ! долѣ не стерплю; пора покинуть
Намъ Короля, который самъ безславно
Себя покинулъ. Кровь бунтуетъ въ жилахъ,
И душу всю я выплакать готовъ,
Смотря на бѣдную отчизну..... Боже!
Разбойники мечами города,
Старинные жилища чести, дѣлятъ,
И выдаютъ ихъ ржавые ключи
Съ покорностью врагу.... а мы, мы здѣсь
Въ бездѣйствіи покоя расточаемъ
Священные спасенія часы.

Лишь вѣсть пришла, что Орлеанъ въ осадѣ —
Спѣшу свою Нормандію покинуть,
Лечу сюда въ надеждѣ, что Король,
Готовый въ бой, полки ужъ вывелъ въ поле..
Но чтожъ? Онъ окруженъ толпой шутовъ!
Въ кругу своихъ безпечныхъ трубадуровъ
Заботится разгадывать загадки,
И лишь пиры даетъ своей Агнесѣ.
Какъ будто все спокойно!.... Конетабль,
Терпѣнье потерявъ, уже рѣшился
Разстаться съ нимъ.... и я, и я разстанусь;
Пора судьбѣ на власть его предать.

Дю Шатель.

Но вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и **король карлъ**.

Король.

Друзья, скажу вамъ новость:
Нашъ Конетабль прислалъ мнѣ мечь свой; онъ..
Онъ просится въ отставку.... въ добрый часъ!
Брюзгливецъ мнѣ ужъ сдѣлался несносенъ;
Все не по немъ; лишь онъ одинъ все знаетъ.

Дюнуа.

Ахъ! твердый мужъ безцѣненъ въ наше время;
Разстаться съ нимъ мнѣ былобъ тяжело.

Король.

Другъ Дюнуа привыкъ противорѣчить....

Но самъ же ты всегда съ нимъ былъ въ раздорѣ.

Дюнуа.

Я признаюсь: онъ гордъ, досаденъ, скученъ;

Вѣкъ ничего онъ кончить не умѣлъ...

Но въ пору онъ узналъ сіе искусство:

Онъ прочь идетъ, когда остаться — стыдъ!

Король.

Я вижу, ты въ своемъ веселомъ нравѣ;

Смущать его не стану..... Дю Шатель,

Король Рене прислалъ ко мнѣ пословъ;

Они пѣвцы, ихъ имя знаменито;

Ихъ угостить хочу великолѣпно,

И каждому по цѣпи золотой.....

Къ Дюнуа.

Къ чему твой смѣхъ?

Дюнуа.

Ты цѣпи золотыя

Куешь словами.

Дю Шатель.

Государь, твоя

Казна ужь вся давно истощена,

И денегъ нѣтъ....

Король.

Найди; пѣвецъ высокій

Безъ почести отселѣ не пойдетъ;

Для насъ при немъ нашъ мертвый жезлъ цвѣтетъ;
Онъ жизни вѣтвь безсмертно-молодую
Вплетаетъ въ нашъ безжизненный вѣнецъ;
Властителю совластвуетъ пѣвецъ;
Переселясь въ обитель неземную,
Изъ легкихъ сновъ себѣ онъ зиждетъ тронъ;
Пусть обруку идетъ монарху онъ:
Они живутъ на высотахъ созданья.

Дю Шатель.

О Государь, доселѣ я щадилъ
Твой слухъ: для насъ была еще надежда;
Но все сказать велитъ необходимость:
Не о дарахъ намъ думать, нѣтъ! о томъ,
Гдѣ завтра хлѣбъ найти себѣ насущный.
Растрачено все золото твое,
И наши всѣ сокровищницы пусты;
Съ роптаньемъ ждетъ условной платы войско,
Грозясь твои покинуть знамена;
Не въ силáхъ я твой Королевскій домъ
И скудною ру́кою содержать.

Король.

Но развѣ намъ ужъ средства не осталось?
Отдай въ залогъ, что можно заложить.

Дю Шатель.

Все, Государь, напрасно: на три года
Доходы всѣ впередъ заложены.

Дюнуа.

А срокъ придетъ.... ни денегъ, ни золотовъ!

Король.

Еще у насъ земель богатыхъ много.

Дюнуа.

Пока щадитъ ихъ Богъ и мечь Тальбота;
Но Орлеанъ въ осадѣ; сдайся онъ —
Тогда паси овецъ съ своимъ Рене.

Король.

На счетъ Рене ты любишь умъ острить;
Но этотъ твой безобластный Король
Мнѣ въ даръ прислалъ сокровище безцѣнно.

Дюнуа.

Избави Богъ! не право ль на Неаполь?
Несчастный даръ! оно въ цѣнѣ упало
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пасетъ своихъ овецъ.

Король.

То ясная забава, шутка, праздникъ,
Который онъ душѣ своей готовитъ:
Средь ужасовъ существенности мрачной,
Онъ сотворилъ невинный, чистый міръ;
Онъ царское, великое замыслилъ:
Призвать назадъ старины времена,
Лѣта любви, когда любовь вздымала
Грудь рыцарей великимъ и прекраснымъ,
Когда въ судѣ присутствовали жены,
Суровое смягчая нѣжнымъ чувствомъ!

Въ сихъ временахъ живетъ незлобный старецъ;
И въ той красѣ, какой онѣ плѣняютъ
Насъ въ дѣдовскихъ преданьяхъ, въ древнихъ пѣсняхъ
Какъ Божій градъ на свѣтлыхъ облакахъ —
Онъ мыслитъ ихъ переселить на землю.
Онъ учредилъ верховный *Судъ любви*,
Гдѣ Рыцарей дѣла судимы будутъ,
Гдѣ чистыхъ женъ святое будетъ царство,
Гдѣ чистая любовь для насъ воскреснетъ —
И онъ меня избралъ *Царемъ любви!*

Дюнуа.

Не столько я еще забытъ природой,
Чтобъ отвергать владычество любви;
Я сынъ ея, она дала мнѣ имя,
И въ областяхъ любви мое наслѣдство;
Моимъ отцемъ былъ Орлеанскій Принцъ —
Онъ не встрѣчалъ красавицъ непреклонныхъ;
За то не зналъ и крѣпкихъ вражьихъ замковъ.
Ты хочешь быть Царемъ любви по праву?
Храбрѣйшимъ будь изъ храбрыхъ.... Въ старыхъ книгахъ
Случалось мнѣ читать, что неразлучны
Любовь и рыцарская бодрость были;
Не пастухи, слыхалъ я, но герои,
За круглый столъ садились въ древни годы.
Лишь тотъ, чья грудь защитой красотѣ,
Беретъ ея награду.... Мѣсто боя

Передъ тобой; сразись за тронъ наслѣдный:
Опасность ждетъ — стань съ рыцарскимъ мечемъ
За честь вѣнца, за славу женъ прекрасныхъ.
Когдажъ, сломивъ враговъ, изъ ихъ когтей
Кровавую корону смѣло вырвешь —
Тогда твой часъ; тогда Царю прилично
Вѣнцемъ любви чело свое украсить.

Король вошедшему Пажу.

Что скажешь?

Пажъ.

Ждутъ гонцы изъ Орлеана!

Король.

Впусти!

Пажъ уходитъ.

Они пришли просить защиты....
Что отвѣчать? И самъ я беззащитенъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, орлеанскіе чиновники.

Король.

Какую вѣсть, граждане Орлеана,
Вы принесли? Что мой надежный городъ?
Все такъ же ли съ отважнымъ постоянствомъ
Упорную осаду отражаетъ?

Чиновникъ.

Ахъ, Государь, мы въ крайности; погибель
Часъ отъ часу неизбѣжимѣй; сбиты

Всѣ внѣшнія твердыни; каждый приступъ
Лишаетъ насъ и войска и земли;
Ужъ на стѣнахъ защитники рѣдѣютъ;
Всечасно въ бой выходитъ рать; но съ боя
Не многіе приходятъ въ городъ; скоро
Постигнетъ насъ бѣда ужаснѣй — голодъ.
Въ сей крайности высокій Рошеньеръ,
Намѣстникъ твой, обычаемъ стариннымъ,
Съ врагомъ вступилъ въ послѣдній договоръ:
Чтобъ городъ сдать черезъ двѣнадцать дней,
Когда къ нему въ сей срокъ не будетъ войска,
Могущаго осаду отразить.

Дюнуа показываетъ досаду.

Король.

Двѣнадцать дней! какъ мало!

Чиновникъ.

Непріятель
Насъ пропустилъ, и мы пришли тебя
О помощи спасительной молить.
Будь жалостливъ, не медли, Государь,
Иль Орлеанъ для Франціи погибнетъ.

Дюнуа.

Возможноль?.... Какъ Сантраль могъ согласиться
На сей постыдный договоръ?

Чиновникъ.

О нѣтъ!
Никто не смѣлъ о сдачѣ и помыслить

Пока былъ живъ Сантраль великодушный.

Дюнуа.

Его ужъ нѣтъ?

Чиновникъ.

Сражаясь на стѣнѣ,

За Короля онъ съ честію погибъ.

Король

Сантраль погибъ? Ахъ! въ немъ одномъ погибло

Мнѣ войско храбрыхъ.

Входитъ Рыцарь и говоритъ тихо съ Дюнуа, который показываетъ изумленіе и негодованіе.

Что еще случилось?

Дюнуа.

Къ тебѣ прислалъ Дугласъ: его Шотландцы

Волнуются, грозятся отступить,

Когда не дашь задержанной имъ платы.

Король къ Дю Шателю.

Ты слышишь?

Дю Шатель, пожимая плечами.

Что могу я?

Король.

Обѣщай!

Продать что есть! въ залогъ пол-королевства!

Дю Шатель.

Напрасно все: они словамъ не вѣрятъ.

Король.

Они мое надежнѣйшее войско;

Ужель теперь, теперь меня покинутъ?

Чиновникъ, на колѣнахъ.

О Государь, спаси твой Орлеанъ.

Король, въ отчаяніи.

Могу ль родить вамъ войско изъ земли?
Въ моей рукѣ созрѣетъ ли вамъ жатва?
Вотъ грудь моя; мое пусть вырвутъ сердце;
Пусть выбьютъ изъ него монету; жизнью
Готовъ купить вамъ золото и войско.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и АГНЕСА съ ларчикомъ въ рукахъ.

Король бѣжитъ къ ней на встрѣчу.

Агнеса, ты ль? Приди, мой утѣшитель;
Дай руку мнѣ въ ужасный часъ бѣды;
Отчаянье въ мою тѣснится душу;
Но ты моя.... не все еще погибло.

Агнеса.

О Государь!

Смотря на предстоящихъ въ смятеніи.

Что слышу?..... Дюнуа,
Ужели?

Дюнуа.

Правда.

Агнеса.

Какъ! такая крайность?
Солдатамъ платы нѣтъ, бунтуетъ войско?

Дю Шатель.

Все правда.

Агнеса, *отдавая ему ларчикъ.*

Вотъ вамъ деньги; здѣсь мои
Алмазы; серебро мое расплавьте
Въ монету; замки всѣ мои въ залогъ
Въ залогъ мои Прованскія помѣстья
Все въ золото, чтобъ войско успокоить!
Скорѣй! бѣги, не медли, Дю Шатель.

Король.

Что̀, Дюнуа? Что̀, Дю Шатель? Еще ли
Я бѣденъ? Нѣтъ..... Взгляните на нее;
Она со мной породою равна;
Кровь Валуа не благороднѣй крови
Ея отцевъ; престола украшеньемъ
Была бъ она.... но ей престолъ не лестенъ.
Моею быть — одно ея желанье.
Дарами ль я ее осыпалъ?.... Нѣтъ!
Весенній первый цвѣтъ иль рѣдкій плодъ —
Вотъ всѣ мои дары.... Все въ жертву мнѣ
И ничего на жертву отъ меня
И чтожъ теперь?... Послѣднее ввѣряетъ
Она моей обманчивой судьбѣ.

Дюнуа.

Она тебѣ въ безумствѣ не уступитъ;
Она свое въ горящій домъ бросаетъ,
И бочку Данаидъ наполнить мыслитъ.

Тебя ей не спасти, себя лишь вмѣстѣ
Съ тобою погубить.

Агнеса.

Не вѣрь ему;
Онъ жертвовалъ тебѣ стократно жизнью....
Ему ль дрожать за золото мое?
И не давно ль тебѣ съ веселымъ сердцемъ
Я отдала все то, что драгоцѣннѣй
И золота и перловъ? Мнѣ ли нынѣ
Лишь для себя спасать земное счастье?
Пойдемъ, всѣ лишнія убранства жизни
Отбросимъ прочь... О другъ! дай мнѣ примѣромъ
Высокаго пожертвованья быть;
Преобрати свой дворъ во станъ военный,
И золото въ желѣзо; брось отважно
Все, все за твой обиженный вѣнецъ.
Пойдемъ! бѣды и бѣдность пополамъ!
Пора намъ сѣсть на бранпаго коня;
Пусть солнце льетъ свой жаръ на нашу грудь;
Пусть кровлею намъ будутъ облака;
Пусть будетъ намъ подушкой острый камень.
Безропотно снесетъ суровый ратникъ
Свою бѣду, когда Король примѣромъ
И твердости и самоотверженья.

Король, *усмѣхаясь.*

И такъ, должно обѣщанное сбыться:
Давно, давно монахиня въ Клермонѣ

Въ пророческомъ жару мнѣ предсказала,
Что женщина сразитъ моихъ враговъ,
И мой престолъ наслѣдный завоюетъ.
Я мнилъ ее найти въ Британскомъ станѣ,
Ее искалъ я въ материнскомъ сердцѣ....
Но здѣсь она, спасительница славы;
Въ священный Реймсъ за нею мы пойдемъ;
Побѣду дастъ любовь моей Агнесы.

Агнеса.

Ты побѣдишь мечемъ своихъ друзей.

Король.

Раздоръ враговъ другая намъ надежда.
Уже молва мнѣ вѣрная сказала,
Что охладѣлъ къ союзу Англичанъ
Мой родственникъ Бургундскій Герцогъ; скоро
Узнаю все; къ Филиппу я Ла Гира
Послалъ, чтобъ онъ озлобленнаго Пера
Склонилъ на миръ и дружбѣ возвратилъ.
Всечасно жду отвѣта.

Дюнуа, смотря въ окно.

Рыцарь здѣсь;
Сей часъ сошелъ съ коня онъ у крыльца.

Король.

Желанный гость!.... Друзья, теперь рѣшится:
Къ побѣдѣ ль намъ итти, иль уступить?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Ла Гиръ.

Король.

Скажи, Ла Гиръ, надежда или смерть?
Чего намъ ждать? Скорѣй! двумя словами!

Ла Гиръ.

Твой мечь — вотъ вся теперь для насъ надежда.

Король.

И такъ непримиримъ надмѣнный Герцогъ?
Но что же онъ тебѣ сказалъ въ отвѣтъ?

Ла Гиръ.

Еще не давъ произнести мнѣ слова,
Потребовалъ онъ съ гордостью, чтобъ выданъ
Былъ Дю Шатель: онъ мыслитъ и понынѣ,
Что Дю Шатель убилъ его отца.

Король.

Когда же сей постыдный договоръ
Отвергнемъ мы....

Ла Гиръ.

Тогда и миръ отвергнутъ.

Король.

И ты мое исполнилъ повелѣнье?
Сказалъ, что я готовъ съ нимъ на мосту
У Монтеро, гдѣ палъ его отецъ,
Сразиться?...

Ла Гиръ.

Я твою перчатку бросилъ;
Я объявилъ, что ты, забывъ свой санъ,
Идешь съ нимъ въ бой на жизнь и смерть, какъ рыцарь.
Но гордо онъ отвѣтствовалъ: нѣтъ нужды
Сражаться мнѣ за то, что ужь мое.
Когда же Карлъ столь жаждичаетъ боя,
То пусть найдетъ меня подъ Орлеаномъ:
У стѣнъ его я завтра съ войскомъ буду.
Такъ отвѣчалъ съ презрительнымъ онъ смѣхомъ.

Король.

Но чтожъ? Ужель въ Парламентѣ моемъ
Совсѣмъ умолкъ священный голосъ правды!

Ла Гиръ.

Нѣмѣетъ онъ предъ дерзкимъ буйствомъ партій;
Парламентомъ и ты и весь твой родъ
Отрѣшены на вѣки отъ престола.

Дюнуа.

Безумное властительство гражданъ!

Король.

Но видѣлся ль ты съ матерью моей?

Ла Гиръ.

Съ твоею матерью?....

Король.

Что Королева?

Ла Гиръ.

Скажу ли все?.... Былъ день коронованья

Когда вошелъ я въ Сенъ-Дени; граждане,
Какъ на тріумфъ, разубраны всѣ были;
Вездѣ я зрѣлъ торжественны врата —
И въ нихъ вступалъ съ надменностью Британецъ;
Усыпанъ былъ цвѣтами путь; и словно
Спасеніе отчизны торжествуя,
Рукоплескалъ народъ за колесницей.

Агнеса.

Рукоплескалъ.... предавши Короля,
И растерзавъ отеческое сердце!

Ла Гиръ.

Таясь въ толпѣ, я видѣлъ, какъ Ланкастеръ,
Дитя, сидѣлъ на Королевскомъ тронѣ
Святаго Лудвига, какъ близъ него
Стояли гордые Бедфордъ и Глостеръ,
Какъ нашъ Филиппъ, Бургундскій Герцогъ, братъ твой,
Произносилъ предъ нимъ обѣтъ подданства.

Король.

Невѣрный братъ! предатель нашей чести!

Ла Гиръ.

Ребенокъ оробѣлъ и спотыкнулся,
Всходя на тронъ по ступенямъ высокимъ.
„Не добрый знакъ!“ послышалось въ народѣ,
И поднялся отвсюду громкій хохотъ.
Но что же?.... Вдругъ твоя родная мать....
О вѣчный стыдъ!.... приблизилась.... скажу ли?

Король.

Скажи!

Ла Гиръ.

И на руки схвативъ младенца,
Его сама на тронъ твой посадила.

Король.

О сердце матери!

Ла Гиръ.

Бургундцы сами,
Грабители, привыкшіе къ убійству,
При видѣ семъ зардѣлись отъ стыда.
Но чтожъ она?.... Взглянувши на толпу,
Сказала вслухъ: Французы, я для васъ
Больную вѣтвь здоровою смѣнила;
Для васъ навѣкъ отвергнула я сына.
Исчадіе безумнаго отца.

Дюнуа.

Чудовище!

Король.

Вы слышали, друзья?
Чегожъ вамъ ждать? Спѣшите возвратиться
Въ свой Орлеанъ, и гражданамъ скажите,
Что самъ Король ихъ клятвы разрѣшаетъ.
Не у меня спасенья имъ искать.
Пускай идутъ съ покорностью къ Бургундцу;
Онъ милостивъ; его прозванье: *Добрый.*

Дюнуа.

Возможно ли?.... Покинуть Орлеанъ?

Чиновникъ.

О [illegible] Государь, не отнимай отъ насъ
Твоей руки; не отдавай на жертву
Грабительству Британцевъ Орлеана;
Въ твоемъ вѣнцѣ онъ самый лучшій перлъ;
Онъ вѣрностью къ законнымъ Королямъ
Всегда былъ знаменитъ.

Дюнуа.

Но развѣ мы
Разбиты?.... Мы ль покинемъ поле чести,
За Орлеанъ меча не обнаживъ?
Какъ? Не проливъ единой капли крови,
Ты думаешь ничтожнымъ словомъ вырвать
Изъ сердца Франціи твой лучшій городъ?

Король.

Довольно кровь лилась; напрасно все;
Рука небесъ на мнѣ отяготѣла;
Вездѣ мои разбиты войска; я
Парламентомъ отвергнутъ; мой Парижъ
И весь народъ врагу рукоплескаютъ;
И кровные преслѣдуютъ меня;
И все мой врагъ — сама родная мать.....
Мы перейдемъ не медля за Луару;
Не устоять противъ руки небесъ;
Она теперь на насъ за иноземца.

Агнеса.

Что слышу?... Мы ль, въ самихъ себѣ отчаясь,
Отечества постыдно отречемся?
Достойно ли тебя такое слово?
Нѣтъ, матери чудовищное дѣло
Минутно твой геройскій слухъ смутило.
Войди въ себя; будь снова твердый мужъ;
Съ величіемъ бѣдѣ противостань,
И побѣдишь.....

Король, въ горестной задумчивости

Усилія напрасны;
Ужасная свершается судьба
Надъ родомъ Валуа; его самъ Богъ
Отринулъ; мать злодѣйствами погибель
Накликала на мой несчастный домъ;
Отецъ мой былъ безумцемъ двадцать лѣтъ;
Безвременно моихъ трехъ старшихъ братьевъ
Сразила смерть..... то Божій приговоръ:
Погибнетъ все шестаго Карла племя.

Агнеса.

Въ тебѣ оно воскреснетъ обновленнымъ.
О вѣрь въ себя! Судьбою не напрасно
Ты, младшій братъ, твоихъ погибшихъ братьевъ
Былъ пережить назначенъ; не напрасно
Ты на престолъ нежданный возведенъ:
Твоя, твоя прекрасная душа
Есть избранный цѣлитель тяжкихъ ранъ,

Отечеству раздоромъ нанесенныхъ:
Пожаръ войны гражданской ты потушишь;
Мнѣ сердце говоритъ: ты дашь намъ миръ,
И Франціи создатель новый будешь.

Король.

Не я… крутымъ и бурнымъ временамъ
Въ правители сильнѣйшій кормщикъ нуженъ.
Счастливить могъ бы я народъ спокойный —
Но съ дикостью бунтующей не слажу;
Не мнѣ мечемъ кровавымъ разверзать
Себѣ сердца, заперші ся въ злобѣ.

Агнеса.

Народъ твой слѣпъ; онъ призракомъ обманутъ;
Сей тяжкій сонъ не можетъ продлиться;
День не далекъ: пробудится любовь
Къ законнымъ Королямъ — въ груди Французовъ
Она всегда жива и неизмѣнна —
Пробудятся и ненависть и ревность,
Врожденныя двумъ націямъ противнымъ,
И гордый врагъ своимъ погибнетъ счастьемъ.....
Не отходиж отъ поприща побѣдъ,
Воюй, борись за каждый шагъ земли;
Обороняй, какъ собственную грудь,
Твой Орлеанъ. Скорѣй всѣ переправы
Разрушь, скорѣе всѣ сожги мосты,
Ведущіе за грань твоей державы,
Туда, гдѣ нѣтъ ужъ чести, за Луару.

Король.

Что могъ, то все я сдѣлалъ; самъ, какъ рыцарь,
Я былъ готовъ на смертный поединокъ
За мой вѣнецъ... но вызовъ мой отринутъ.
Я тщетно жизнь моихъ народовъ трачу;
Всѣ города мои валятся въ прахъ.
Иль, матери свирѣпой уподобясь,
Своихъ дѣтей на жертву самъ я брошу?
Нѣтъ, лучше самъ погибну, ихъ спасая!

Дюнуа.

О Боже! толь языкъ Монарха? Такъ ли
Вѣнецъ свой должно уступать?... Послѣдній
Твой подданный отважно отдаетъ
И кровь и жизнь за мнѣнье, за любовь
И ненависть свою; все жертва партій
Во времена войны междуусобной!
Тогда свой плугъ бросаетъ земледѣлецъ;
Старикъ, дитя кидаются къ мечу;
И гражданинъ свой городъ, пахарь ниву
Своей рукою жгутъ; и каждый рвется
Тебѣ служить иль вредъ тебѣ нанесть,
Чтобъ отстоять души своей желанье.
Никто не дастъ пощады и не приметъ,
Какъ скоро честь зоветъ и биться должно
За идола иль Бога своего.
И такъ отринь изнѣженную жалость —
Она душѣ Монарха неприлична;

Пускай война сама свой огнь потушитъ;
Не ты ее безумно воспалилъ.
Народъ за тронъ себя щадить не долженъ —
Такой законъ и вѣчный жребій свѣта;
Инаго мы, Французы, не признаемъ;
И стыдъ той націи, которой жаль
Все положить за честь свою святую.

Король къ чиновникамъ.

Подите! вамъ защитой небеса;
А я для васъ ничто.

Дюнуа.

Да отвратитсяжъ
Навѣки Богъ побѣды отъ тебя,
Какъ ты отъ Франціи! Когда ты самъ
Себя оставилъ — мы должны разстаться.
Не Англія съ бунтующимъ Бургундцемъ —
Твой робкій духъ тебя сгоняетъ съ трона.
Природный даръ Французскихъ Королей
Геройство — тыжъ не мужемъ быть рожденъ.

Къ чиновникамъ.

Монарха нѣтъ у васъ; но я за вами!
Я затворюсь въ родимый Орлеанъ,
И съ нимъ въ его развалинахъ погибну.

Хочетъ итти

Агнеса.

О Государь, останови его;
Онъ на словахъ жестокъ, но сердцемъ вѣренъ,
Какъ золото; онъ твой; тебя онъ любитъ;

Онъ за тебя лилъ кровь.... прольетъ и нынѣ.....
Признайся, Дюнуа, ты далеко
Былъ заведенъ досадой благородной.....
А ты прости его суровой дружбѣ......
Ахъ! дайте мнѣ, пока не разгорѣлся
Въ сердцахъ огонь вражды непримиримой,
Заременно быть вашимъ миротворцемъ.

Дюнуа смотритъ на Короля и ждетъ отвѣта.

Король къ Дю Шателю

Мы перейдемъ Луару; на суда
Вели скорѣй все нагружать.....

Дюнуа поспѣшно Агнесѣ.

Прости.

Уходитъ съ чиновниками

Агнеса.

Стой, Дюнуа!.... Теперь мы беззащитны!....
Бѣги за нимъ, Ла Гиръ, смягчи его.

ЯВЛЕНІЕ VI.

КОРОЛЬ, АГНЕСА, ДЮ ШАТЕЛЬ.

Король.

Ужели тронъ единственное благо?
Ужели съ нимъ разстаться такъ несносно?....
О нѣтъ! я зло несноснѣйшее знаю:
Игрушкой быть сихъ дерзкихъ, гордыхъ душъ;
Покорствовать; жить милостью вассаловъ;
Отъ грубой ихъ надмѣнности зависѣть —

Вотъ бѣдствіе, вотъ жребій нестерпимый.
Не легче ли судьбѣ своей поддаться?

Къ Дю Шателю.

Исполни мой приказъ.

Дю Шатель, на колѣняхъ.

О Государь!

Король.

Ни слова! рѣшено! поди!

Дю Шатель.

Нѣтъ! нѣтъ!
Склонись на миръ съ Филиппомъ; Государь,
Другаго нѣтъ спасенья для тебя.

Король.

Какой совѣтъ!... Но развѣ ты забылъ,
Что жизнь твоя цѣною примиренья?

Дю Шатель.

Вотъ голова моя; я за тебя
Не разъ ее носилъ въ сраженье... нынѣ
Я за тебяжъ несу ее на плаху.
Инаго средства нѣтъ; предай меня
На произволъ неумолимой злобы;
Пускай вражда въ моей крови потухнетъ.

Король, съ горестью.

Какъ! до тоголь дошло?... Мои друзья,
Которымъ вся душа моя открыта,
Мнѣ путь стыда къ спасенью выбираютъ!

Теперь свою всю бѣдность узнаю:
На честь мою довѣренность погибла.

Дю Шатель.

О нѣтъ!.....

Король.

Молчи! не раздражай меня!
Хотя бы сто престоловъ мнѣ терять —
Я не спасусь погибелію друга....
Исполни то, что я велѣлъ, иди;
Чтобъ на суда немедленно грузились.

Дю Шатель.

Иду.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КОРОЛЬ, АГНЕСА.

Король.

Не унывай, моя Агнеса,
Есть Франція для насъ и за Луарой.

Агнеса.

Почто должна я страшный день сей видѣть!
Король итти въ изгнанье осужденъ;
Семейный домъ покинуть долженъ сынъ,
И съ милою разстаться колыбелью....
О родина, прекрасная земля,
Прости, тебя мы вѣчно не увидимъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Ла Гиръ.

Агнеса.

Ла Гиръ, ты здѣсь? А Дюнуа?

Смотритъ на него пристально.

Но что?

Сверкаетъ взоръ твой.... говори, Ла Гиръ.

Иль новая бѣда?

Ла Гиръ.

Бѣды прошли?

Намъ небеса опять благопріятны.

Агнеса.

Возможноль? Какъ?

Ла Гиръ, *Королю.*

Скорѣе Орлеанскихъ

Чиновниковъ вели позвать.

Король.

За чѣмъ?

Ла Гиръ.

Судьба войны на нашей сторонѣ:

Дано сраженіе; мы побѣдили.

Король.

Ла Гиръ, меня ты льстишь молвой напрасной.

Мы побѣдили? Нѣтъ, то слухъ невѣрный.

Ла Гиръ.

Повѣришь ты чудеснѣйшему скоро.

Но вотъ идетъ Архіепископъ; съ нимъ
И Дюнуа.

Агнеса.

О сладкій цвѣтъ побѣды!
Какъ скоро плодъ небесный онъ приноситъ:
Согласіе и примиренье!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Архіепископъ, Дюнуа, Рауль.

Архіепископъ.

Принцы,
Забудьте гнѣвъ, другъ другу дайте руку;
Раздору мѣста нѣтъ; за насъ Всевышній.

Король и Дюнуа обнимаются.

Король.

Друзья, мое сомнѣнье разрѣшите;
Я вѣрю вамъ и вѣрить вамъ страшусь;
Когда и какъ столь быстро перемѣна
Чудесная свершилась?

Архіепископъ Раулю.

Говори.

Рауль.

Шестьнадцать было насъ знаменъ; мы шли
Примкнуть къ тебѣ; нашъ храбрый предводитель
Былъ рыцарь Бодрикуръ изъ Вокулёра.
Но только мы достигли Фермантонскихъ

Высотъ, и въ долъ, Іоцной орошенный,
Спустились.... вдругъ явился намъ въ дали
Равнину всю занявшій непріятель.
Хотимъ назадъ.... возвратный путь захваченъ;
Спасенья нѣтъ; побѣда невозможна;
Храбрѣйшіе упали духомъ; ратникъ
Оружіе готовъ былъ кинуть; тщетно,
Совѣтуясь, вожди искали средства
Къ отпору — средства нѣтъ.... Но въ этотъ мигъ
Свершается неслыханное чудо:
Изъ глубины густой, дубовой рощи
Выходитъ къ намъ дѣвица, яркій шлемъ
На головѣ; идетъ, какъ божество,
Прекрасная и страшная на взглядъ,
И темными кудрями по плечамъ
Летаютъ волосы..... и вдругъ чело
Сіяніемъ небеснымъ обвилося,
Когда она, приблизившись, сказала:
„Что медлите, Французы? На врага!
„Будь онъ морскихъ песковъ неисчислимѣй...
„За васъ Господь и Дѣва Пресвятая!“
И вмигъ она изъ рукъ знаменоносца
Исторгла знамя; съ нимъ впередъ, и въ страшномъ
Величіи пошла передъ рядами.
Мы, изумясь, безмолвные, невольно
За дивною воительницей вслѣдъ...
И на врага ударили, какъ буря.

Оторопѣвъ, ударомъ оглушенный,
Недвижимый, испуганными смотритъ
Очами онъ на гибельное чудо....
И вдругъ — какъ будто сталъ Господній ужасъ
Ему въ лице — онъ дрогнулъ и бѣжитъ,
Бросая щитъ и мечь; и по равнинѣ
Въ единый мигъ все войско разметалось;
Забыто все; невнятенъ кликъ вождей;
Преслѣдуемъ, разимый безъ отпора,
Бѣжитъ онъ, глазъ не смѣя обратить;
Въ рѣку стремглавъ и конь и всадникъ мчатся....
И то была не битва, но убійство;
На мѣстѣ ихъ двѣ тысячи легло,
Но болѣе въ волнахъ рѣки погибло.....
А наши всѣ остались невредимы.

Король.

Не слыхано! чудесно!

Агнеса.

Кто она?

Раулъ.

Одинъ Король сію узнаетъ тайну.
Пророчицей, посланницею Бога
Она себя зоветъ и обѣщаетъ
До совершенія луны прогнать
Врага и снять осаду Орлеана.
Ей вѣруя, народъ сраженья жаждетъ;

И скоро здѣсь она сама явится.

Звонъ колоколовъ и шумъ за сценою.

Вы слышите..... шумитъ народъ.... Она!

Король къ Дю Шателю.

Введи ее сюда.

Архіепископу.

Но что мнѣ думать?
Побѣда намъ отъ дѣвы.... и когда же?
Когда лишь Богъ одинъ спасти насъ можетъ.
Естественноль? И гдѣ законъ природы?
Скажи, отецъ, повѣрить ли мнѣ чуду?

Голоса за сценою.

Да здравствуетъ спасительница, дѣва!

Король.

Идетъ.

къ Дюнуа.

Займи мое на время мѣсто;
Пророчицу мы опыту подвергнемъ;
Когда съ небесъ ей послано всезнанье —
Она сама откроетъ Короля.

ЯВЛЕНІЕ X.

Прежніе, Іоанна, за нею **Чиновники Орлеанскіе** и множество **Рыцарей**, которые занимаютъ всю глубину сцены. Съ величіемъ выступаетъ она впередъ и осматриваетъ предстоящихъ одного за другимъ.

Дюнуа, съ важностію.

Тыль, дивная....

Іоанна прерываетъ его величественно.

Ты Бога испытуешь:

Не на своемъ ты мѣстѣ, Дюнуа;

Вотъ тотъ, къ кому меня послало небо.

Рѣшительно приближается къ Королю, преклоняетъ предъ нимъ колѣно, потомъ встаетъ и на нѣсколько шаговъ отступаетъ. Дюнуа сходитъ съ мѣста. Король остается одинъ посреди сцены.

Король.

Мое лицо ты видишь въ первый разъ;

Кто далъ тебѣ такое откровенье?

Іоанна.

Я видѣла тебя.... но только тамъ,

Гдѣ ты никѣмъ незримъ былъ, кромѣ Бога.

Приближается и говоритъ таинственно.

Ты помнишь ли, что было въ эту ночь?

Тогда, какъ все кругомъ тебя заснуло

Глубокимъ сномъ—не ты ль, покинувъ ложе,

Съ молитвою предъ Господомъ простерся?

Вели имъ выдти..... я твою молитву

Тебѣ скажу.

Король.

Что Богу я повѣрилъ,

Не потаю того и отъ людей.

Открой при нихъ моей молитвы тайну—

Тогда твое признаю назначенье.

Іоанна.

Ты произнесъ предъ Богомъ три молитвы!

И первою молилъ ты, чтобъ Всевышній—

Когда твой тронъ стяжаніемъ неправымъ
Иль незаглаженной изъ древнихъ лѣтъ
Виной обремененъ и тѣмъ на насъ
Навлечена губящая война—
Тебя избралъ мирительною жертвой,
И на твою покорную главу
Излилъ за насъ всю чашу наказанья.

Король отступая съ трепетомъ.

Но кто же ты, чудесная?... Откуда?...

Всѣ въ изумленіи.

Іоанна.

Другая же твоя была молитва:
Когда уже назначено Всевышнимъ
Тебя лишить родительскаго трона,
И все отнять, чѣмъ праотцы твои,
Вѣнчанные, владѣли въ сей землѣ—
Чтобъ сохранить тебѣ три лучшихъ блага:
Спокойствіе души самодовольной,
Твоихъ друзей и вѣрную Агнесу.

Король закрываетъ лице и плачетъ. Движеніе изумленія въ толпѣ. Іоанна помолчавъ, продолжаетъ.

Скажу ль твою послѣднюю молитву?

Король.

Довольно; вѣрую; сего не можетъ
Единый человѣкъ; съ тобой Всевышній!

Архіепископъ.

Откройся жь намъ, всезнающая, кто ты?

Въ какомъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?

Іоанна.

Святый отецъ, меня зовутъ Іоанна;
Я дочь простаго пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ Тула;
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слыхала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
Немилаго народу, какъ столицей
И Франціей властительствовалъ онъ....
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Насъ отъ цѣпей пришельца защитить,
Намъ Короля законнаго сберечь.
И близъ села, въ которомъ я родилась,
Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы—
Къ нему толпой приходятъ богомольцы—
И близъ него стоитъ священный дубъ,
Прославленный издревле чудесами;
И я въ тѣни его сидѣть любила,
Пася овецъ—меня стремило сердце—
И всякой разъ, когда въ горахъ пустынныхъ
Случалося ягненку затеряться,
Пропадшаго являлъ мнѣ дивный сонъ,
Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала.

И разъ — всю ночь съ усердною молитвой,
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ древомъ —
Пречистая предстала мнѣ; въ рукахъ
Ея былъ мечь и знамя, но одѣта
Она была, какъ я, пастушкой; и сказала:
„Узнай меня, возстань; иди отъ стада;
„Господь тебя къ иному призываетъ.
„Возми сіе святое знамя; мечь
„Сей опояшь и имъ неустрашимо
„Рази враговъ народа моего,
„И проведи Помазанника въ Реймсъ,
„И увѣнчай его вѣнцемъ наслѣднымъ.“
Но я сказала: мнѣль, смиренной дѣвѣ,
Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
На подвигъ сей погибельный дерзать?
„Дерзай — она рекла мнѣ — чистой дѣвѣ
„Доступно все великое земли,
„Когда земной любви она не знаетъ.“
Тогда моихъ очей Она коснулась....
Подъемлю взоръ: исполнено все небо
Сіяющихъ, крылатыхъ Серафимовъ;
И въ ихъ рукахъ прекрасныя лилеи;
И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ.....
И такъ Пречистая три ночи съ ряду
Являлась мнѣ и говорила: „встань,
„Господь тебя къ иному призываетъ.“
Но въ третью ночь, Она, явясь во гнѣвѣ,

Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:
„ Удѣлъ жены — тяжелое терпѣнье;
„ Возми твой крестъ, покорствуй небесамъ;
„ Въ страданіи земное очищенье;
„ Смиренный здѣсь — возвышенъ будетъ тамъ. "
И съ словомъ симъ Она съ себя одежду
Пастушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ
Явилась мнѣ Царицею небесъ,
И на меня съ утѣхой поглядѣла,
И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
Къ обители блаженства полетѣла.

Всѣ тронуты. Агнеса въ слезахъ закрываетъ лице руками.

Архіепископъ, по долгомъ молчаніи

Должно̀ молчать передъ глаголомъ неба
Сомнѣніе премудрости земной:
Здѣсь истинѣ событіе свидѣтель;
Единый Богъ подобное творитъ.

Король.

Достоинъ ли я милости такой?...
Всевидящій, Необольстимый, Ты,
Свидѣтель душъ, въ моей душѣ читаешь.

Іоанна.

Покорности всегда Господь доступенъ;
Смирился ты — тебя Онъ возвеличилъ.

Король.

И такъ съ врагомъ могу еще бороться?

Іоанна.

Я Францію во власть твою предамъ.

Король.

И Орлеанъ не будетъ завоеванъ?

Іоанна.

Скорѣй назадъ Луара потечетъ.

Король.

И Реймса я съ побѣдою достигну?

Іоанна.

По трупамъ ихъ тебя въ него введу.

Всѣ предстоящіе Рыцари, показывая мужество, гремятъ копьями и щитами.

Дюнуа.

Вели ей стать предъ нашимъ войскомъ; слѣпо
За дивною мы бросимся во слѣдъ.
Намъ вождь ея пророческое око;
А вѣрный ей защитникъ — этотъ мечь.

Ла Гиръ.

Будь міръ на насъ, будь врагъ въ союзѣ съ адомъ—
Не дрогнемъ, стой она лишь впереди!
Мы ради въ бой! Чудесная, веди!
Самъ Богъ побѣдъ пойдетъ съ тобою рядомъ!

Король.

Такъ, я тебѣ свое ввѣряю войско;
Его вожди твою признаютъ власть.
Прими сей мечь, сей знакъ верховной силы,
Покинутый строптивымъ полководцемъ —

Его кладу въ достойнѣйшую руку;
И будь отнынѣ ты....

Іоанна.

Постой, Дофинъ,
Орудіе могущества земнаго
Не совершитъ побѣды. Мечь другой,
Предъизбранный сразить врага, я знаю.
Чудеснымъ сномъ указанъ мнѣ сей мечь;
Мнѣ вѣдомо то мѣсто, гдѣ онъ скрытъ!

Король.

Гдѣ?

Іоанна.

Въ городѣ старинномъ Фьербуа
Кладбище есть святой Екатерины;
На древнемъ томъ кладбищѣ есть палата,
Гдѣ множество набросано оружій —
Военная добыча древнихъ лѣтъ —
Межъ ними скрытъ мой мечь обѣтованный.
Примѣтажъ: три лиліи золотыя
Изсѣчены на лезвеѣ булатномъ.
Найди сей мечь — въ немъ сила и побѣда.

Король.

Немедленно исполнить, Дю Шатель.

Іоанна.

И бѣлое хочу носить я знамя,
Обшитое пурпурной полосой.
Изобразить на немъ Святую Дѣву

Съ Спасителемъ-Младенцемъ на рукахъ,
И подъ Ея стопами шаръ земной:
Въ Ея рукѣ такое было знамя.

Король.

Исполню все.

Іоанна къ Архіепископу.

Святой Архіепископъ,
Моей главы коснись твоей рукою,
И дочь свою, отецъ, благослови.

Становится на колѣни.

Архіепископъ.

Не намъ тебя благословлять; тобою
Сошло на насъ благословенье..... Съ Богомъ
Гряди; а мы, и въ мудрости своей,
Слѣпцы.

Пажъ.

Герольдъ отъ Графа Салисбури.

Іоанна.

Введи; Господь приводитъ къ намъ его.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, герольдъ.

Король.

Кѣмъ посланъ ты, герольдъ? Съ какою вѣстью?

Герольдъ.

Найду ли здѣсь я Карла Валуа?

Дюнуа.

Презрительный ругатель, какъ дерзаешь

Ты Короля законнаго Французовъ

Здѣсь на его землѣ не признавать?

Твой санъ тебѣ защита; безъ того....

Герольдъ.

Одинъ Король законный у Французовъ;

Но онъ теперь живетъ въ Британскомъ станѣ.

Король къ Дюнуа.

Спокойся, другъ.... доканчивай, герольдъ!

Герольдъ.

Военачальникъ мой, жалѣя крови,

Которая пролита и прольется,

Свой грозный мечь въ ножнахъ остановилъ;

И, гибнущій спасая Орлеанъ,

Съ тобой вступить желаетъ въ договоръ.

Король.

Въ какой?

Іоанна.

Позволь мнѣ именемъ твоимъ

Сказать отвѣтъ герольду.

Король.

Говори,

Тебѣ рѣшить судьбу войны иль мира.

Іоанна.

Кто говоритъ, герольдъ, въ твоемъ лицѣ?

Герольдъ.

Графъ Салисбури, вождь Британцевъ.

Іоанна.

Лжешь,

Герольдъ; одни живые говорятъ;
И такъ твой вождь здѣсь говорить не можетъ.

Герольдъ.

Но вождь мой живъ — и здравіемъ и силой
Исполненъ онъ врагамъ на истребленье.

Іоанна.

Вчера былъ живъ, а нынче на зарѣ
Убитъ онъ выстрѣломъ изъ Орлеана,
Когда стоялъ на башнѣ Латурнель.
Смѣешься ты моей чудесной вѣсти;
Но вѣрь не мнѣ — своимъ глазамъ, герольдъ.
Ты, въ лагерь свой вступая, будешь встрѣченъ
Печальными его похоронами.
Теперь скажи: въ чемъ ваше предложенье?

Герольдъ.

Когда тебѣ все тайное открыто —
Его сама ты знаешь безъ меня.

Іоанна.

Но знать его не нужно мнѣ теперь.
Внимай, герольдъ, внимай и повтори
Мои слова Британскимъ полководцамъ:
Ты, Англійскій Король, ты, гордый Глостеръ,
И ты, Бедфордъ, бичи моей страны,

Готовьтесь дать Всевышнему отчетъ
За кровь пролитую; готовьтесь выдать
Ключи градовъ, отъятыхъ вопреки
Святѣйшаго божественнаго права.
Отъ Господа предъизбранная дѣва
Несетъ вамъ миръ иль гибель — выбирайте!
Вѣщаю здѣсь, и вѣдомо да будетъ:
Не вамъ, не вамъ Всевышній завѣщалъ
Святую Францію — по моему
Владыкѣ, Карлу; онъ отъ Бога избранъ;
И вступитъ онъ въ столицу съ торжествомъ,
Любовію народа окруженный.....
Теперь, герольдъ, спѣши къ твоимъ вождямъ;
Но знай, когда съ сей вѣстію до стана
Достигнешь ты — ужъ дѣва будетъ тамъ,
Съ кровавою свободой Орлеана.

Уходитъ; всѣ за нею

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мѣсто, окруженное утесами. Ночь.

ТАЛЬБОТЪ, ЛІОНЕЛЬ, ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ, ФАСТОЛЬФЪ, ШАТИЛЬОНЪ, СОЛДАТЫ.

ТАЛЬБОТЪ.

Здѣсь можемъ мы, подъ этими скалами,
Разбить шатры; здѣсь мѣсто безопасно;
Сюда сберемъ скорѣе бѣглецовъ,
Разстроенныхъ внезапностью и страхомъ.
По высотамъ разставить стражу; правда,
Преслѣдовать не будутъ ночью насъ;
Хотя бъ они имѣли крылья — намъ
Не льзя теперь бояться нападенья:
Но все нужна предосторожность; врагъ
Успѣхомъ ободренъ, а мы разбиты.

Фастольфъ уходитъ съ солдатами.

Ліонель.

Разбиты! мы! невѣрная судьба!
Возможно ли постигнуть, чтобъ Французъ
Торжествовалъ и насъ бѣгущихъ видѣлъ!
О Орлеанъ, могила нашей славы,
Честь Англіи погибла предъ тобой!
Постыдное, презрительное бѣгство!
Повѣрятъ ли грядущія лѣта,
Чтобъ женщиной былъ прогнанъ побѣдитель
При Пуатьѐ, Креки и Азинкурѣ?

Герцогъ.

Утѣшимся, не силой человѣка
Разбиты мы, но силой чародѣйства.

Тальботъ.

Нѣтъ, силой нашего безумства.... Герцогъ,
Ужель и ты испуганъ привидѣньемъ?
Но суевѣріе не оправданье
Для робкихъ; первый ты бѣжалъ съ твоими.

Герцогъ.

Но кто же устоялъ? Все побѣжало.

Тальботъ.

Нѣтъ, прежде всѣхъ твое крыло смѣшалось.
Не вы ли въ лагерь къ намъ вломились съ воплемъ:
„Пропали! адъ за Францію воюетъ!“
И не тогда ль смятенье стало общимъ?

Ліонель.

Вы первые бѣжали, это правда.

Герцогъ.

На первыхъ насъ ударилъ непріятель.

Тальботъ.

Онъ угадалъ, что вы не устоите,
Что робкіе и храбрыхъ увлекутъ.

Герцогъ.

Какъ?.... Яль одинъ виною пораженья?

Ліонель.

Свидѣтель Богъ, безъ васъ бы Орлеана
Не потерять намъ...

Герцогъ.

Такъ! но потому,
Что вы безъ насъ его бъ и не видали.
Кто вамъ открылъ во Францію дорогу?
Кто руку вамъ защитную простеръ,
При выходѣ на брегъ враждебно-чуждый?
Кѣмъ Генрихъ вашъ въ Парижѣ коронованъ?
Кто покорилъ ему сердца Французовъ?...
Не будь моя могущая рука
Вожатый вашъ—вы дыма бъ не видали
Встающаго вдали съ Французской кровли.

Ліонель.

Такъ, будь въ словахъ напыщенныхъ побѣда—
Ты былъ бы здѣсь одинъ завоеватель.

Герцогъ.

Раздражены утратой Орлеана,
Хотите вы всю желчь напрасной злобы

На вѣрнаго союзника пролить.
Но ктожъ у васъ похитилъ Орлеанъ?
Не вы ли? Онъ готовъ былъ покориться —
Кто помѣшалъ?... Корысть и зависть ваша.

ТАЛЬБОТЪ.

Не для тебя его мы осаждали.

ГЕРЦОГЪ.

Уйди я съ войскомъ.... чтобъ тогда вы были?

ЛІОНЕЛЬ.

Все тожъ, что въ день побѣды Азинкурской,
Когда съ тобой и съ Франціей одни
Мы сладили.

ГЕРЦОГЪ.

Но цѣну дорогую
За мой союзъ Регентъ вашъ заплатилъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Онъ стоитъ намъ теперь еще дороже:
Онъ чести насъ лишилъ предъ Орлеаномъ.

ГЕРЦОГЪ.

Молчи, Тальботъ, иль будешь сожалѣть!
За тѣмъ ли я отечества отрекся,
И на себя навлекъ позоръ измѣны,
Чтобы сносить ругательства пришельцовъ?
За чѣмъ я здѣсь? За что сражаюсь съ Карломъ?
Когда служить неблагодарнымъ должно —
Вѣрнѣй служить родному Королю.

Тальботъ.

Мы знаемъ: ты въ переговоры съ Карломъ
Уже вступилъ..... но вѣрь, что отъ измѣны
Себя мы защитимъ.

Герцогъ.

Великій Боже,
Что слышать мнѣ досталось!.... Шатильонъ,
Собрать полки! сей часъ отступимъ!....

Шатильонъ уходитъ.

Ліонель.

Съ Богомъ.
Британія всегда торжествовала,
Когда ея надежный мечь одинъ
Разилъ, не ждавъ союзниковъ невѣрныхъ.
Всякъ за себя сражайся; кровь Француза
Съ Британскою не породится кровью.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, королева изабелла,

Королева.

Возможно ли? Что слышу, полководцы?
Какой враждебный духъ васъ обуялъ?
Вы на себя раздоромъ безразсуднымъ
Постыдную накличете погибель.
Въ согласіи теперь спасенье наше.....
Останови полки свои, Филиппъ;

А ты, Тальботъ, достойно-славный, руку
Въ знакъ мира дай обиженному другу....
Тебя зову на помощь, Ліонель,
Скажи вождямъ мирительное слово.

Ліонель.

Нѣтъ! я молчу; мнѣ все равно; и лучше
Разрознить то, чему не льзя быть вмѣстѣ.

Королева.

Ужель и здѣсь владычествуетъ адъ,
Столь гибельно смутившій насъ въ сраженьи?
Скажите, кто зачинщикъ былъ? Тальботъ,
Ты ль, выгоду свою пренебрегая,
Достоинство союзника обидѣлъ?
Но что начнешь, союзъ его отринувъ?
Не имъ ли вашъ Король на тронѣ нашемъ?
Кого вѣнчалъ, того и развѣнчать
Ему легко. Пускай нахлынетъ вся
Британія на наши берега....
Не побѣдитъ, когда согласны будемъ:
Лишь Франція для Франціи опасна.

Тальботъ.

Союзника надежнаго я чту;
Но долгъ вождя предателей беречься.

Герцогъ.

Кто пренебрегъ коварно благодарность,
Тому знакомъ и лжи языкъ безстыдный.

КОРОЛЕВА.

Какъ, Герцогъ, ты ль забудешь честь, и руку
Подашь руку, еще облитой кровью
Предательски убитаго отца?
Безуміе повѣрить, чтобъ Дофинъ,
Къ погибели тобою приведенный,
Тебѣ свой стыдъ простить отъ сердца могъ.
Надъ бездной онъ, и пасть въ нее готовъ....
Ты ль самъ свое творенье уничтожишь?
Здѣсь, здѣсь твои друзья; въ союзѣ тѣсномъ
Съ Британіей спасеніе твое.

ГЕРЦОГЪ.

О мирѣ я съ Дофиномъ и не мыслилъ;
Но какъ молчать?... Могуль снести презрѣнье
И дерзкую хвастливость пришлецовъ?

КОРОЛЕВА.

Не обвиняй горячности минутной.
Прискорбенъ вождь: побѣдой онъ обманутъ;
Въ несчастіи мы всѣ несправедливы;
Спѣши же съ нимъ обняться; примиритесь,
Пока раздоръ еще не разгорѣлся.

ТАЛЬБОТЪ.

Что скажешь, Герцогъ? Кто душею правъ,
Тому легко покорствовать разсудку;
Я убѣжденъ совѣтомъ Королевы.
Забудь мои поспѣшныя слова,
И руку мнѣ залогомъ дружбы дай.

Герцогъ.

Согласенъ, вотъ рука; необходимость
Велитъ мнѣ гнѣвъ правдивый укротить.

Даютъ другъ другу руку.

Ліонель, смотря на нихъ, про себя.

Надеженъ миръ, подписанный Мегерой.

Королева.

Въ сраженьи мы разбиты, полководцы
И счастье не за насъ; но бодрость нашу
Сразитъ ли неуспѣхъ? Пускай Дофинъ,
Отчаяся въ защитѣ неба, адъ
Въ сообщники зоветъ.... напрасно губитъ
Онъ душу; Адъ его не защититъ.
Будь дѣва ихъ вождемъ побѣдоноснымъ—
За васъ его разгнѣванная мать.

Ліонель.

Нѣтъ, Королева, мой совѣтъ: въ Парижъ
Вамъ возвратиться; намъ не нужно женщинъ.

Тальботъ.

Такъ, признаюсь, съ тѣхъ поръ какъ въ станѣ вы,
Намъ ни на что благословенья нѣтъ.

Герцогъ.

Подите; вамъ при войскѣ быть не должно;
На васъ глядитъ неблагосклонно ратникъ.

Королева, смотря на каждаго съ изумленіемъ.

И ты за нихъ! и ты къ неблагодарнымъ,
Филиппъ, присталъ, ругаться надо мной!

Герцогъ.

Нѣтъ, Королева, рать теряетъ бодрость;
Противно ей за васъ идти въ сраженье.

Королева.

Возможноль? Васъ едва я примирила—
И вы меня согласны ужъ отрѣчься.
Но знать хочу, въ союзѣ мы иль нѣтъ?
Не за одноль сражаемся мы дѣло?

Тальботъ.

Не за одно; мы рыцарски стоимъ
За честь отечества, за наше право.

Герцогъ.

Я за отца убійцамъ отомщаю;
Сыновній долгъ вложилъ мнѣ въ руку мечь.

Тальботъ.

Но, признаюсь, поступки ваши съ сыномъ
И человѣчеству и Божеству
Противны.

Королева.

Прòклятъ будь онъ въ чадахъ чадъ;
Надъ матерью своею онъ ругался.

Герцогъ.

Онъ мстилъ за честь супруга и отца.

Королева.

Онъ быть дерзнулъ судьей моихъ дѣяній;
Онъ мать свою на ссылку осудилъ.

Мнѣ, мнѣ его простить? Скорѣй погибну!
Скорѣй, чѣмъ дать ему престолъ наслѣдный...

Тальботъ.

Вы честь свою готовы посрамить.

Королева.

Не знаете вы, слабыя сердца,
Что чувствуетъ обиженная мать.
Безъ мѣры я люблю и ненавижу;
Чѣмъ ближе къ сердцу врагъ — и будь онъ сынъ —
Тѣмъ ненависть моя непримиримѣй.
Когда онъ грудь, питавшую его,
Дерзнулъ пронзить въ богоотступной злобѣ:
Сама своей рукою истреблю
Я бытіе, дарованное мною.
Но вы за что ведете съ нимъ войну?
На тронъ его какое ваше право?
Обидой ли, нарушеннымъ ли долгомъ
Онъ на себя навлекъ гоненье ваше?
О нѣтъ! корысть и зависть вашъ законъ.
Но мнѣ онъ сынъ — властна я ненавидѣть.

Тальботъ.

Такъ, мать свою по мщенью знаетъ онъ.

Королева.

Ругатели презрѣнные, не вамъ
Правдивый свѣтъ коварствомъ обмануть.
На Францію разбойнически руку
Простерли вы, Британцы; но по праву

Здѣсь шагу нѣтъ земли, подвластной вамъ;
Вы хищники..... А ты, Бургундскій Герцогъ,
Ты, обезславленный прозваньемъ: *Добрый*,
Не тыль врагамъ свою отчизну продалъ?
Не тыль отцевъ наслѣдіе пришельцу,
Грабителю отдалъ на разграбленье?
А все твердитъ языкъ вашъ: справедливость.
О лицемѣры, васъ я презираю!
На мнѣ личины нѣтъ; съ лицемъ открытымъ
Иду на судъ; пусть судитъ свѣтъ!... Простите!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТАЛЬБОТЪ, ГЕРЦОГЪ, ЛІОНЕЛЬ.

Тальботъ.

Вотъ женщина!...

Ліонель.

Что дѣлать, Полководцы?
Все ль отступать, иль, быстро обратившись,
Рѣшительнымъ ударомъ истребить
Безславіе послѣдняго сраженья?

Герцогъ.

Мы слабы; всѣ разстроены полки;
И ратникомъ владычествуетъ ужасъ.

Тальботъ.

Насъ побѣдилъ слѣпой, минутный страхъ —

Незапное могущество мгновенія;
Но робкаго воображенья призракъ
Изчезнетъ самъ, увидѣнный вблизи;
И мой совѣтъ: съ разсвѣтомъ переправить
Черезъ рѣку все воинство, и стать
Въ лице врагу.

Герцогъ.

Подумайте.

Ліонель.

Но, Герцогъ,
Что думать здѣсь? Минута драгоцѣнна;
Теперь для насъ одинъ ударъ отважный
Рѣшитъ навѣкъ: безчестье или честь.

Тальботъ.

Такъ, рѣшено, и завтра мы сразимся,
Чтобъ истребить мечту, предъ коей бодрость
Бездѣйственна и войско цѣпенѣетъ.
Увидимъ мы: Тальботова меча
Осмѣлится ль отвѣдать чародѣйка?
Когда она со мною выйдетъ въ бой —
Тогда однимъ все кончено ударомъ;
Когда же нѣтъ (и, вѣрьте, не посмѣетъ),
Тогда и страхъ волшебный истребленъ.

Ліонель.

Мнѣ уступи сей легкій поединокъ.
Не обнаживъ меча, ее живую

Хочу унесть въ вину всего ихъ войска
Въ Британскій станъ.

ГЕРЦОГЪ.

Не слишкомъ на себя
Надѣйся, Ліонель.

ТАЛЬБОТЪ.

Сведи насъ Богъ —
Ее ласкать рука моя не станетъ.
Теперь пойдемъ; истраченныя силы
Возобновимъ минутою покоя;
Но только день займется — на сраженье.

Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Темная ночь. Вдали показывается **ІОАННА** *въ шлемѣ, въ панцырѣ; остальная одежда женская; въ рукахъ ея знамя. За нею* **ДЮНУА, ЛА ГИРЪ,** *множество* **РЫЦАРЕЙ** *и* **СОЛДАТЪ.** *Они сперва являются на высотахъ, осторожно пробираются между утесами, потомъ сходятъ на сцену.*

ІОАННА *окружающимъ ее рыцарямъ.*

Между тѣмъ безпрестанно подходитъ войско; оно занимаетъ наконецъ всю глубину театра.

Мы стражу обошли — и вотъ ихъ лагерь;
Намъ мракъ не измѣнилъ; теперь пора
Съ себя сложить покровъ безмолвной ночи;
Пусть въ ужасѣ погибельную близость
Узнаетъ нашу врагъ..... Ударьте разомъ,
Воскликнувъ: Богъ и дѣва!

Солдаты, *гремя оружіемъ.*

Богъ и дѣва!

Стражи, *за сценою.*

Къ оружію!

Іоанна.

Огня! зажечь шатры!
Пускай пожаръ удвоитъ ихъ тревогу!
Извлечь мечи! рубить и истреблять!

Всѣ солдаты обнажаютъ мечи и бѣгутъ за сцену; Іоанна хочетъ за ними слѣдовать.

Дюнуа, *удерживая ее.*

Іоанна, стой; свое ты совершила,
Мы введены тобой въ средину стана,
И въ руки намъ врага ты предала —
Довольна будь, отъ боя удались,
И намъ оставь кровавую расправу.

Ла Гиръ.

Такъ, пролагай для войска путь побѣды;
Неси предъ нимъ святую Орифламму;
Но до меча сама не прикасайся;
Чтобъ о тебѣ не вѣдалъ Богъ сраженій,
Обманчивъ онъ и слѣпъ и безпощаденъ.

Іоанна.

Кто путь мнѣ заградитъ? Кто остановитъ
Мной властвующій духъ?... Лети стрѣла,
Куда ее стрѣлокъ послалъ могучій.
Гдѣ гибель, тамъ *должна* Іоанна быть;
Не въ *этотъ часъ*, не *здѣсь* она падетъ;

Ей Короля въ коронѣ видѣть должно;
Доколь она *всего* не совершила —
Ея главы не тронетъ вражья сила.

Уходитъ.

Ла Гиръ.

Другъ Дюнуа, пойдемъ за ней; пусть будетъ
Ей наша грудь защитой.

Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Англійскіе **СОЛДАТЫ** бѣгутъ чрезъ сцену, потомъ **ТАЛЬБОТЪ.**

Одинъ солдатъ.

Дѣва! Дѣва!

Другой.

Кто?

Первый.

Дѣва въ лагерѣ!

Другой.

Не можетъ быть!
Какъ въ лагерь ей зайти?

Третій.

На облакахъ
Примчалась! съ ней всѣ бѣсы заодно!

Множество бѣжитъ чрезъ сцену.

Спасайтеся!... бѣгите!... все пропало!

Тальботъ за ними.

Куда вы?.. Стой!.. Не видятъ и не слышатъ!

Разрушена покорность, страхъ бунтуетъ;
Какъ будто адъ всѣ ужасы свои
Наслалъ на насъ и вдругъ одно безумство
Постигло всѣхъ; и робкій и безстрашный
Бѣгутъ; врагу отпора нѣтъ; весь лагерь
Внезапная погибель обхватила.
Уже ль во мнѣ одномъ осталась память,
А все вокругъ меня въ чаду безумства?
И такъ опять бѣжать отъ малодушныхъ,
Во всѣхъ бояхъ бѣжавшихъ передъ нами? —
Но ктожъ сія владычица судьбы,
Ужасная рѣшительница битвы,
Дающая и львиную отважность,
И ратный духъ, и силу малодушнымъ?
Обманщицалъ подъ маскою геройства
Въ презрѣнный страхъ безстрашныхъ приведетъ?
И женщина ль — о вѣчный стыдъ! — исторгнетъ
Изъ рукъ моихъ награду славы?

Солдатъ *бѣжитъ чрезъ сцену.*

Дѣва!

Бѣги! бѣги! спасайся, Полководецъ!

Тальботъ.

Гонится за нимъ съ мечемъ и убиваетъ его.

Безумецъ! вотъ тебѣ мое спасенье!
Никто не смѣй о бѣгствѣ поминать!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сцена открывается. На высотахъ видѣнъ пылающій Англійскій лагерь. Бѣгство и преслѣдованіе; стукъ оружія и громъ барабановъ. Чрезъ нѣсколько времени является **МОНГОМЕРИ.**

Монгомери.

Куда бѣжать?... Кругомъ враги, вездѣ погибель!
Тамъ вождь разгнѣванный, карающимъ мечемъ
Дорогу заслонивъ, навстрѣчу смерти гонитъ;
А здѣсь ужасная.... повсюду, какъ пожаръ
Губительный, она свирѣпствуетъ.... И нѣтъ
Защитнаго куста, пещеры темной нѣтъ.
Зачѣмъ переплывалъ я море?... Бѣдный! бѣдный!
Обманутый любимою мечтой, я здѣсь
Искалъ въ бою прекрасной славы...чтожъ нашелъ?
Моей судьбы неодолимая рука
Меня въ сей бой на гибель привела.... Почто
Не на брегу моей Саверны я теперь,
Въ дому родительскомъ, гдѣ матерь я покинулъ
Въ печали, гдѣ моя цвѣтущая невѣста?

Іоанна является вдали на утесѣ, освѣщенная пламенемъ пожара.

О страхъ!... Что вижу я?... Ужасная идетъ;
Изъ пламени, сіяя грозно, поднялась
Она, какъ мрачное страшилище изъ ада....
Куда спасусь?.... За мною огненныя очи
Ужъ погнались; уже бросаетъ на меня
Издалека неизбѣжимыхъ взоровъ сѣть;

Я чувствую, уже волшебный узелъ мнѣ
Опуталъ ноги; я прикованъ къ мѣсту; силы
Для бѣгства нѣтъ; я принужденъ — хоть вся душа
Противится — смотрѣть на смертоносный образъ.

Іоанна дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и опять останавливается.

Подходитъ..... Буду ль ждать, чтобъ грозная ко мнѣ
Приближилась?... Моля о жизни, обниму
Ея колѣна; можетъ быть, ее смягчу;
Въ ней сердце женщины; слезамъ она доступна.

Хочетъ итти къ ней на встрѣчу; Іоанна быстрыми шагами къ нему подступаетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

МОНГОМЕРИ, ІОАННА.

ІОАННА.

Стой! ты погибъ; Британка жизнь тебѣ дала!

МОНГОМЕРИ падаетъ предъ нею на колѣни.

Помедли, грозная; не опускай руки
На беззащитнаго; я бросилъ мечь и щитъ;
Я предъ тобой обезоруженный, въ слезахъ;
Оставь мнѣ свѣтъ прекрасной жизни; мой отецъ
Богатъ помѣстьями въ цвѣтущей сторонѣ
Валлійской, гдѣ Саверна по густымъ лугамъ
Катитъ веселый свой потокъ; тамъ много нивъ
Обильныхъ у него; и злато и сребро
Онъ дастъ, чтобъ выкупить единственнаго сына,
Когда къ нему дойдетъ молва его неволи.

Іоанна.

Обманутый, погибшій, въ руку дѣвы ты
Въ неумолимую достался; изъ нея
Ни избавленія, ни выкупа ужь нѣтъ;
Когда бъ у крокодила ты во власти былъ;
Когда бы трепеталъ подъ тяжкой лапой тигра,
Или дѣтей младыхъ у львицы истребилъ —
Тебѣ осталась бы надежда на пощаду.
Но встрѣча съ дѣвою смертельна.... Я вступила
Съ могуществомъ, нездѣшнимъ, строгимъ, недоступ-
нымъ,
Навѣкъ въ связующій-ужасно договоръ:
Все умерщвлять мечемъ, что мнѣ сраженій Богъ
Живущее пошлетъ на встрѣчу роковую.

Монгомери.

Ужасна рѣчь твоя, но взоръ твой ясно-тихъ;
И, зримая въ близи, уже ты не страшна;
Всю душу мнѣ плѣнилъ твой милый, кроткій ликъ....
Ахъ! женской прелестью и нѣжностью твоей
Молю тебя: смягчись надъ младостью моею.

Іоанна.

Не уповай на нѣжный полъ мой; не зови
Меня ты женщиной.... Подобно безтѣлеснымъ
Духамъ, не знающимъ земнаго сочетанья,
Не пріобщаюсь я породѣ человѣка.
Престань молить... подъ этой броней сердца нѣтъ.

Монгомери.

Душевластительнымъ, святымъ любви закономъ,
Предъ коимъ все смирятся, молю: смягчися.
На родинѣ младая ждетъ меня невѣста,
Прекрасная, какъ ты, въ прекрасномъ цвѣтѣ жизни;
И ждетъ она возврата моего въ печали.
О! если ты сама любовь знавала, если
Ждешь счастья отъ любви — не разрывай жестоко
Двухъ сочетавшихся любовію сердецъ.

Іоанна.

Ты именуешь здѣсь боговъ земныхъ и чуждыхъ,
Нечтимыхъ мной и мной отверженныхъ; вотще
Зовешь любовь, не знаю я объ ней, и вѣчно
Моя душа не будетъ знать ея закона.
Готовься жизнь оборонять — твой часъ насталъ.

Монгомери.

Увы! смягчись моихъ родителей судьбою;
Они ждутъ сына.... о своихъ ты вспомни, вѣрно
И день и ночь они тоскуютъ по тебѣ.

Іоанна.

Несчастный! тыжъ родителей напомнилъ мнѣ.
Но сколько здѣсь отъ васъ безчадныхъ матерей!
И сколько чадъ осиротѣлыхъ, и невѣстъ,
Безбрачно овдовѣвшихъ!... Пусть теперь узнаютъ
И матери Британскія, какъ тяжко тратить

Надежду жизни, милыхъ чадъ! пусть ваши вдовы
Поймутъ, что значитъ скорбь по милыхъ невозвратныхъ.

Монгомери.

Увы! погибну ли на чужѣ, не оплаканъ?

Іоанна.

Но кто васъ звалъ въ чужую землю — истреблять
Цвѣтущее богатство нивъ, насъ изъ домовъ
Семейныхъ выгонять и пламенникъ войны
Вносить въ спокойное святилище градовъ?...
Мечтали вы, въ надменности души своей,
Свободнодышущимъ Французамъ дать неволю,
И Францію великую, какъ челнъ покорный,
Пустить во слѣдъ за вашимъ гордымъ кораблемъ...
О вы безумцы! нашъ державный гербъ прибитъ
Къ престолу Бога; легче вамъ сорвать звѣзду
Съ небесъ, чѣмъ хижину единую похитить
У Франціи нераздѣлимо-вѣчной.... Часъ
Возмѣздія ударилъ; ни одинъ живой
Не проплыветъ въ обратный путь святаго моря,
Сей грани, Божествомъ уставленной межъ нами,
За кою вы въ безумiи переступили.

Монгомери опускаетъ ея руку.

И такъ погибнуть, смерть ужасную увидѣть?...

Іоанна.

Умри, другъ..... и почто такъ робко трепетать
Предъ смертію, предъ неизбѣжною!... Смотри,

Кто я?... Простая дѣва; бѣдною пастушкой
Родилась я; и мечь былъ чуждъ моей рукѣ,
Привыкнувшей носить невинно-легкій посохъ...
Но вдругъ, отъятая отъ нажитей домашнихъ,
Отъ груди милаго отца, отъ милыхъ сестръ,
Я здѣсь должна.... *должна*—не выборъ сердца, голосъ
Небесъ меня влечетъ — на гибель вамъ, себѣ
Не въ радость, призракомъ карающимъ бродить
Носить повсюду смерть, потомъ.... быть жертвой
смерти.
И не взойдетъ мнѣ день свиданія съ семьею;
Еще для многихъ васъ погибельна я буду;
И много сотворю вдовицъ; но наконецъ
Сама погибну.... и свершу свою судьбу.
Свершижъ свою и ты.... берись за бодрый мечь,
И бой начнемъ за милую добычу жизни.

Монгомери встаетъ.

И такъ, когда ты смертная, когда мечу
Подвластна, какъ и мы—сразимся; мнѣ, быть можетъ,
За Англію назначено тебѣ отмстить.
Я жребій свой кладу въ святую руку Бога;
А ты, призвавъ на помощь весь твой страшный адъ,
Отступница, дерись со мной на жизнь и смерть.

Схватываетъ мечь и щитъ и нападаетъ на нее. Вдали раздается военная музыка

Чрезъ нѣсколько минутъ Монгомери падаетъ.

Іоанна.

Твой рокъ привелъ тебя ко мнѣ!... прости, несчастный!

Отходитъ отъ него и останавливается въ размышленіи.

О Благодатная, что ты творишь со мною!
Ты невоинственной рукѣ даруешь силу;
Неумолимостью вооружаешь сердце;
Тѣснится жалость въ душу мнѣ; рука, готовясь
Сразить живущее созданіе, трепещетъ,
Какъ будто храмъ божественный низпровергая;
Одинъ ужъ блескъ изъятаго меча мнѣ страшенъ....
Но только повелитъ мой долгъ — готова сила;
И неизбѣжный мечь, какъ нѣкій духъ живой,
Владычествуетъ самъ трепещущей рукой.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ІОАННА, РЫЦАРЬ съ опущеннымъ забраломъ.

Рыцарь.

Ты здѣсь, отступница?... Твой часъ ударилъ;
Тебя давно ищу на полѣ ратномъ;
Страшилище, созданье Сатаны,
Изчезни; въ адъ сокройся, призракъ адскій.

Іоанна.

Кто ты?... Тебя послалъ не добрый Ангелъ
На встрѣчу мнѣ.... по виду, не простой
Ты ратникъ; мнится мнѣ, ты не Британецъ;

Бургундскій гербъ ты носишь на щитѣ,
И мечь мой самъ склонился предъ тобою.

Рыцарь.

Проклятая, не Княжеской рукѣ
Тебя бы поразить; подъ топоромъ
Презрѣннымъ палача должна бы ты
На плахѣ умереть — не съ честью пасть
Подъ Герцогскимъ Бургундіи мечемъ.

Іоанна.

И такъ, ты самъ державный этотъ Герцогъ?

Рыцарь, *поднимая забрало.*

Я!... Трепещи, конецъ твой наступилъ;
Теперь тебѣ не въ помощь чародѣйство;
Лишь робкихъ ты доселѣ одолевала —
Мужъ твердый ждетъ тебя.....

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, **Дюнуа, Ла Гиръ.**

Дюнуа.

Постой, Филиппъ;
Не съ дѣвами, но съ рыцарями бейся;
Мы защищать пророчицу клялися;
Намъ прежде грудь пронзить твой долженъ мечь.

Герцогъ.

Я не страшусь ни хитрой чародѣйки,
Ни васъ рабовъ презрѣнныхъ чародѣйства.

Стыдися, Дюнуа; краснѣй, Ла Гиръ;
Унизили вы рыцарскую храбрость;
Вы санъ вождей на санъ оруженосцевъ
Отступницы коварной промѣняли....
Я жду васъ, бьемся.... Тотъ въ защитѣ Бога
Отчаялся, кто адъ зоветъ на помощь.

Обнажаютъ мечи.

ІОАННА становится между ними.

Стой!

ГЕРЦОГЪ.

Прочь!

ІОАННА.

Ла Гиръ, останови ихъ. Нѣтъ!
Не должно здѣсь Французской литься крови;
И не мечемъ рѣшить сей споръ; иное
На небесахъ назначено; я говорю,
Остановитесь; мнѣ внемлите; духу
Покорствуйте, гласящему во мнѣ.

ДЮНУА.

За чѣмъ ты мой удерживаешь мечь?
Онъ дать готовъ кровавое рѣшенье;
Готовъ упасть карательный ударъ,
Отмщающій отечества обиду.

ІОАННА.

Ни слова, Дюнуа.... Ла Гиръ, умолкни.
Я съ Герцогомъ Бургундскимъ говорю.

Всѣ молчатъ.

Что дѣлаешь, Филиппъ? И на кого
Ты обнажилъ убійства жадный мечь?
Сей Дюнуа — сынъ Франціи, какъ ты;
Сей храбрый — твой землякъ и сослуживецъ;
И я сама — твоей отчизны дочь;
Всѣ мы, которыхъ ты обрекъ на гибель,
Принадлежимъ тебѣ, тебя готовы
Принять въ объятія, склонить колѣна
Передъ тобой почтительно желаемъ,
И для тебя нашъ мечь безъ острія.
Въ твоемъ лицѣ, подъ самымъ вражьимъ шлемомъ,
Мы зримъ черты любимаго Монарха.

Герцогъ.

Волшебница, ты жертву обольстить
Приманкою сладкорѣчивой мыслишь;
Но не меня тебѣ поймать! мой слухъ
Оборонёнъ отъ сѣти словъ коварныхъ;
Твоихъ очей пылающія стрѣлы
Отъ твердыхъ латъ души моей отпрянутъ....
Что медлишь, Дюнуа?... Сразимся; биться
Оружіемъ должны мы, не словами.

Дюнуа.

Сперва слова, потомъ удары; стыдно
Бояться словъ; не тажель это робость,
Свидѣтельство неправды?

Іоанна.

Насъ не крайность

Влечетъ къ твоимъ стопамъ, и не пощады
Съ покорностью мы просимъ.... оглянись!
Британскій станъ лежитъ въ кровавомъ пеплѣ,
И поле все покрыли ваши трупы;
Ты всюду громъ трубы Французской внемлешь....
Всевышній произнесъ: побѣда наша!
Но лаврами прекраснаго вѣнца
Съ тобою мы готовы подѣлиться...
О возвратись; врагъ милый, перейди
Туда, гдѣ честь, гдѣ правда и побѣда.
Небесъ посланница, сама я руку
Тебѣ даю; спасительно хочу я
Тебя увлечь въ святое наше братство;
Господь за насъ! всѣ Ангелы Его —
Ты ихъ не зришь — за Францію воюютъ;
Лилеями увѣнчаны они;
И бѣлизнѣ сей чистой Орифламмы
Подобится святое наше дѣло;
Его символъ: Божественная Дѣва.

Герцогъ.

Прельстительны слова коварной лжи —
Ея жь языкъ простой языкъ младенца;
И адской духъ, вселившійся въ нее,
Невинности небесной подражаетъ.
Нѣтъ! страшно ей внимать!... Къ мечу! мой слухъ,
Я чувствую, слабѣй моей руки.

Іоанна.

Ты мнишь, что я волшебница, что адъ
Союзникъ мой.... но развѣ миротворство,
Прощеніе обидъ есть дѣло ада?
Согласіе ль изъ тмы его исходитъ?
Чтожъ человѣчески-прекраснѣй, чище
Святой борьбы за родину? Давно ли
Сама съ собой природа въ спорѣ, небо
Съ неправой стороны и адъ за правду?
Когда же то, что я сказала, *свято* —
Кто могъ внушить его мнѣ, кромѣ неба?
Кто могъ сойти ко мнѣ, въ мою долину,
Чтобы душѣ неопытной открыть
Великую властителей науку?
Я предъ лицемъ Монарховъ не бывала,
Языкъ мой чуждъ искуству словъ..... но что же?
Теперь тебя должна я убѣдить —
И умъ мой свѣтелъ, зрю дѣла земныя;
Судьба державъ, народовъ и Царей
Ясна душѣ младенческой моей;
Мои слова, какъ стрѣлы громовыя.

Герцогъ смотритъ на нее съ изумленіемъ.

Что я? и что со мной?.... Какая сила
Мой смутный духъ незапно усмирила?...
Обманчивъ ли сей трогательный видъ?...
Нѣтъ! чувствую, не адскій обольститель

Меня влечетъ; мнѣ сердце говоритъ:
Съ ней Богъ, она небесъ благовѣститель.

Іоанна.

Онъ тронутъ.... такъ, онъ тронутъ; не напрасно
Молила я;... лице его безгнѣвно!
Его глаза миролюбиво-ясны...
Скорѣй..... покинуть мечь.... и сердце къ сердцу!
Онъ плачетъ.... онъ смиряется.... онъ нашъ!

И мечь и знамя выпадаютъ изъ рукъ ея; она бѣжитъ къ Герцогу, и обнимаетъ его въ сильномъ движеніи; Ла Гиръ и Дюнуа бросаютъ мечи и стремятся въ объятія Герцога.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дворецъ Короля Карла въ Шалонѣ на Марнѣ.

ДЮНУА, ЛА ГИРЪ.

Дюнуа.

Мы вѣрные друзья и сослуживцы,
Мы за одно вооружались дѣло,
Бѣды и смерть дѣлили дружно мы.
Ужель теперь любовь насъ разлучитъ,
Превратною судьбой неразлученныхъ?

Ла Гиръ.

Принцъ, выслушай.

Дюнуа.

Ла Гиръ, ты любишь дѣву;
И тайный твой мнѣ замыселъ извѣстенъ.
Я знаю, ты пришелъ сюда просить

У Короля Іоанниной руки:
Не можетъ быть, чтобъ храбрости твоей
Онъ отказалъ въ наградѣ заслуженной;
Но знай, Ла Гиръ, чтобъ сю обладать,
Сперва со мной....

Ла Гиръ.

Спокойся, Дюнуа.

Дюнуа.

Не блескомъ я минутной красоты,
Какъ юноша кипящій, очарованъ;
Любви моя упорная душа,
До встрѣчи съ сей чудесною, не знала;
Но здѣсь она, предъизбранная Богомъ
Избавить Францію, моя невѣста;
И ей моя душа при первой встрѣчѣ
Любовію и клятвой отдалася.
Могучій мужъ могучую подругу
Сопутникомъ житейскимъ избираетъ;
Я сильную, пылающую грудь
Хочу прижать ко груди равносильной.

Ла Гиръ.

Не мнѣ съ тобой достоинствомъ равняться,
Не мнѣ съ твоей великой славой спорить;
Съ кѣмъ Дюнуа идетъ въ единоборство,
Покорно тотъ безъ боя отступи.
Но вспомни, кто она; дочь земледѣльца.
Приличенъ ли тебѣ такой союзъ?

Кто твой отецъ? и съ кровью Королей
Смѣшается ль простая кровь пастушки?

Дюнуа.

Она небесное дитя святой
Природы, какъ и я; равны мы саномъ.
И Принцу ли безславно руку дать
Ей, Ангеловъ невѣстѣ непорочной?
Блистательнѣй земныхъ коронъ сіяютъ
Лучи небесъ кругомъ ея главы;
Невидимы, ничтожны и презрѣнны
Предъ нею всѣ величія земли;
Поставьте тронъ на тронъ, до самыхъ звѣздъ
Воздвигнитесь.... но все вамъ не достигнуть
Той высоты, на коей предстоитъ
Намъ въ Ангельскомъ величествѣ она.

Ла Гиръ.

Пускай рѣшитъ Король.

Дюнуа.

Нѣтъ! ей одной
Рѣшить. Она свободу намъ спасла —
Пускай сама останется свободна.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же, король, дю шатель, шатильонъ, агнеса.

Ла Гиръ.

Вотъ и Король.

Король къ Шатильону.

Онъ будетъ? Онъ готовъ
Меня признать и дать обѣтъ подданства?

Шатильонъ.

Такъ, Государь; въ Шалонѣ всенародно
Желаетъ пасть Филиппъ, Бургундскій Герцогъ,
Къ твоимъ стопамъ; и мнѣ онъ повелѣлъ
Привѣтствовать тебя, какъ Короля,
Законнаго владыку своего;
За мною въ слѣдъ онъ скоро самъ здѣсь будетъ.

Агнеса.

Онъ близко! день стократъ благословенный!
Желанный день согласія и мира!

Шатильонъ.

Съ нимъ двѣсти рыцарей; передъ тобой
Готовъ склонить свои колѣна Герцогъ;
Но мыслитъ онъ, что ты того не стерпишь,
И родственно прострешь ко брату руки.

Король.

Моя душа летитъ къ нему на встрѣчу.

Шатильонъ.

Желаетъ онъ, чтобъ о враждѣ минувшей
Не помнить при первой вашей встрѣчѣ.

Король.

Минувшее на вѣки позабыто;
Лишь ясны дни я въ будущемъ предвижу.

Шатильонъ.

За всѣхъ своихъ ходатайствуетъ Герцогъ:
Прощеніе безъ исключенья всѣмъ.

Король.

Всѣмъ! всѣмъ! они опять мое семейство!

Шатильонъ.

Не исключать и самой Королевы,
Когда на миръ съ тобой она склонится.

Король.

Не я воюю съ ней, она со мною;
Конецъ враждѣ когда ей миръ угоденъ.

Шатильонъ.

Двѣнадцать рыцарей залогомъ мира.

Король.

Мнѣ слово свято.

Шатильонъ.

Пусть Архіепископъ
Предъ алтаремъ присягой обоюдной
Спасительный союзъ сей утвердитъ.

Посмотрѣвъ на Дю Шателя

Здѣсь нѣкто есть.... присутствіемъ своимъ
Онъ возмутитъ свиданья сладость.

Дю Шатель удаляется молча

Король.

Другъ,
Поди; пускай смиритъ Филиппа время;

Дотоль его присутствія чуждайся.

Смотритъ за нимъ во слѣдъ, потомъ бѣжитъ къ нему и обнимаетъ его.

О вѣрный другъ, ты болѣе хотѣлъ
За мой покой на жертву принести.

Шатильонъ подавая свитокъ.

Здѣсь прочія означены статьи.

Король.

Все напередъ безспорно утверждаю.
Что дорого за друга? — Дюнуа,
Возми съ собой сто рыцарей избранныхъ,
И къ Герцогу съ привѣтствіемъ спѣши.
Должны надѣть зеленые вѣнки
Солдаты всѣ для встрѣчи братьевъ; городъ
Торжественно убрать, и звонъ
Колоколовъ пускай провозгласитъ,
Что Франція съ Бургундіей мирится.
Но что?.... Трубятъ!

Звукъ трубы.

Пажъ, вбѣгая поспѣшно.

Бургундскій Герцогъ въ городъ
Вступаетъ.

Дюнуа.

Рыцари, къ нему на встрѣчу!

Уходитъ съ Ла Гиромъ и Шатильономъ.

Король.

Агнеса, плачешь?... Ахъ! и у меня
Нѣтъ силъ для сей минуты, столь желанной;

Сколь много жертвъ досталось смерти прежде,
Чѣмъ мирно мы увидѣться могли.
Но стихнула свирѣпость бури; день
Смѣнилъ ночную тму; настанетъ время,
И намъ плоды прекрасные созрѣютъ.

Архіепископъ, смотря въ окно.

Народъ со всѣхъ сторонъ; и нѣтъ ему
Дороги; на рукахъ его несутъ,
Сорвавъ съ коня; цѣлуютъ платье, шпоры....

Король.

О добрый мой народъ! огонь во мщеньи!
Огонь въ любви!.. Какъ скоро, примиренный,
Онъ позабылъ, что сей же самый Герцогъ
Его отцевъ и чадъ убійцей былъ.
Всю жизнь одна минута поглощаетъ.
Агнеса, укрѣпись; восторгъ твой сильный
Его душѣ быть можетъ укоризной;
Чтобъ здѣсь ничто его не оскорбляло.

ЯВЛЕНІЕ III.

ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ, ДЮНУА, ЛА ГИРЪ, ШАТИЛЬОНЪ,

два **РЫЦАРЯ** изъ свиты Герцога **И ПРЕЖНІЕ.** Герцогъ останавливается въ дверяхъ; Король дѣлаетъ движеніе, чтобы къ нему подойти, но Герцогъ его предъупреждаетъ; онъ хочетъ преклонить колѣна; но Король принимаетъ его въ объятія.

Король.

Ты насъ предупредилъ; тебѣ на встрѣчу

Хотѣли мы; твои кони крылаты.

Герцогъ.

Они къ стопамъ Монарха моего
Несли меня....

Увидя Агнесу.

Прекрасная Агнеса,
Вы здѣсь?.... Позвольте мнѣ обычай нашъ
Аррасскій сохранить; въ моемъ краю
Прекрасный полъ ему не прекословитъ.

Цѣлуетъ ее въ лобъ.

Король.

Молва идетъ, что твой блестящій дворъ
Учтивостью обычаевъ отличенъ,
Что онъ любви и красоты столица.

Герцогъ.

Васъ, Государь, молва не обманула:
Моя земля отечество красавицъ.

Король.

Но про тебя молва гласитъ иное:
Что будто ты въ любви непостояненъ,
И вѣрности не вѣришь.

Герцогъ.

Государь,
Невѣріемъ невѣрный и наказанъ;
Заранѣ вы постигли сердцемъ то,
Что поздно мнѣ открыто бурной жизнью.

Увидя Архіепископа, подаетъ ему руку.

Вы здѣсь, отецъ; вы вѣчно тамъ, гдѣ честь.
Благословите; кто васъ хочетъ встрѣтить,
Тотъ правыя стези не покидай.

Архіепископъ.

Благодарю Всевышняго! я радость
Вкусилъ вполнѣ, и свѣтъ готовъ покинуть:
Мои глаза прекрасный день сей зрѣли.

Герцогъ Агнесѣ.

До насъ дошло, что всѣ свои алмазы
Вы отдали, дабы сковать изъ нихъ
Оружіе противъ меня .... уже ли
Вамъ такъ была нужна моя погибель?
Но споръ нашъ конченъ; все должно найтись,
Что въ немъ утрачено; алмазы ваши
Нашлись; войнѣ вы жертвовали ими —
Ихъ отъ меня примите знакомъ мира.

Беретъ у одного изъ пришедшихъ съ нимъ ларчикъ, и подаетъ его Агнесѣ; она смотритъ въ недоумѣніи на Короля.

Король.

Возми; то мнѣ залогъ, вдвойнѣ священный,
Прекрасныя любви и примиренья.

Агнеса плачетъ; Король тронутъ; всѣ смотрятъ на нихъ съ чувствомъ.

Герцогъ, посмотря на всѣхъ, бросается въ объятія къ Королю.

О Государь!

Въ эту минуту три Бургундскіе рыцаря бѣгутъ къ Дюнуа, Ла Гиру и Архіепископу и обнимаютъ ихъ. Герцогъ нѣсколько минутъ держитъ Короля въ объятіяхъ.

И васъ я могъ отрѣчься?

И вамъ я недругъ былъ?

Король.

Молчи! ни слова!

Герцогъ.

Я могъ врага вѣнчать короной вашей,
Пришельцу дать обѣтъ подданства, гибель
Законному Монарху приготовить?

Король.

Спокойся, другъ; я все простилъ; сей мигъ
Всему, всему замѣна; то была
Судьба или враждебная звѣзда.

Герцогъ.

Заглажу все; повѣрьте, все заглажу;
И вамъ за всѣ страданія воздамъ;
Вся Франція во власти вашей будетъ;
Ни одного села имъ не похитить!

Король.

Въ союзѣ мы — какой же врагъ опасенъ?

Герцогъ.

О вѣрьте, я спокоенъ сердцемъ не былъ,
Воюя противъ васъ. Когдабъ вы знали....

Указывая на Агнесу.

Но для чегожъ ее вамъ не прислать?
Ея слезамъ ктобъ могъ не покориться?
Теперь всему конецъ; самъ адъ не властенъ
Насъ разлучить, прижавшихъ сердце къ сердцу;
Узналъ свое теперь я мѣсто; здѣсь,

При васъ свое я странничество кончилъ.

Архіепископъ.

Въ союзѣ вы — и Франція какъ фениксъ,
Подымется изъ пепла своего;
Загладится войны кровавый слѣдъ;
Сожженныя селенья, города
Блистательнѣй возстанутъ изъ развалинъ,
И жатвою поля зазеленѣютъ.
Но падшіе раздора жертвой — ихъ
Уже не воскресить! и слезы, въ вашей
Враждѣ пролитыя, пролиты *были*
И *будутъ*; разцвѣтетъ *другое* племя....
Но *прежнее* все жертвой бѣдъ увяло.
Пробудятся ль отцы для счастья внуковъ?
Таковъ раздора плодъ; для васъ, Монархи,
Урокъ сей; божество меча ужасно;
Его могущества не испытуйте; разъ
Исторгнувшись съ войной, оно ужѐ —
Какъ соколъ, съ вышины на крикъ знакомый
Слетающій къ стрѣлку — не покорится
Напрасному призванью человѣка;
И не всегда къ намъ вовремя, какъ нынѣ,
Спасеніе небесное низходитъ.

Герцогъ.

О Государь! при васъ небесный Ангелъ.
Но гдѣ жь она? Что медлитъ?.....

Король.

Гдѣ Іоанна?

Почто въ сей мигъ, торжественно-счастливый,
Не видимъ мы создательницы счастья?

Архіепископъ.

Ея душѣ противенъ, Государь,
Веселый блескъ роскошнаго двора.
Когда ее гласъ Божій не стремитъ
Въ среду людей, застѣнчиво она
Скрывается отъ взоровъ любопытныхъ;
Какъ скоро нѣтъ заботы ей о благѣ
Отечества — она въ бесѣдѣ съ Богомъ;
И всюду съ ней Его благословенье.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе, Іоанна, въ панцырѣ, но безъ шлема; на головѣ ея вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ.

Король.

Іоанна, ты священницей пришла
Благословить тобою утвержденный
Союзъ.

Герцогъ.

Ужасна ты была въ сраженьи;
Но сколь мила ты въ мирной красотѣ!
Іоанна, я исполнилъ свой обѣтъ;
Довольна ль мною ты?

Іоанна.

Себя, Филиппъ,
Возвысилъ ты смиреніемъ своимъ.
Доселѣ намъ въ пожарномъ блескѣ брани
Являлся ты кометой бѣдоносной:
И благостью теперь ты намъ сіяешь.

Осматриваясь.

Всѣ рыцари въ торжественномъ собраньи;
И свѣтлая горитъ въ очахъ ихъ радость;
Лишь одного несчастнаго я зрѣла....
Тоскуетъ онъ при общемъ торжествѣ.

Герцогъ.

Кто онъ? Какимъ тяжелымъ преступленьемъ
Обремененъ, чтобъ милости не вѣрить?

Іоанна.

Дерзнетъ ли онъ приблизиться? Скажи...
И онъ у ногъ твоихъ. О! доверши
Прекрасный подвигъ твой; нѣтъ примиренья,
Когда душа не вся еще свободна!
Отравой намъ цѣлебное питье,
Когда въ святомъ мирительномъ сосудѣ
Хотя одна есть ненависти капля.
Не можетъ быть обиды столь кровавой,
Чтобъ ты ее въ сей день не позабылъ.

Герцогъ.

Я понимаю.

ІОАННА.

Такъ! и ты простишь;
Не правда ль, другъ?... Войди же, Дю Шатель!
Своихъ враговъ всѣхъ милуетъ Филиппъ;
И ты прощенъ.

ГЕРЦОГЪ.

Что дѣлаешь со мною,
Іоанна!... Знаешь ли, чего ты просишь?

ІОАННА.

Привѣтливо, безъ исключенья, всѣхъ
Зоветъ въ свой домъ гостепріимецъ добрый;
Какъ небеса вселенную свободно,
Такъ друга и врага объемлетъ милость;
Безъ выбора, повсюду блескомъ равнымъ
Въ неизмѣримости сіяетъ солнце;
Всѣмъ жаждущимъ растеніямъ равно
Даетъ свою живую росу небо;
На всѣхъ, для всѣхъ добро низходитъ свыше.

ГЕРЦОГЪ.

Не властенъ я упорствовать предъ нею;
Моя душа въ рукахъ ея, какъ воскъ....
Приблизься, Дю Шатель.... Не оскорбись,
О тѣнь отца, что руку я свою
Въ сразившую тебя влагаю руку;
Не оскорбитеся, вы, боги смерти,
Что измѣнилъ я страшной клятвѣ мщенья;
У васъ, во тмѣ подземнаго покоя,

Не бьется сердца; тамъ все вѣчно, все
Неизмѣняемо.... Но все иное
Здѣсь на землѣ, подъ яснымъ блескомъ солнца;
Здѣсь человѣкъ, живымъ влекомый чувствомъ,
Игралище всесильнаго мгновенья.

Король Іоаннѣ.

О! какъ тебя благодарить, Іоанна?
Прекрасно ты свершила свой обѣтъ;
Ты всю мою судьбу преобразила:
Мои друзья со мной примирены,
Мои враги низринуты во прахъ,
У хищника мои отъяты земли,
И все тобой.... Что дамъ тебѣ въ награду?

Іоанна.

Будь въ счастьи человѣкъ, какъ былъ въ несчастьи;
На высотѣ величія земнаго
Не позабудь, что значитъ другъ въ бѣдѣ:
То испыталъ ты въ горькомъ униженьи;
Къ бѣднѣйшему въ народѣ правосуднымъ
И милостивымъ будь: изъ бѣдной кущи
Тебѣ извелъ спасительницу Богъ....
Вся Франція твою признаетъ власть;
Ты праотцемъ владыкъ великихъ будешь;
Потомки отъ тебя своею славой
Затмятъ твоихъ предшественниковъ славу;
И родъ твой будетъ цвѣсть, доколь любовь
Онъ сохранитъ къ себѣ въ душѣ народа;

Лишь гордостью погибнуть можетъ онъ;
И въ низкой хижинѣ, изъ коей нынѣ
Спаситель вышелъ твой, таится грозно
Для правнуковъ виновныхъ истребленье.

Герцогъ.

Пророчица, наставленная небомъ,
Когда тебѣ въ грядущемъ тайны нѣтъ,
Скажи и мнѣ о племени моемъ:
Продлится ли величіе его?

Іоанна.

Филиппъ, я зрю тебя во блескѣ, въ силѣ;
Близъ трона ты; и выше гордый духъ
Стремится возлетѣть; подъ облака
Онъ смѣлое свое возноситъ зданье;
И сильная рука изъ высоты
Строеніе гордыни остановитъ....
Но не страшись, не рушится твой домъ;
Онъ дѣвою для славы сохранится;
И скиптроносные Монархи, сильныхъ
Народовъ пастыри, отъ ней родятся;
Могущіе, они съ двухъ славныхъ троновъ
Дадутъ законъ и знаемому свѣту
И новому, сокрытому Всевышнимъ
Еще за мглой морей неиереплытыхъ.

Король.

О, если духъ открылъ тебѣ, повѣдай:
Сей дружескій, спасительный союзъ —

Продлится ль онъ, чтобы и внукамъ нашимъ,
Какъ намъ, благотворить?

Іоанна, помолчавъ.

Владыки міра,
Страшитеся раздора; не будите
Вражды въ ея ужасномъ логовищѣ;
Разсвирѣпѣвъ, не стихнетъ; отъ нея
Ужасное родится поколѣнье;
Она пожаръ пожаромъ зажигаетъ....
Но я молчу.... Спокойно въ настоящемъ
Ловите счастіе, а мнѣ оставьте
Грядущее безмолвіемъ закрыть.

Агнеса.

Іоанна, ты въ душѣ моей читаешь;
Ты вѣдаешь, хочу ль мірскихъ величій...
Скажи и мнѣ пророческое слово.

Іоанна.

Небесный духъ являетъ мнѣ одну
Великую всемірнаго судьбину.....
Твоя жъ судьба въ твоей душѣ таится.

Дюнуа.

Но что жъ тебѣ самой назначилъ Богъ?
Откройся намъ, небесная. О вѣрно
Тебя ждетъ лучшее земное счастье,
Въ награду за твое смиренье.

*

Іоанна, *задумчиво и смиренно показавъ на небо.*

Счастье

На небесахъ у Вѣчнаго Отца.

Король.

Повѣрь его Монарху твоему;
И почтено твое да будетъ имя
Во Франціи; пускай тебѣ дивятся
Позднѣйшіе потомки.... да свершится
Теперь же долгъ мой; на колѣна!

Іоанна становится на колѣна; Король вынимаетъ мечь и прикасается имъ къ ней.

Симъ
Прикосновеніемъ меча, Іоанна,
Король тебѣ даруетъ благородство;
Возстань, твоя возвышена порода,
И самый прахъ отцевъ твоихъ прославленъ;
Лилея Франціи твой гербъ; знатнѣйшимъ
Отнынѣ будь равна высокимъ саномъ;
Твоя рука будь первому изъ первыхъ
Великою наградой; мнѣ жъ оставь
Тебѣ найти достойнаго супруга.

Дюнуа.

Моя она; ее и въ низкой долѣ
Я выбралъ сердцемъ — честь не возвышаетъ
Моей любви, ни доблести ея;
Передъ лицемъ монарха моего,
Въ присутствіи святаго мужа церкви,
Готовъ ее нарѣчь моей супругой,

Готовъ подать ей княжескую руку,
Когда мой даръ принять благоволитъ.

Король.

Неизъяснимая, за чудомъ чудо
Творишь ты..... Такъ, я вѣрю, для тебя
Возможно все; ты въ этомъ гордомъ сердцѣ,
Любовію досель непобѣжденномъ,
Любовь произвела.

Ла Гиръ.

Краса Іоанны
Есть кроткое души ея смиренье;
Она всего великаго достойна —
Но чужды ей и гордыя желанья,
И почестей блестящая ничтожность;
Простой удѣлъ, любовь простаго сердца
Съ моей рукой я предлагаю ей....

Король.

И ты, Ла Гиръ?.. Два равныхъ предъ тобою
Соперника по мужеству и сану,
Іоанна.... ты враговъ со мной сдружила,
Мой тронъ возвысила; уже ль теперь
Меня лишишь друзей моихъ вѣрнѣйшихъ?
Для одного награда; но достойны
Равно награды оба; отвѣчай.

Агнеса.

Ея душа внезапностью смутилась,
И дѣвственнымъ стыдомъ она краснѣетъ.

О, дайте ей спроситься съ сердцемъ, тайну
Съ подругой вѣрной раздѣлить, и душу
Передо мной открыть непринужденно;
Теперь мой часъ; какъ нѣжная сестра,
Приближиться могу я къ строгой дѣвѣ,
Что бъ женское съ заботливостью женской
Размыслить вмѣстѣ съ ней. Оставьте насъ
Рѣшить наединѣ.

Король.

Пойдемъ.

Іоанна.

Постойте;
Нѣтъ, Государь, мои ланиты рдѣютъ
Не пламенемъ смятеннаго стыда;
И то, что я могу сказать ей втайнѣ,
То я скажу и предъ лицемъ мужей.....
О рыцари! своимъ избраньемъ вы
Великую мнѣ дѣлаете честь;
Но развѣ я для суетныхъ величій
Покинула отеческую паству?
Для брачнаго ль вѣнца я грудь младую
Одѣла въ сталь и панцырь боевой?
Нѣтъ, призвана я къ подвигу иному;
Лишь чистою свершится дѣвой онъ;
Я на землѣ воительница Бога;
Я на землѣ супруга не найду.

Архіепископъ.

Быть на землѣ сопутницей супруга
Есть жребій женщины; храня законъ
Природы, Божеству она угодна;
И, совершивъ указанное небомъ,
Тебя пославшимъ въ бой, ты броню скинешь,
Ты перейдешь къ судьбѣ своей смиренной,
Покинутой для браннаго меча;
Не дѣвственной рукѣ имъ управлять.

Іоанна.

Святой отецъ, еще не знаю я,
Куда меня пошлетъ могущій духъ;
Придетъ пора, и онъ не промолчитъ,
И покорюсь тогда его велѣнью;
Теперь же онъ велитъ начатый подвигъ
Свершить: еще Монархъ мой не увѣнчанъ;
Еще елей главы его избранной
Не освятилъ; еще онъ не Король.

Король.

Но мы идемъ стезей прямою къ Реймсу.

Іоанна.

И медлить намъ не должно; врагъ повсюду;
Дорогу намъ онъ мыслитъ заградить;
Но сквозь него промчу къ побѣдѣ васъ.

Дюнуа.

Когда же все, Іоанна, совершится,
Когда войдемъ съ тобою въ стѣны Реймса,

Склонишь ли ты вниманіе тогда.....

ІОАННА.

Когда Господь велитъ, что бъ я съ побѣдой
Изъ грозныя борьбы со смертью вышла,
Тогда всему конецъ; тогда пастушкѣ,
Ужъ мѣста нѣтъ въ обители Монарха;

КОРОЛЬ, взявъ ее за руку.

Теперь тебѣ лишь голосъ духа внятенъ;
Любовь молчитъ въ груди, горящей Богомъ;
Но вѣрь, она молчать не вѣчно будетъ;
Утихнетъ брань; побѣда приведетъ
Къ намъ ясный миръ; въ сердца вольется радость;
Нѣжнѣйшія пробудятся въ нихъ чувства...
Тогда объ нихъ провѣдаешь и ты;
Тогда впервой печали сладкой слезы
Прольютъ твои глаза и будешь сердцемъ,
Исполненнымъ донынѣ только неба,
Съ любовію искать земнаго друга;
Всѣхъ нынѣ ты для счастія спасла —
Единому тогда ты будешь счастьемъ;

ІОАННА.

Посмотрѣвъ на него съ унылымъ негодованіемъ.

Иль, утомленъ божественнымъ явленьемъ,
Ужъ хочешь ты разбить его сосудъ,
И благовѣстницу верховной воли
Низвесть во прахъ ничтожности земной?
О маловѣрные! сердца слѣпыя!

Величіе небесъ кругомъ васъ блещетъ;
Ихъ чудеса предъ вами безъ покрова;
А я для васъ лишь женщина..... безумцы!
Но женщинѣ ль подъ бронею желѣзной
Мѣшаться въ бой, водить мужей къ побѣдѣ?
Погибель мнѣ, когда, Господне мщенье
Нося въ рукѣ, я суетную душу
Отдамъ любви, отъ Бога запрещенной;
О нѣтъ! тогда мнѣ лучше бъ не родиться;
Ни слова болѣе; не раздражайте
Моей душей владѣющаго духа;
Одинъ ужъ взоръ желающаго мужа
Есть для меня и страхъ и оскверненье;

Король.

Умолкните; ея не преклонить.

Іоанна.

Вели, вели гремѣть трубѣ военной;
Меня тѣснитъ и мучитъ сей покой;
Стремительно зоветъ моя судьба
Меня отъ сей бездѣйственности хладной;
И строгій гласъ твердитъ мнѣ: довершай.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, РЫЦАРЬ вбѣгаетъ поспѣшно

Король.

Что сдѣлалось?

Рыцарь.

Близъ Марны непріятель;
Онъ строится въ сраженье.

Іоанна вдохновенно.

Бой и брань!
Теперь душа отъ узъ своихъ свободна....
Друзья, къ мечамъ; а я устрою войско.

Уходитъ поспѣшно.

Король Ла Гиру.

Поди за ней. Передъ стѣнами Реймса
Они хотятъ сорвать съ меня корону.

Дюнуа.

Ихъ мчитъ не мужество, но безнадежной
Свирѣпости отчаянный порывъ.

Король Герцогу.

Филиппъ, тебя я не зову; но часъ
Насталъ минувшее загладить.

Герцогъ.

Будешь
Доволенъ мной.

Король.

Я самъ дорогой чести
Хочу идти предъ воинствомъ моимъ,
Хочу въ виду вѣнчательнаго Реймса
Вѣнецъ мой заслужить. Моя Агнеса,
Твой рыцарь говоритъ тебѣ: *прости!*

Агнеса подаетъ ему руку.

Не плачу я; моя душа спокойна;
На небесахъ живетъ моя надежда;
На то ль даны столь явные залоги
Спасенья ихъ, чтобъ послѣ намъ погибнуть.....
Ты побѣдишь; то сердца предвѣщанье;
И въ Реймсѣ намъ назначено свиданье.

Всѣ уходятъ. Сцена перемѣняется; видно открытое поле, на коемъ разсыпаны группы деревьевъ: за сценою слышны военные инструменты, выстрѣлы, стукъ оружія; сражающіеся пробѣгаютъ черезъ сцену; наконецъ все тихо; сцена пуста.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТАЛЬБОТЪ выходитъ раненый опираясь на **ФАСТОЛЬФА**, за нимъ **СОЛДАТЫ**, скоро потомъ **ЛІОНЕЛЬ**.

Тальботъ.

Подъ этими деревьями, друзья,
Меня оставьте; сами въ бой подите;
Чтобъ умереть, помощникъ мнѣ не нуженъ.

Фастольфъ.

Несчастный день! враждебная судьба!

къ Ліонелю

За чѣмъ пришелъ ты, Ліонель? Смотри,
Нашъ храбрый вождь отъ раны умираетъ.

Ліонель.

Да сохранитъ насъ Небо! встань, Тальботъ;

Не время намъ о ранахъ помышлять;
Вели ожить природѣ; одолѣй
Бунтующую смерть.

Тальботъ.

Напрасно все;
Судьба произнесла: должна погибнуть
Во Франціи Британская держава;
Послѣднее отчаянною битвой
Я истощилъ, чтобъ рокъ сей отвратить;
И здѣсь лежу, разбитъ стрѣлой громовой,
Чтобъ болѣ не возстать. Потерянъ Реймсъ —
Парижъ спасайте.

Ліонель.

Нѣтъ для насъ Парижа;
Онъ договоръ съ Дофиномъ заключилъ.

Тальботъ, срывая съ себя повязку.

Бѣгите жь вы, кровавые потоки;
Противно мнѣ смотрѣть на это солнце.

Ліонель.

Мнѣ ждать не льзя; Фастольфъ, на этомъ мѣстѣ
Вождю опасно быть; намъ отстоять
Его не можно: насъ тѣснятъ ужасно;
Ряды растроены; вослѣдъ за дѣвой
Они бѣгутъ — и все, какъ буря, ломятъ.

Тальботъ.

Безумство, ты превозмогло; а я
Погибнуть осужденъ и сами боги

Противъ тебя не въ силахъ устоять.
О гордый умъ, ты, свѣтлое рожденье
Премудрости, верховный основатель
Созданія, правитель міра, что ты?
Тебя несетъ, какъ бурный конь, безумство;
Вотще твоя узда; ты бездну видишь;
И самъ въ нее съ нимъ падаешь невольно;
Будь прòклятъ тотъ, кто въ замыслахъ великихъ
Теряетъ жизнь, кто мудро выбираетъ
Себѣ стезю вѣрнѣйшую. Безумству
Принадлежитъ земля.

Ліонель.

Тальботъ, тебѣ
Не много здѣсь минутъ осталось; вспомни
О Богѣ;.....

Тальботъ.

Если бъ мы разбиты были,
Какъ храбрые отъ храбрыхъ — намъ отрадой
Была бы мысль, что мы въ рукѣ судьбы,
Играющей землею самовластно;
Но жалкой быть игрушкою мечты....
Иль наша жизнь, вся отданная бурямъ,
Не стоилà славнѣйшаго конца?

Ліонель.

Тальботъ, прости; дань слезъ моихъ тебѣ
Я принесу, какъ другъ твой, послѣ битвы,
Когда останусь цѣлъ.... теперь иду;

Еще судьба на полѣ боевомъ
Свой держитъ судъ и жребіи бросаетъ;
Простимся до другаго свѣта; кратокъ
Разлуки мигъ за долгую любовь.

Уходитъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Минута кончитъ все; отдамъ землѣ
И солнцу все, что здѣсь во мнѣ сливалось
Въ страданіе и въ радость такъ напрасно;
И отъ могучаго Тальбота, славой
Наполнившаго свѣтъ, на свѣтѣ будетъ
Одна лишь горсть летучей пыли. Такъ
Весь гибнетъ человѣкъ — и вся намъ прибыль
Отъ тягостной борьбы съ суровой жизнью
Есть убѣжденіе въ небытіи
И хладное презрѣнье ко всему,
Что мнилось намъ великимъ и желаннымъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КОРОЛЬ, ГЕРЦОГЪ, ДЮНУА, ДЮ ШАТЕЛЬ И СОЛДАТЫ входятъ.

ГЕРЦОГЪ.

Сраженье рѣшено;

ДЮНУА.

Побѣда наша;

КОРОЛЬ замѣтивъ Тальбота.

Но кто же тамъ, покинутый, лежитъ

Въ борепіи съ послѣднею минутой?
По бронѣ онъ не ратникъ рядовой, —
Скорѣй! помочь, когда еще не поздно!

Къ Тальботу приближаются солдаты

ФАСТОЛЬФЪ.

Не приближайтесь, прочь! почтенье къ смерти
Того, кто былъ такъ страшенъ вамъ живой!

ГЕРЦОГЪ.

Что вижу я? Тальботъ лежитъ въ крови.

Приближается къ нему; Тальботъ, взглянувъ на него быстро, умираетъ

ФАСТОЛЬФЪ.

Не подходи, предатель ненавистный!
Твой видъ смутитъ послѣдній взоръ героя.

ДЮНУА.

Тальботъ, погибельный, неодолимый,
Столь малое пространство для тебя,
Котораго желаньямъ исполинскимъ
Всей Франціи обширной было мало!

Преклоняетъ мечь передъ Королемъ

Теперь привѣтсвую васъ Королемъ;
Дрожалъ вѣнецъ на вашей головѣ,
Пока душа жила еще въ семъ тѣлѣ.

КОРОЛЬ, посмотрѣвъ молча на мертваго

Не мы его сразили — нѣкто высшій!
На землю Франціи онъ легъ, какъ бодрый
Боецъ на щитъ, котораго не выдалъ;

Къ воинамъ

Возмите;

Трупъ Тальботовъ выносятъ.

Миръ его великой тѣни;
Здѣсь памятникъ ему достойный будетъ;
Въ срединѣ Франціи, гдѣ онъ геройски
Свой кончилъ путь, покойся прахъ его;
Столь далеко враги не заходили,
И лучшее надгробіе ему
То мѣсто, гдѣ его найдутъ во гробѣ.

Фастольфъ, (подавая мечь Королю

Я плѣнникъ вашъ.

Король, возвращая ему мечь

Нѣтъ, рыцарь; и война
Священный долгъ умѣетъ чтить: свободно
Ты своего проводишь полководца.....
Но Дю Шатель.... моя Агнеса въ страхѣ;
Спѣши ее обрадовать побѣдой;
Скажи, что я и живъ и невредимъ,
Что въ Реймсѣ жду ее къ коронованью.

Дю Шатель уходитъ

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Ла Гиръ.

Дюнуа.

Ты здѣсь Ла Гиръ? но гдѣ Іоанна?

Ла Гиръ.

Какъ?

Она не съ вами? Я ее покинулъ
Въ сраженьи близъ тебя.

Дюнуа.

Я побѣжалъ
На помощь къ Королю; я былъ въ надеждѣ,
Что ты останешься при ней....

Герцогъ.

Недавно
Я видѣлъ самъ въ густой толпѣ враговъ
Ея распущенное знамя....

Дюнуа.

Боже!
Страшусь я; гдѣ она? Скорѣе къ ней
На помощь. Можетъ быть, ее далеко
Занчало мужество. Одна, быть можетъ,
Она, толпой стѣсняемая, бьется,
И тщетно ждетъ защиты отъ друзей.

Король.

Спѣшите.

Дюнуа.

Я бѣгу.

Ла Гиръ.

И я.

Герцогъ.

Мы всѣ.

Всѣ уходятъ поспѣшно.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Другое мѣсто на полѣ сраженія; утесы, деревья; вдали башни Реймса, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ.

РЫЦАРЬ въ черномъ панцырѣ съ опущеннымъ забраломъ, **ІОАННА** преслѣдуетъ его, онъ останавливается.

ІОАННА.

Коварный, я твою узнала хитрость;
Обманчиво притворнымъ бѣгствомъ ты
Меня сюда увлекъ изъ жаркой битвы,
Чтобы своихъ спасти отъ грозной встрѣчи
Съ моимъ мечемъ; но самъ теперь погибнешь.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Почто за мной ты гонишься? Почто
Такъ бѣшено къ моимъ стопамъ пристала?
Не суждено мнѣ пасть твоей рукой.

ІОАННА.

Противенъ ты душѣ моей, какъ ночь,
Которой цвѣтъ ты носишь; истребить
Тебя съ лица земли неодолимо
Влечетъ меня могущее желанье.
Скажись, кто ты? Открой забрало. Если бъ
Передо мной Тальботъ не палъ въ сраженьи,
Тогда бы я сказала: ты Тальботъ.

Черный рыцарь.

Иль смолкнулъ гласъ пророческаго духа?

Іôанна.

Нѣтъ, громко онъ вѣщаетъ мнѣ, что здѣсь
Моя бѣда стоитъ съ тобою рядомъ.

Черный рыцарь.

Іôанна д'Аркъ, съ побѣдою до Реймса
Дошла ты — стой! не далѣ! будь довольна
Своимъ вѣнцемъ, и счастье отпусти,
Служившее тебѣ рабомъ покорнымъ;
Не жди, чтобы оно забунтовало;
Ласкаетъ насъ, но вѣрность ненавидитъ,
И никому не служитъ до конца.

Іôанна.

Почто ты мнѣ велишь съ моей дороги
Сойти, забывъ начатый мною подвигъ?
Свершу его, исполню свой обѣтъ.

Черный рыцарь.

Могучая, ты все низпровергаешь;
Покоренъ бой тебѣ — но удержись
Отъ боя; мнѣ повѣрь, пока не поздно.

Іôанна.

Не выпущу меча изъ сей руки,
Доколь враги не втоптаны во прахъ.

Черный рыцарь.

Смотри же, тамъ сіяютъ башни Реймса;

*

Туда твой путь; ты видишь, блещетъ куполъ
Соборныя величественной церкви —
Въ нее вступить ты можешь съ торжествомъ,
Въ ней увѣнчать Монарха, свой обѣтъ
Исполнить, но..... Іоанна, не входи
Въ сей храмъ; повѣрь мнѣ, возвратись.

ІОАННА.

Но кто же ты, прельститель двуязычный?
Ты мнишь меня смутить и ужаснуть
Обманчивымъ пророчествомъ....

Черный рыцарь хочетъ уйти; она заступаетъ ему дорогу.

Постой;
Отвѣтствуй мнѣ, иль гибни.....

Хочетъ ударить въ него мечемъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Прикасается къ ней рукой и она остается неподвижна.

Умерщвляй
Одно лишь смертное.

Громъ и молнія; Рыцарь исчезаетъ.

ІОАННА.

Долго молчитъ въ изумленіи, потомъ опомнившись говоритъ.

То былъ не здѣшній,
И не живой..... то было привидѣнье;
Враждебный духъ, изникнувшій изъ ада,
Чтобы смутить во мнѣ святую вѣру;
Но мнѣ съ мечемъ владыки моего
Кто страшенъ? Нѣтъ, иду; зоветъ побѣда;

Пусть на меня весь адъ вооружится;
Живъ Богъ — моя надежда не смутится.

Хочетъ итти; ей на встрѣчу Ліонель.

ЯВЛЕНІЕ X.

ІОАННА, ЛІОНЕЛЬ.

Ліонель.

Отступница, готовься въ бой; погибнуть
Одинъ изъ насъ на этомъ мѣстѣ долженъ;
Храбрѣйшіе тобой умерщвлены;
Герой Тальботъ въ объятіяхъ моихъ
Съ великою душей своей разстался;
Отмщу за храбраго, иль будь одна
Для насъ судьба; но пасть ли мнѣ, иль нѣтъ,
Ты прежде знать должна, кого твой рокъ
Съ тобою свелъ — я Ліонель, послѣдній
Британскій вождь, еще непобѣжденный.

Нападаетъ на нее; черезъ минуту она вышибаетъ изъ руки его мечь.

О счастіе!

Борется съ нею; Іоанна во время борьбы срываетъ съ него шлемъ, и онъ остается съ непокрытою головою; подиявши мечь, чтобы его поразить, она говоритъ:

Іоанна.

Умри! святая Дѣва
Моей рукой тебя приноситъ въ жертву.

Въ эту минуту ея глаза встрѣчаются съ глазами Ліонеля; пораженная видомъ его она стоитъ неподвижна; и рука ея опускается.

Ліонель.

Что медлишь? Что ударъ твой задержало?
Взявъ честь, возьми и жизнь; я не хочу
Пощады; я въ твоихъ рукахъ.

Она подаетъ ему знакъ рукою, чтобы онъ бѣжалъ.

Бѣжать
Мнѣ должно? Быть обязаннымъ тебѣ
Презрѣнной жизнію? Скорѣй погибнуть!

Іоанна, отвративъ глаза.

И знать я не хочу, что жизнь твоя
Была въ моихъ рукахъ.....

Ліонель.

Я ненавижу
Тебя и даръ твой; не хочу пощады;
Не медли, поражай того, кто самъ
Сразить тебя хотѣлъ.

Іоанна.

Убей меня
И удались.

Ліонель.

Что слышу?

Іоанна, закрывъ лице руками.

Горе мнѣ!

Ліонель, приближась къ ней.

Молва идетъ, что ни одинъ Британецъ
Тобой не пощаженъ; почто же мнѣ
Пощада одному?

Іоанна.

Собравшись съ духомъ, поднимаетъ мечь, чтобы его поразить; но опять взглянувъ на него, опускаетъ руку.

Святая Дѣва!

Ліонель.

Почто зовешь Святую? О тебѣ
Не вѣдаетъ Она; ты небесами
Отвержена.

Іоанна въ сильнѣйшемъ отчаяніи.

О горе! горе! что
Я сдѣлала? Нарушенъ мой обѣтъ.

Ломаетъ въ горести руки.

Ліонель.

Смотритъ на нее съ участіемъ, и подходитъ ближе.

Несчастная, жалѣю о тебѣ;
Ты трогаешь меня; со мной однимъ
Великодушною была ты; сердце
Мое тебя, я чувствую, простило;
Съ участіемъ оно къ тебѣ стремится;
Скажи, кто ты, откуда?

Іоанна.

Прочь! бѣги!

Ліонель.

Мнѣ жаль твоей цвѣтущей красоты;
Жаль младости твоей; твой милой образъ
Тѣснится въ душу мнѣ; и я хотѣлъ бы
Тебя спасти, но какъ и чѣмъ спасу?

Поди за мной; оставь союзъ свой страшный;
Оставь погибельный сей мечь.

ІОАННА.

Увы!
Носить его я недостойна.

ЛІОНЕЛЬ.

Брось
Его; иди со мной.

ІОАННА въ ужасѣ.

Съ тобой? О небо!

ЛІОНЕЛЬ.

Пойдемъ; еще тебя спасти возможно;
И я тебя спасу..... но поспѣши;
Моя душа печалью непонятной
Томится по тебѣ... невыразимымъ
Желаніемъ спасти тебя полна.

Беретъ ее за руку, вдали показываются Дюнуа и Ла Гиръ.

ІОАННА.

О Боже! Дюнуа.... они ужъ близко;
Бѣги, тебя найдутъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Я твой защитникъ.

ІОАННА.

О нѣтъ! Бѣги! Умру, когда погибнешь.

ЛІОНЕЛЬ.

Иль дорогъ я тебѣ?

Іоанна.

О Пресвятая!

Ліонель.

Увидимся ль? Услышу ль о тебѣ?

Іоанна.

Нѣтъ, никогда.

Ліонель.

Сей мечь въ залогъ, что я
Тебя найду.

Вырываетъ изъ рукъ ея мечь.

Іоанна.

Ты смѣешь, безразсудный?

Ліонель.

Теперь я уступаю силѣ; мы
Увидимся.

Уходитъ поспѣшно.

ЯВЛЕНИЕ XI.

ДЮНУА, ЛА ГИРЪ, ІОАННА.

Ла Гиръ.

Она! она!

Дюнуа.

Іоанна,
Спокойна будь; друзья твои съ тобою.

Ла Гиръ.

Не Ліонель ли тамъ бѣжитъ?

Дюнуа.

Оставь

Его; Іоанна, битва рѣшена;

Реймсъ отворилъ ворота; весь народъ

Бѣжитъ толпой на встрѣчу Королю.

Ла Гиръ.

Но что она?... Шатается, блѣднѣетъ.

Дюнуа.

Ты ранена.

Іоанна падаетъ къ нимъ на руки.

Снять панцырь! рана

Въ плечѣ и легкая.

Ла Гиръ.

Но льется кровь.

Іоанна.

Пускай она съ моею льется жизнью.

Лишается памяти.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Богато-убранная зала; колонны обвиты гирландами изъ цвѣтовъ; вдали слышны флейты и гобои; они играютъ во все продолженіе первой сцены.

ІОАННА.

Стоитъ въ задумчивости и слушаетъ, потомъ говоритъ:

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ;
И зиждутся изъ вѣтвей пышны входы;
И гордый столбъ обвитъ живымъ вѣнцомъ;
И гости ждутъ вѣнчательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и порфира.

И все горитъ единымъ вдохновеньемъ;
И груди всѣмъ подъемлетъ мысль одна;
И счастіе волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что розпила война;
Гордится Франкъ своимъ происхожденьемъ;
Какъ будто всѣмъ отчизна вновь дана;
И съ честію примирена корона;
Вся Франція въ собраніи у трона.

Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой;
Ихъ счастія, ихъ славы хладный зритель,
Я прочь отъ нихъ лечу моей мечтой;
Британскій станъ любви моей обитель,
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
Сокрыть души преступное волненье.

Какъ! мнѣ любовію пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?
Скажу ль о томъ сіянью дня?
И стыдъ не истребитъ меня!

Звуки инструментовъ за сценою сливаются въ тихую, нѣжную мелодію.

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ;
Милый слышится мнѣ голосъ;
Милый видится мнѣ ликъ.

Возвратися, буря брани!
Загремите, стрѣлы, копья!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душѣ покой!

Тише, звуки! замолчите,
Обольстители души!
Непонятнымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали.

Помолчавъ съ большею живостію.

Могла ли я его сразить? О! какъ
Сразить, узрѣвъ его прекрасный образъ?
Нѣтъ, нѣтъ себя скорѣй бы я сразила.
Виновна ль я, склонясь душей на жалость?
И грѣхъ ли жалость?.... Какъ?... Скажи жъ, Іоанна,
Была ль къ другимъ ты жалостлива въ битвѣ?
И жалости ль покоренъ былъ твой мечь,
Когда младый Валлієцъ предъ тобою
Лежалъ въ слезахъ, вотще моля о жизни?
О сердце хитрое, ты ль небеса

Всезрящія заманишь въ ослѣпленье?
Нѣтъ, нѣтъ, тебя влекло не сожаленье.

Увы! почто дерзнула я примѣтить
Его лица младую красоту?
Несчастная, сей взоръ твоя погибель;
Орудія слѣпаго хочетъ Богъ;
Идти за нимъ должна была ты слѣпо;
Но волю ты дала очамъ узрѣть —
И отъ тебя щитъ Божій отклонился;
И адская тебя схватила сѣть.

Задумывается, вслушивается въ музыку; потомъ говоритъ:

Ахъ, почто за мечь воинственный
Я мой посохъ отдала,
И тобою, дубъ таинственный,
Очарована была.
Мнѣ, Владычица, являла Ты
Свѣтъ небеснаго лица.
И вѣнецъ мнѣ обѣщала Ты.....
Недостойна я вѣнца.

Зрѣла я небесъ сіяніе,
Зрѣла Ангеловъ въ лучахъ....
Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ ль безсильной совершить?

Мнѣ ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?

Нѣтъ, изъ чистыхъ небожителей
Избирай Твоихъ свершителей;
Съ неприступныхъ облаковъ
Призови Твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорбящихъ, не теряющихъ....
Дѣву съ нѣжною душой
Да минуетъ выборъ Твой.

Мнѣль свирѣпствовать въ сраженіи?
Мнѣ ль рѣшить судьбу Царей?...
Я пасла въ уединеніи
Стадо родины моей.....
Въ бурну жизнь меня умчала Ты,
Въ домъ Владыки привела;
Но.... лишь гибель указала Ты....
Я ль сей жребій избрала?

ЯВЛЕНІЕ II.

АГНЕСА, ІОАННА.

АГНЕСА.

Идетъ въ сильномъ волненіи чувства къ Іоаннѣ, хочетъ броситься къ ней на шею, но одумавшись падаетъ передъ нею на колѣна.

Нѣтъ! нѣтъ! во прахъ передъ тобою.....

Іоанна, стараясь ее поднять.

Встань,
Агнеса, ты свой санъ позабываешь.

Агнеса.

Оставь меня; томительная радость
Меня къ твоимъ ногамъ бросаетъ — сердце
Предъ божествомъ излить себя стремится;
Незримаго въ тебѣ боготворю.
Нашъ Ангелъ ты; тобою мой властитель
Сюда введенъ; готовъ обрядъ вѣнчанья,
Стоитъ Король въ торжественной одеждѣ,
Сбираются кругомъ Монарха Перы,
Чтобы нести регаліи во храмъ,
Народъ толпой бѣжитъ къ соборной церкви,
Повсюду кликъ, звучатъ колокола.....
Кто дастъ мнѣ силъ снести такое счастье?

Іоанна поднимаетъ ее. Агнеса смотритъ на нее пристально.

Лишь ты одна сурово-равнодушна;
Ты благъ, тобой даруемыхъ, не дѣлишь;
Ты холодно глядишь на нашу радость;
Ты видѣла величіе небесъ
И счастію земному неприступна.

Іоанна въ сильномъ движеніи схватываетъ ее за руку, потомъ задумчиво опять ее опускаетъ.

О если бъ ты узнала сладость чувства;
Войны ужъ нѣтъ; сложи твой бранный панцырь,
И грудь открой чувствительности женской....

Моя душа, горящая любовью,
Чуждается тебя вооруженной.

Іоанна.

Чего ты требуешь?

Агнеса.

Обезоружь
Себя, покинь сей мечь; любовь страшится
Окованной железомъ тяжкимъ груди;
Будь женщина и ты любовь узнаешь.

Іоанна.

Мнѣ, мнѣ себя обезоружить? Нѣтъ,
Я побѣгу съ открытой грудью въ бой....
На встрѣчу смерти.... нѣтъ, тройной булатъ
Пусть будетъ мнѣ защитою отъ вашихъ
Пировъ и отъ меня самой.

Агнеса.

Іоанна,
Графъ Дюнуа, великодушный, славный,
Къ тебѣ горитъ святымъ, великимъ чувствомъ;
О вѣрь мнѣ, быть любовію Героя
Удѣлъ прекрасный.... но любить Героя
Еще прекраснѣе......

Іоанна отвращается въ сильномъ волненіи.

Ты ненавидишь
Его?... Нѣтъ, нѣтъ, его не любишь ты;
Но ненависть.... лишь тотъ намъ ненавистенъ,
Кто милаго изъ нашихъ рукъ исторгнулъ;

Но для тебя нѣтъ злата; ты сердцемъ
Спокойна.... Ахъ! когда бъ оно смягчилось.!

Іоанна.

Жалѣй меня; оплачь мою судьбу.

Агнеса.

Чего жъ тебѣ недостаетъ для счастья?
Все рѣшено: отчизна спасена:
Съ побѣдою, торжественно въ свой Реймсъ
Вступилъ Король, и слава твой удѣлъ;
Тебя народъ честитъ и обожаетъ;
Во всѣхъ устахъ твоя хвала; ты геній,
Ты божество сихъ праздниковъ веселыхъ,
И самъ Король не столь въ своей коронѣ
Величественъ, какъ ты.

Іоанна.

О если бъ скрыться
Могла во тмѣ подземной я отъ васъ!

Агнеса.

Что слышу? Какъ понять тебя, Іоанна?
И кто въ сей день взглянуть дерзнетъ на свѣтъ,
Когда тебѣ глаза потупить должно?....
Мнѣ, мнѣ краснѣть, мнѣ низкой предъ тобою,
Не смѣющей и мыслію постигнуть
Величія души твоей прекрасной.
Открою ль все ничтожество мое?
Не славное спасеніе отчизны,
Не торжество побѣдъ, не обновленный

Престола блескъ, не шумный пиръ народа
Мнѣ радости причина; нѣтъ, *одинъ*
Живетъ въ моей душѣ — къ нему чувству
Въ ней мѣста нѣтъ — *онъ*, сей боготворимый; —
Его народъ привѣтствуетъ; *его*
Бѣгутъ встрѣчать; предъ *нимъ* цвѣты бросаютъ —
Единый всѣмъ и сей единый — *мой.*

Іоанна.

Счастливица, завидую тебѣ;
Ты любишь тамъ, гдѣ любитъ все; ты смѣешь
Свободно, вслухъ нарѣчь свое блаженство:
Передъ людьми его ты не таишь;
Сей общій пиръ есть пиръ твоей любви;
И этотъ весь безчисленный народъ,
Ликующій съ тобой въ однихъ стѣнахъ —
Прекрасное твое онъ чувство дѣлитъ;
Тебя привѣтствуетъ, тебя вѣнчаетъ;
Ты съ радостью всеобщей заодно;
Твоей душѣ небесный день сіяетъ:
Любовью все твоей озарено.

Агнеса, падая въ ея объятія

О радость! мой языкъ тебѣ понятенъ;
Іоанна, ты любови не чужда;
Что чувствую, ты выразила сильно;
И ободренная душа моя
Довѣрчиво тебѣ передается....

*

Іоанна, вырываясь изъ ея объятій.

Прочь, прочь, бѣги меня; не заражайся
Губительнымъ сообществомъ моимъ;
Поди, будь счастлива; а мнѣ дай скрыть
Во мракъ мой стыдъ, мой страхъ, мое страданье.

Агнеса.

Я трепещу; ты мнѣ непостижима;
Но кто жъ тебя постигнулъ? Кто проникъ
Во глубину твоей великой тайны?
Кто можетъ вѣдать, что святому сердцу,
Что чистотѣ души твоей понятно?

Іоанна.

Нѣтъ, нѣтъ, *ты* чистая, святая *ты*;
Когда бъ въ мою ты внутренность проникла,
Ты бъ отъ меня, какъ отъ врага, бѣжала.

ЯВЛЕНІЕ III.

ІОАННА, АГНЕСА, ДЮНУА И ЛА ГИРЪ

со знаменемъ Іоанны.

Дюнуа.

Мы за тобой, Іоанна; все готово;
Король тебя зоветъ: въ ряду вельможъ,
Ближайшая къ Монарху, ты должна
Предъ нимъ нести святую Орифламму.
Онъ признаетъ и хочетъ всенародно
Передъ лицемъ всей Франціи признать,

Что лишь тебѣ одной принадлежитъ
Вся честь сего торжественнаго дня.

ІОАННА.

О Боже! мнѣ предшествовать ему?
Мнѣ передъ нимъ нести святое знамя?

ДЮНУА.

Кому жъ, Іоанна? Чья рука дерзнетъ
Святыни сей коснуться? Это знамя
Носила ты въ сраженьи; имъ должна
И торжество побѣдное украсить.

ЛА ГИРЪ.

Вотъ знамя; поспѣшимъ; Король, вожди
И весь народъ зовутъ тебя, Іоанна.

Хочетъ подать ей знамя, она отступаетъ съ ужасомъ

ІОАННА.

Прочь, прочь!

ЛА ГИРЪ.

Іоанна, что съ тобой? Трепещешь
Предъ собственнымъ ты знаменемъ своимъ?
Узнай его, оно твое, ты имъ
Побѣду намъ дала; взгляни, на немъ
Сіяетъ ликъ Владычицы Небесной.

Развертываетъ знамя.

ІОАННА, въ ужасѣ смотря на знамя

Она, Она!... въ такомъ являлась блескѣ
Она передо мной.... Смотрите, гнѣвомъ

Омрачено Ея чело; и грозно
Сверкаетъ взоръ, къ преступницѣ склоненный.

АГНЕСА.

Ты внѣ себя; опомнись, ты видѣньемъ
Обманчивымъ ослѣплена; сей образъ....
Онъ слабыя, земной руки созданье;
Сама жъ *Она* небесъ не покидала.

ІОАННА.

О Грозная! карать ли ты пришла?
Гдѣ молніи Твои? Пускай сразятъ
Онѣ мою преступную главу.
Разрушенъ нашъ союзъ; я посрамила,
Унизила Твое святое имя.

ДЮНУА.

Что слышу я! какія страшны рѣчи!

ЛА ГИРЪ къ Дю Шателю.

Какъ изъяснить ея волненье, рыцарь?

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Я вижу то, чего давно страшился.

ДЮНУА.

Какъ? Что ты говоришь?

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Того открыть,
Что думаю, не смѣю я; но дай Богъ,
Чтобъ было все ужь кончено, и нашъ
Король ужь коронованъ былъ.

Ла Гиръ.

Іоанна,

Иль ужасъ тотъ, который исходилъ
Изъ знамени сего, оборотился
Противъ тебя? Узнай его, Іоанна.
Однимъ врагамъ погибельно оно;
Для Франціи оно символъ спасенья.

Іоанна.

Такъ, такъ, оно спасительно для вѣрныхъ;
Лишь на враговъ оно наводитъ ужасъ.

Слышенъ маршъ.

Дюнуа.

Возми его, возми; ты слышишь, ходъ
Торжественный ужь начался; пойдемъ.

Принуждаютъ ее взять знамя; она беретъ его съ видимымъ отвращеніемъ и уходитъ; всѣ прочіе за нею.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Площадь передъ Катедральною Церковью.

Вдали множество народа. БЕРТРАНДЪ, АРМАНЪ, ЭТЬЕНЪ выходятъ изъ толпы; за ними вскорѣ АЛИНА И ЛУИЗА. Вдали слышенъ маршъ.

Бертрандъ.

Ужь музыка играетъ; идутъ; скоро
Увидимъ ихъ; но гдѣ бы лучше намъ

Остановиться? Тамъ на площади,
Иль здѣсь на улицѣ, что бъ посмотрѣть
На ходъ вблизи?

Этьенъ.

Нѣтъ, сквозь толпу народа
Намъ не пройти; отъ конныхъ и отъ пѣшихъ
Простора нѣтъ; всѣ улицы набиты;
У тѣхъ домовъ есть мѣсто; тамъ увидѣть
Намъ можно все.

Арманъ.

Какая бездна! скажешь,
Что здѣсь вся Франція; и такъ велико
Народное стремленье, что и мы
Изъ Лотарингіи своей далекой
Сюда съ толпой пришли.

Бертрандъ.

Да кто же будетъ
Одинъ дремать въ своемъ углу, когда
Великое свершается въ отчизнѣ?
Истратили довольно крови мы,
Чтобъ головѣ законной дать корону;
А нашъ Король, нашъ истинный Король,
Котораго мы въ Реймсѣ коронуемъ,
Уже ль онъ здѣсь быть долженъ встрѣченъ хуже
Парижскаго, который въ Сен-Дени

По милости пришельца коронованъ?
Тотъ не Французъ, кто въ этотъ славный день
Не будетъ здѣсь съ другими, и отъ сердца
Не закричитъ: да здравствуетъ король!

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніе, Луиза, Алина.

Луиза.

Сестрица, мы увидимъ здѣсь Іоанну;
Какъ бьется сердце!

Алина.

Мы ее увидимъ
Въ величествѣ и въ почести, и скажемъ:
То наша милая сестра Іоанна.

Луиза.

Пока меня глаза не убѣдили,
По тѣхъ поръ все не буду вѣрить я,
Чтобъ та, которую всѣ называютъ
Здѣсь Орлеанской дѣвою, была
Сестра Іоанна, безъ вѣсти отъ насъ
Пропавшая.

Алина.

Увидишь и повѣришь.

Бертрандъ.

Молчите, идутъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Впереди идутъ музыканты; за ними дѣти въ бѣлыхъ платьяхъ съ вѣнками въ рукахъ; потомъ два Герольда; отрядъ воиновъ съ галебардами; **ЧИНОВНИКИ** въ парадныхъ платьяхъ; два **МАРШАЛА** съ жезлами; **БУРГУНДСКІЙ ГЕРЦОГЪ** съ мечемъ; **ДЮНУА** съ скипетромъ; другіе **ВЕЛЬМОЖИ** съ короною, державою, Королевскимъ жезломъ; за ними **РЫЦАРИ** въ орденскихъ одеждахъ; пѣвчіе съ кадильницами; два **ЕПИСКОПА** съ святою Ампулою; **АРХІЕПИСКОПЪ** съ Крестомъ; за нимъ **ІОАННА** съ знаменемъ; она идетъ медленными, неровными шагами, наклонивъ голову; ея сестры, увидя ее, знаками показываютъ радость и удивленіе; за Іоанною слѣдуетъ **КОРОЛЬ** подъ балдахиномъ, который несутъ **БАРОНЫ**; за Королемъ придворные чиновники; потомъ опять отрядъ воиновъ. Когда всѣ входятъ въ церковь, маршъ умолкаетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛУИЗА, АЛИНА, АРМАНЪ, ЭТЬЕНЪ, БЕРТРАНДЪ.

Алина.

Видѣлъ ли сестру?

Арманъ.

Что шла предъ Королемъ, въ богатыхъ латахъ,
Со знаменемъ въ рукахъ?

Алина.

Да, то Іоанна,
Сестра.

ЛУИЗА.

На насъ она не поглядѣла;
Она не думала, что сестры близко;
Была блѣдна; смотрѣла внизъ; дрожала
Подъ знаменемъ своимъ.... мнѣ стало грустно;
Я не могла обрадоваться ей.

АЛИНА.

Теперь мы видѣли Іоанну въ славѣ
И въ почести; но кто бъ могъ это вздумать
Въ то время, какъ она у насъ въ горахъ
Пасла овецъ?

ЛУИЗА.

Отцу не даромъ снилось,
Что въ Реймсѣ онъ и мы передъ Іоанной
Стоять съ почтеньемъ будемъ; вотъ та церковь,
Которая привидѣлась ему.
И все сбылось. Но знаешь ли? отцу
Съ тѣхъ поръ и страшныя видѣнья были;
Ахъ! мнѣ она жалка; мнѣ тяжко видѣть
Ее въ такомъ величіи.

БЕРТРАНДЪ.

Пойдемъ.
Что здѣсь стоять? Не лучше ль протѣсниться
Намъ въ церковь? Тамъ увидимъ весь обрядъ.

АЛИНА.

Пойдемъ; быть можетъ, тамъ съ сестрой Іоанной
Мы встрѣтимся.

Луиза.

Мы видѣли ее;
Довольно съ насъ; воротимся въ село.

Алина.

Какъ, не сказавъ ни одного ей слова?

Луиза.

Она теперь не намъ принадлежитъ;
Лишь общество князей и полководцевъ
Прилично ей; начто же намъ тѣсниться
Къ блестящему величеству ея?
И съ нами бывъ, она была не наша.

Алина.

Иль думаешь, что ей насъ будетъ стыдно,
Что насъ она теперь пренебрежетъ?

Бертрандъ.

И самъ Король насъ не стыдится; онъ
Здѣсь ласково всѣмъ кланялся; хотя
Она теперь стоитъ и высоко,
Но нашъ Король все выше.

Трубы и литавры въ церкви.

Арманъ.

Въ церковь! въ церковь!

Идутъ и пропадаютъ въ толпѣ народа.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТИБО въ черномъ платьѣ, за нимъ **РАЙМОНДЪ**, который старается его удержать.

Раймондъ.

Воротимся, мой добрый Аркъ; уйдемъ
Отсюда; здѣсь все празднуетъ; твое
Уныніе обидно для веселыхъ...
Чего намъ ждать? Зачѣмъ здѣсь оставаться?

Тибо.

Ты видѣлъ ли несчастное мое
Дитя? Всмотрѣлся ли въ ея лице?

Раймондъ.

Ахъ! поскорѣй.... прошу тебя, уйдемъ.

Тибо.

Примѣтилъ ли, какъ робко шла она,
Съ какимъ лицемъ разстроеннымъ и блѣднымъ?
Несчастная, она свой жребій знаетъ.....
Но часъ насталъ ее спасти; я имъ
Воспользуюсь.

Хочетъ итти.

Раймондъ.

Куда? Чего ты хочешь?

Тибо.

Хочу ее внезапно поразить;
Хочу ее съ ничтожной славы сбросить;

Хочу ее насильно возвратить
Отверженному ею Богу.

Раймондъ.

Ахъ!
Подумай прежде, что ты начинаешь;
Ты самъ свое дитя погубишь;

Тибо.

Такъ!
Жила бъ душа — пускай погибнетъ тѣло.

Іоанна выбѣгаетъ изъ церкви безъ знамени; народъ окружаетъ ее, тѣснится къ ней, цѣлуетъ ея платье и препятствуетъ ей приближиться.

Смотри, идетъ; на ней лица нѣтъ; ужасъ
Ее изъ церкви гонитъ; Божій судъ
Преслѣдуетъ ее....

Раймондъ.

Прости, отецъ;
Съ надеждой я пришелъ и безъ надежды
Уйду; я видѣлъ дочь твою и знаю,
Что для меня навѣкъ она пропала.

Уходитъ. Тибо удаляется на противоположную сторону.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ІОАННА, НАРОДЪ, потомъ ея СЕСТРЫ.

Іоанна приближаясь.

Я не могу тамъ оставаться — духи
Преслѣдуютъ меня; органа звукъ

Какъ громъ мой слухъ терзаетъ; своды храма
Дрожатъ и пасть готовы на меня;
Хочу вздохнуть подъ вольнымъ небомъ, тамъ
Въ святилищѣ оставила я знамя,
И никогда къ нему не прикоснусь.....
Казалось мнѣ, что видѣла я милыхъ
Моихъ сестеръ Луизу и Алину;
Онѣ какъ сонъ мелькнули предо мной.....
Ахъ! то была мечта; онѣ далёко,
Далёко; мнѣ ужъ ихъ не возвратить
Какъ дѣтскаго потеряннаго счастья.

АЛИНА выходя изъ толпы.

Жанета!

ЛУИЗА подбѣгая къ ней.

Милая сестра!

ІОАННА.

О Боже!
И такъ я видѣла не сонъ; вы здѣсь,
Со мной; опять знакомый слышу голосъ;
Опять могу въ стѣни сей многолюдной
Родную грудь прижать къ печальной груди.

АЛИНА.

Она узнала насъ; она все та же
Добросердечная сестра Жанета.

ІОАННА.

О милыя! вы изъ такой далекой,
Далекой стороны пришли сюда.

Что бъ свидѣться со мной; вы мнѣ простили,
Что изъ села я, не сказавшись вамъ,
Ушла, и насъ какъ будто отреклася.

Луиза.

То воля Божія была.

Алина.

Молва
О чудесахъ твоихъ сошла и къ намъ;
Мы не могли противиться стремленью,
И родину спокойную покинувъ,
Пришли сюда взглянуть на славный праздникъ,
Пришли твое величіе увидѣть;
Мы не однѣ....

Іоанна.

Какъ? и отецъ? онъ здѣсь...
Онъ здѣсь.... но гдѣ же онъ? Зачѣмъ онъ скрылся?

Алина.

Отца здѣсь нѣтъ.

Іоанна.

О Боже! нѣтъ!... уже ли
Свое дитя онъ видѣть не хотѣлъ?
Но съ вами онъ хотя благословенье
Свое прислалъ мнѣ.....

Луиза.

Онъ не зналъ, что мы
Сюда пошли....

Іоанна.

Не зналъ? Но для чего жъ
Не зналъ онъ?... Вы молчите, вы глаза
Потупили?... Скажите, гдѣ отецъ?

Алина.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты ушла.....

Луиза, *дѣлая ей знаки.*

Алина!

Алина.

Онъ
Задумчивъ сталъ.

Іоанна.

Задумчивъ?

Луиза.

Будь спокойна;
Ты лучше насъ отца, Жанета, знаешь;
Его всегда предчувствіе тревожитъ;
Но онъ утѣшится, когда мы скажемъ,
Что видѣли тебя, что ты жива
И счастлива.

Алина.

Не правда ли, Жанета,
Ты счастлива? Чему жъ и быть иному
Въ такой чести, въ такой великой славѣ?

Іоанна.

Ахъ! счастлива; я съ вами; я вашъ голосъ
Опять услышала; онъ мнѣ напомнилъ

Отечество, домашніе луга;
Тамъ я пасла стада свои безпечно;
Тамъ счастлива была я какъ въ раю....
И не видать ужь мнѣ такого счастья.

Скрываетъ лице на груди Луизы. Арманъ, Этьенъ и Бертрандъ показываются въ отдаленіи и не смѣютъ подойти.

АЛИНА.

Арманъ, Этьенъ, не бойтесь, подойдите;
Сестра узнала насъ; она все также
Смиренна и тиха; и къ намъ теперь
Гораздо ласковѣй, чѣмъ прежде.

Они приближаются и хотятъ подать ей руку; Іоанна смотритъ на нихъ неподвижными глазами, и впадаетъ въ задумчивость; потомъ говоритъ въ изумленіи.

ІОАННА.

Гдѣ я?
Мои друзья, не правда ль? Все то было
Одинъ лишь долгій сонъ? Я въ Дом-Реми;
Подъ деревомъ Друидовъ я заснула;
Теперь проснулася, и вкругъ меня
Знакомыя, привѣтливыя лица
Моихъ родныхъ? Объ этихъ Короляхъ,
Сраженьяхъ, подвигахъ мнѣ только снилось;
То были тѣни; вкругъ меня онѣ
Носилися подъ тѣмъ волшебнымъ дубомъ;
Иначе какъ зайти вамъ въ Реймсъ? Какъ мнѣ
Самой быть въ Реймсѣ? Нѣтъ, не покидала

Я Дом-Реми; признайтеся, друзья,
Обрадуйте мнѣ сердце.

ЛУИЗА.

Нѣтъ, мы въ Реймсѣ,
Іоанна, и тебѣ не снилось; ты
Великое свершила наяву;
Опомнись, погляди вокругъ себя;
Дотронься до своихъ блестящихъ латъ.

Іоанна кладетъ руку на грудь, приходитъ въ себя и вздрагиваетъ.

БЕРТРАНДЪ.

Тебѣ твой шлемъ изъ рукъ моихъ достался.

АРМАНЪ.

Не диво, что тебѣ все это мнится
Чудеснымъ сномъ; какой быть можетъ сонъ
Чудеснѣе того, что ты свершила?

ІОАННА.

Ахъ! убѣжимъ; я съ вами возвращусь
Къ отцу, въ село.

ЛУИЗА.

Такъ, милая, пойдемъ.

ІОАННА.

Они меня здѣсь славятъ безъ заслуги;
Но съ вами я, друзья, была младенцемъ;
Вы слабою меня знавали; вы
Не мыслите меня боготворить —
Вы любите меня.

*

Алина.

Ты хочешь бросить
Свое величіе?

Іоанна.

Хочу, друзья,
Съ себя сорвать уборъ тотъ ненавистный,
Который насъ сердцами разлучилъ;
Хочу опять пастушкой быть смиренной,
Покорною рабою вамъ служить,
И горестнымъ загладить покаяньемъ
Безумное величіе мое.

Трубы.

ЯВЛЕНІЕ X.

КОРОЛЬ выходитъ изъ церкви въ коронѣ и порфирѣ, **АГНЕСА**, **АРХІЕПИСКОПЪ, ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ, ДЮНУА, ЛА ГИРЪ, ДЮ ШАТЕЛЬ, РЫЦАРИ, ПРИДВОРНЫЕ, НАРОДЪ.**

Народъ кричитъ во время шествія Короля:

Да здравствуетъ Король!

Гремятъ трубы; по мановенію Короля Герольды подаютъ знакъ и все умолкаетъ.

Король.

Народъ мой добрый,
Благодарю за вѣрность и любовь.
Мнѣ отдалъ Богъ отцевъ моихъ корону;
Народа мечь его завоевалъ;
Еще на ней кровь подданныхъ видна;

Но миръ ее оливою украситъ.
Благодаримъ защитниковъ престола;
А нашимъ всѣмъ врагамъ даемъ прощенье;
Къ намъ милостивъ Господь Всевышній былъ —
И первое будь наше слово: милость.

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ Король!

КОРОЛЬ.

Доселѣ незримо
Самъ Богъ вѣнчалъ Французскихъ Королей:
Но видимо изъ рукъ Его пріяли
Мы свой вѣнецъ.

Указывая на Іоанну.

Народъ, передъ тобою
Чудесная посланница небесъ;
Она престолъ законный защитила;
Она разрушила пришельца власть;
Ее пускай народная любовь
Защитницей отечества признаетъ;
Да будетъ ей воздвигнутъ здѣсь алтарь

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ спасительница-дѣва!

Трубы.

КОРОЛЬ *къ Іоаннѣ.*

Скажи, когда ты намъ равна породой,
Какое здѣсь тебѣ угодно счастье?
Но если ты сошла на время съ неба,

Что бъ насъ спасти подъ видомъ смертной дѣвы,
То просвяти земныя наши очи;
Преобразись, дай видѣть намъ твой свѣтлый,
Безсмертный ликъ, въ какомъ тебя лишь небо
Видало, что бъ тебя могли мы въ прахѣ
Боготворить.

Всеобщее молчаніе; всѣ глядятъ на Іоанну.

Іоанна вдругъ восклицаетъ.

О Боже! мой отецъ!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТИБО выходитъ изъ толпы и становится прямо противъ Іоанны.

Множество голосовъ.

Ея отецъ!

Тибо.

Такъ, горестный, несчастный
Ея отецъ, пришедшій самъ предать
На судъ свое дитя.

Герцогъ.

Что это значитъ?

Дю Шатель.

Ужасный свѣтъ увидимъ мы теперь.

Тибо къ Королю.

Ты думаешь: могущество небесъ
Тебя спасло; ты, Государь, обманутъ;

Народъ, ты ослѣпленъ; вы спасены
Искусствомъ адовымъ.

Всѣ отступаютъ въ ужасѣ.

Дюнуа.

Безумство!

Тибо.

Нѣтъ!

Безумецъ ты и всѣ вы? Какъ повѣрить,
Что бы Господь, Создатель, Вседержитель
Себя явилъ въ такой ничтожной твари?
Увидимъ мы: передъ лицемъ отца
Отважится ль она обманъ свой хитрый,
Которымъ васъ прельстила, подтвердить?
Отвѣтствуй мнѣ во имя Трисвятаго:
Принадлежишь ли ты къ святымъ и чистымъ?

Всеобщее молчаніе; всѣ глаза устремлены на Іоанну; она стоитъ неподвижно.

Агнеса.

Она молчитъ!

Тибо.

Она должна молчать

Предъ именемъ, предъ коимъ адъ и небо
Безмолвствуютъ. Она святая, небомъ
Намъ посланная? Нѣтъ, на мѣстѣ страшномъ,
Подъ деревомъ волшебнымъ, гдѣ издревлѣ
Нечистый духъ гнѣздится, было все
Придумано; тамъ вѣчность предала
Она врагу, что бъ славою минутной

Здѣсь, на землѣ, ее онъ возвеличилъ.

Герцогъ.

Ужасно!... Но отцу повѣрить должно;
Отцу ли дочь свою оклеветать?

Дюнуа.

Безумецъ, кто жестокому безумцу,
Губящему дѣтей своихъ, повѣритъ!

Агнеса къ Іоаннѣ.

Ахъ! отвѣчай; молю тебя, прерви
Ужасное твое молчаніе; мы
Не усомнимся; насъ единымъ словомъ
Изъ устъ твоихъ ты можешь убѣдить;
Но отвѣчай; отвергни клевету;
Скажи, что ты невинна, и повѣримъ.

Іоанна молчитъ; Агнеса отступаетъ отъ нея съ ужасомъ.

Ла Гиръ.

Она испугана; внезапный ужасъ
Сковалъ языкъ ея; самъ Божій Ангелъ
Отъ клеветы такой оцѣпенѣетъ.....
Приди въ себя, очувствуйся; невинность
Имѣетъ взглядъ непобѣдимо-сильный;
Какъ молнія сразитъ онъ клевету;
Іоанна, подыми свой чистый взоръ,
Воздвигнися во гнѣвѣ благородномъ,
Чтобъ пристыдить, что бъ наказать сомнѣнье,
Сражающее святую добродѣтель.

Іоанна молчитъ; Ла Гиръ, ужаснувшись, отступаетъ; движеніе въ народѣ увеличивается.

Дюнуа.

Почто дрожитъ народъ? Чего страшатся
Вожди и рыцари? Она невинна.
Я Княжескимъ моимъ ручаюсь словомъ,
И здѣсь бросаю я перчатку; кто
Отважится назвать ее виновной?

Сильный ударъ грома; всѣ трепещутъ.

Тибо.

Отъ имени гремящаго тамъ Бога
Я говорю: Іоанна, отвѣчай,
Скажи, что ты невинна, что врага
Нѣтъ въ сердцѣ у тебя, и въ клеветѣ
Изобличи отца.

Другой сильнѣйшій ударъ; народъ разбѣгается во всѣ стороны.

Герцогъ.

О защити,
Создатель, насъ! какіе страшны знаки!

Дю Шатель Королю.

Уйдите, Государь.

Архіепископъ.

Я вопрошаю
Во имя Бога: что велитъ тебѣ
Молчать — твоя невинность иль вина?
Ты слышала гремящій Божій голосъ?
Возми сей крестъ — когда онъ за тебя.

Іоанна стоитъ неподвижна; новые сильные удары грома; Король, Агнеса, Архіепископъ, Герцогъ, Ла Гиръ и Дю Шатель уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ДЮНУА, ІОАННА.

Дюнуа.

Іоанна, я назвалъ тебя невѣстой;
Я съ перваго тебѣ повѣрилъ взгляда;
Такъ думаю я и теперь; я вѣрю
Іоаннѣ болѣе, чѣмъ этимъ знакамъ,
Чѣмъ говорящему на небѣ грому.
Понятно мнѣ молчаніе твое:
То благородный гнѣвъ; себя закрывъ
Святой невинностью, ты подозрѣнью
Презрѣнному не хочешь дать отвѣта;
Пренебреги его — но мнѣ откройся;
Я въ чистотѣ твоей не усомнился;
Не говори ни слова; дай лишь руку
Въ залогъ, что ты себя моей рукѣ
И дѣлу правому ввѣряешь смѣло.

Онъ подаетъ ей руку; она отворачивается съ трепетомъ; Дюнуа смотритъ на нее въ изумленіи и ужасѣ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ІОАННА, ДЮ ШАТЕЛЬ, ДЮНУА, потомъ РАЙМОНДЪ.

Дю Шатель.

Іоанна д'Ааркъ, Король тебѣ позволилъ
Покинуть Реймсъ; тебѣ отворены

Ворота; не страшись — никто тебя
Не оскорбитъ; Король твоя защита.....
Графъ Дюнуа, вамъ быть здѣсь не прилично;
Какой конецъ!....

Онъ уходитъ; Дюнуа нѣсколько времени молчитъ, потомъ бросаетъ взглядъ на Іоанну и медленно удаляется; Іоанна остается одна; наконецъ является Раймондъ; онъ останавливается въ отдаленіи, смотритъ на нее въ горестномъ молчаніи; потомъ подходитъ къ ней и беретъ ее за руку.

РАЙМОНДЪ

Воспользуйся минутой;
На улицѣ все пусто; дай мнѣ руку;
Иди за мной; я буду твой защитникъ.

При взглядѣ на него, она подаетъ первый знакъ чувства; смотритъ быстро ему въ лице, потомъ на небо; потомъ съ живостью беретъ его за руку и они уходятъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Густой, дикой лѣсъ; вдали хижина угольщика; темно; ужасная гроза; слышны выстрѣлы.

УГОЛЬЩИКЪ и его ЖЕНА.

Угольщикъ.

Какая сильная гроза! все небо
Въ огнѣ; среди бѣла дня ночь; и страшно
Бушуетъ вѣтеръ. Видишь ли, какъ гнутся
Деревья, какъ бунтуютъ ихъ вершины?
И эта на небѣ война — предъ нею
И дикій звѣрь смиряется и робко
Въ свой темный логъ уходитъ — лишь однихъ
Людей она не можетъ усмирить;
Сквозь шумъ грозы, сквозь громъ и вихорь слышны

Мнѣ выстрѣлы; и оба войска такъ
Одно къ другому близко, что теперь
Лишь только этотъ лѣсъ ихъ раздѣляетъ;
Того и жди, что битва загорится.

Жена.

Помилуй насъ, Господь; враги разбиты
Ужъ на голову были; отъ чего жъ
Они опять такъ сдѣлались отважны?

Угольщикъ.

Ужъ имъ теперь Король нашъ не опасенъ;
Съ тѣхъ поръ, какъ дѣва стала въ Реймсѣ вѣдьмой,
Нечистый духъ намъ болѣ не помощникъ;
И все пошло вверхъ дномъ.

Жена.

Смотри, смотри,
Кто тамъ идетъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Іоанна, Раймондъ.

Раймондъ.

Здѣсь хижина, Іоанна;
Иди за мной; мы здѣсь найдемъ пріютъ;
Ты выбилась изъ силъ; ужъ третій день,
Какъ по лѣсу безлюдному ты бродишь,
Лишь дикими кореньями питаясь;

Гроза мало по малу утихаетъ; становится ясно.

Здѣсь угольщикъ живетъ; поди сюда,
Іоанна.

Угольщикъ.

Вы устали; отдохните
У насъ; чѣмъ Богъ послалъ, мы тѣмъ охотно
Васъ угостимъ.

Жена.

На ней военный панцырь:
Къ чему это?... Но, правда, въ наше время
И женщинѣ всего приличнѣй латы;
Я слышала, что Королева-мать
Явилася опять у Англичанъ,
Надѣла шлемъ и панцырь, и живетъ
Въ ихъ лагерѣ, какъ ратникъ; и давно ли
Пастушка, дочь крестьянина простаго,
За Короля сражалась?....

Угольщикъ.

Замолчи;
Поди, изъ хижины ей принеси
Напиться.

Она уходитъ въ хижину.

Раймондъ.

Видишь ли, Іоанна? Люди
Не всѣ безжалостны; и въ дикомъ лѣсѣ
Есть добрыя сердца; развеселись;
Гроза прошла; на небѣ ясно; солнце
Въ безоблачномъ сіяніи заходитъ.

Угольщикъ.

Конечно вы идете къ нашимъ войскамъ;
Остерегитеся: здѣсь недалеко
Поставили свой лагерь Англичане;
И по лѣсу ежеминутно бродятъ
Отряды ихъ.

Раймондъ.

Бѣда намъ; какъ отъ нихъ
Спастись?

Угольщикъ.

Останьтесь здѣсь; мой мальчикъ скоро
Воротится изъ города; онъ васъ
Оврагами лѣсными проведетъ
Въ Французскій лагерь; намъ тропинки всѣ
Знакомы здѣсь.

Раймондъ Іоаннѣ.

Сними свой шлемъ и панцырь;
Они тебя не защитятъ, лишь только
Врагамъ откроютъ.

Іоанна трясетъ головою.

Угольщикъ.

Отъ чего она
Такая грустная?.... Но тише, кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

Угольщикова ЖЕНА выходитъ изъ хижины съ стаканомъ воды, СЫНЪ ихъ и

ПРЕЖНІЕ.

Жена.

Напь мальчикъ; онъ изъ Реймса воротился.
Пей съ Богомъ.

Подаетъ Іоаннѣ стаканъ.

Угольщикъ.

Что ты скажешь? Что тамъ слышно?

Сынъ.

Увидя, что мать его подаетъ стаканъ Іоаннѣ, и узнавъ ее, бросается къ ней и вырываетъ изъ рукъ ея стаканъ.

Прочь! что ты дѣлаешь? Кому напиться
Ты принесла?... Вѣдь это чародѣйка.

Угольщикъ и Жена его вмѣстѣ

Помилуй насъ Небесный Царь.

Крестятся и убѣгаютъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

РАЙМОНДЪ, ІОАННА.

Іоанна съ кротостію.

Ты видишь?
Проклятіе за мною по слѣдамъ;
Все отъ меня бѣжитъ; бѣги и ты;
Спасайся, другъ; покинь меня.

Раймондъ.

Тебя

Покинуть! мнѣ! теперь!.... но кто же будетъ
Твоимъ проводникомъ?

Іоанна.

Я не одна;
Есть проводникъ; ты слышалъ громъ небесный;
Моя судьба ведетъ меня; я къ цѣли
Моей, и не искавъ ее, дойду.

Раймондъ.

Но этотъ лѣсъ опасенъ; Англичане
Толпятся здѣсь; они клялись тебѣ
Отмстить. А тамъ Французы; и они
Противъ тебя..... Куда же ты пойдешь?

Іоанна.

Чему не должно быть, того со мной
Не будетъ.

Раймондъ.

Кто жъ тебѣ здѣсь пищи станетъ
Искать? Кто здѣсь тебя оборонитъ
Отъ звѣря дикаго, отъ злыхъ людей?
Кто будетъ за тобой ходить въ болѣзни
И нищетѣ?

Іоанна.

Я знаю всѣ коренья
И травы — отъ овецъ я научилась
Цѣлебныя отъ вредныхъ отличать;

Я знаю ходъ свѣтилъ и облаковъ;
Мнѣ внятенъ шумъ потоковъ сокровенныхъ....
Для человѣка здѣсь немного нужно;
Природа жизнію богата.

РАЙМОНДЪ.

Правда;
Но должно бы тебѣ войти въ себя,
Покаяться и примириться съ Богомъ,
И возвратиться въ нѣдра Церкви....

IОАННА.

Другъ,
И ты меня винишь?

РАЙМОНДЪ.

Я принужденъ;
Твое безмолвное признанье...

IОАННА.

Какъ?
Ты, не покинувшій меня въ бѣдѣ,
Единое, мнѣ вѣрное, творенье,
Ты, мнѣ отдавшійся, когда весь свѣтъ
Отрекся отъ меня, и ты считаешь
Меня отступницей, забывшей Бога!...

Раймондъ молчитъ.

Ахъ! это тяжело.

РАЙМОНДЪ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ
Ты не волшебница, Iоанна.

Іоанна.

Я

Волшебница?

Раймондъ.

А эти чудеса?...

Ты съ помощью небесной ихъ свершила?

Іоанна.

Съ какою же иной?

Раймондъ.

Но для чего же

Молчала ты предъ страшнымъ обвиненьемъ?

Теперь ты говоришь; а при народѣ,

При Королѣ, гдѣ ты должна была

Отвѣтствовать, была ты какъ нѣмая.

Іоанна.

Я той судьбѣ въ молчаньи покорилась,

Которую мой Богъ, мой повелитель,

Назначилъ мнѣ.

Раймондъ.

Но развѣ дать отвѣта

Ты не могла отцу?

Іоанна.

Отъ Бога было,

Что было отъ отца; и испытанье

Отеческое будетъ.

Раймондъ.

Голосъ неба

Твою вину свидѣтельствовалъ имъ.

Іоанна.

И потому, что небо говорило,
Молчала я.

Раймондъ.

Какъ? Ты единымъ словомъ
Могла очиститься — и ты рѣшилась
Оставить свѣтъ въ погибельномъ обманѣ?

Іоанна.

То не обманъ; то было испытанье.

Раймондъ.

И этотъ стыдъ стерпѣла ты безвинно,
Съ покорностью, безъ ропотнаго слова?
О! я тебѣ дивлюсь; мой умъ мутится;
Въ моей груди поворотилось сердце;
Я самъ твоей вины не постигалъ,
И сладко мнѣ словамъ твоимъ повѣрить....
Но кто бъ вообразилъ, что сердце въ силахъ
Безмолвствовать предъ ужасомъ такимъ?

Іоанна.

Была ли бъ я посланницею Бога,
Когда бъ Его не чтила слѣпо власти?
И я не такъ несчастна какъ ты мыслишь;
Я въ нищетѣ — но въ низкой нашей долѣ
Несчастье ль нищета? Меня изгнали,
Нѣтъ мѣста, гдѣ мнѣ голову склонить —
Но знать себя въ степи я научилась;

Лишь тамъ была борьба въ моей душѣ;
Гдѣ вкругъ меня сіяла честь; весь свѣтъ
Моей судьбѣ завидовалъ, а я
Была несчастнѣй всѣхъ.... Но все прошло;
И я изцѣлена; и эта буря,
Грозившая природѣ разрушеньемъ,
Была мнѣ другъ: съ землею и меня
Она очистила; во мнѣ спокойно;
Пусть будетъ то, чему быть должно — я
Ужь слабости не вѣдаю въ себѣ.

Раймондъ.

Пойдемъ, пойдемъ, изобличимъ неправду;
Пускай твою невинность свѣтъ узнаетъ.

Іоанна.

Кто ослѣпилъ ихъ очи, тотъ одинъ
И просвѣтитъ ихъ; не дозрѣвши, плодъ
Судьбы не упадетъ; наступитъ день —
И буду я оправдана предъ ними;
И кто теперь меня клянетъ и гонитъ,
Тотъ свой обманъ признаетъ, и въ слезахъ
Моей судьбѣ отказано не будетъ.

Раймондъ.

Какъ, буду ль ждать въ молчаніи, чтобъ случай....

Іоанна, съ кротостью взявъ его за руку.

Другъ, ты одно естественное видишь;
И пелена земная омрачаетъ
Твой взоръ — но я безсмертное глазами

Здѣсь видѣла.... Безъ Бога не падетъ
И волосъ съ нашей головы. Взгляни
На заходящее тамъ солнце — завтра
Оно опять взойдетъ среди сіянья;
Такъ вѣрно день наступитъ оправданья.

ЯВЛЕНІЕ V.

КОРОЛЕВА ИЗАБЕЛЛА съ СОЛДАТАМИ и ПРЕЖНІЕ.

Королева еще за сценою.

Здѣсь въ лагерь Англійскій дорога.

Раймондъ.

Боже!

Погибли! непріятель!

Солдаты выходятъ на сцену; увидя Іоанну, они отступаютъ въ ужасѣ.

Королева.

Что случилось?

Что испугало васъ? Куда бѣжите?

Увидя Іоанну, невольно содрогается.

Что вижу я?

Одумавшись, быстро къ ней подходитъ.

Остановися, сдайся;

Ты плѣнница моя.

Іоанна.

Сдаюсь.

Раймондъ убѣгаетъ въ отчаяніи.

Королева.

Въ оковы!

Солдаты робко подходятъ къ Іоаннѣ; она протягиваетъ руки; на нее налагаютъ цѣпи.

Вотъ та ужасная, передъ которой
Въ сраженьи вы, какъ овцы, разбѣгались;
Она себя не въ силахъ защитить;
Чудесная, для тѣхъ, кто вѣрилъ чуду;
Лишь женщина при встрѣчѣ съ твердымъ мужемъ;

къ Іоаннѣ.

За чѣмъ покинула ты войско? Гдѣ
Графъ Дюнуа, твой рыцарь и защитникъ?

Іоанна.

Меня изгнали.

Королева.

Какъ, тебя изгнали?
Мой сынъ тебя изгналъ?

Іоанна.

Къ чему вопросы?
Я плѣнница твоя; рѣши мой жребій.

Королева.

Изгналъ; за то, что былъ тобой спасенъ
Отъ гибели, и въ Реймсѣ коронованъ,
И Королемъ Французскимъ сдѣланъ; въ этомъ
Я сына узнаю.... Вы! отведите
Ее въ нашъ лагерь; пусть увидитъ войско
Страшилище, пугавшее его;

Она волшебница? Въ безумствѣ вашемъ
И въ вашей робости — ея волшебство;
Она сама безумная: она
За Короля пожертвовала жизнью —
И Королевскую теперь награду
Пускай узнаетъ. — Прямо къ Ліонелю
Ее ведите; я ему съ ней вмѣстѣ
Передаю окованное счастье
Французовъ.... Я сама за вами скоро
Послѣдую; идите.

Іоанна.

Къ Ліонелю?
Нѣтъ, лучше умертви меня.

Королева.

Идите.

Уходитъ съ частію солдатъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ІОАННА, СОЛДАТЫ.

Іоанна къ солдатамъ

Британцы, вы ль потерпите, что бъ я
Изъ вашихъ рукъ живая вышла? Выньте
Мечи; вонзите ихъ мнѣ въ сердце; бросьте
Къ ногамъ вождя мой трупъ окровавленный;
О! вспомните, что я храбрѣйшихъ вашихъ
Товарищей сразила безпощадно,
Что я лила ручьями кровь Британцевъ,

Что отъ меня столь многіе изъ васъ
Съ отчизною свиданья лишены;
Отмстите мнѣ; убійцу умертвите;
Она у васъ въ рукахъ; вы не всегда
Столь слабою увидите ее.

Начальникъ.

Исполните, что велѣно.

Іоанна.

О Боже!

Уже ль мнѣ быть несчастною вполнѣ?...
Владычица, иль Ты непримирима?
Иль я совсѣмъ отвержена Тобою?
Не внемлетъ Богъ; не сходитъ Божій Ангелъ;
Спятъ чудеса; и небо затворилось.

Слѣдуетъ за солдатами.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Французскій лагерь.

ДЮНУА, АРХІЕПИСКОПЪ, ДЮ ШАТЕЛЬ.

Архіепископъ.

Спокой твое негодованье, Принцъ;
Король насъ ждетъ; уже ль теперь покинешь
Ты дѣло общее, когда все гибнетъ,
Когда рука могущая въ защиту
Отечеству нужна.

Дюнуа.

Но что причиной
Сихъ новыхъ бѣдъ? Что подвигло врага?
Все было рѣшено: побѣда наша;
Врагъ истребленъ; окончана война....
Спасительницу вы изгнали — сами
Теперь спасайтеся; а мнѣ противенъ
Тотъ лагерь, гдѣ ея ужъ болѣ нѣтъ.

Дю Шатель.

Не отпускай насъ, Принцъ, съ такимъ отвѣтомъ;
Подумай.....

Дюнуа.

Дю Шатель, молчи; тебя
Я ненавижу; ты мой первый врагъ;
Въ ея душѣ ты первый усомнился.

Архіепископъ.

Но кто жь изъ насъ могъ вѣру сохранить
Въ тотъ страшный день, когда самъ Божій громъ
Противъ нея свидѣтельствовалъ съ неба?
Мы были всѣ поражены; кто могъ
При ужасѣ такомъ не обезумѣть?...
Но заблужденіе прошло; мы видимъ
Ее опять въ той прелести, въ какой
Она являлась намъ, и въ страхѣ мыслимъ,
Что тяжкая неправда совершилась;
Король разкаялся; Бургундскій Герцогъ
Себя винитъ; въ отчаяньи Ла Гиръ,

И мрачная унылость въ каждомъ сердцѣ.

Дюнуа.

Она обманщица? О, если бъ съ неба
Святая истина сойти хотѣла —
Ея черты она бы приняла;
И если гдѣ живутъ здѣсь на землѣ
Невинность, вѣрность, правда, чистота —
То на ея устахъ, то въ свѣтломъ взорѣ
Ея жить должно имъ.

Архiепископъ.

Лишь чуду свыше
Разсѣять мракъ ужасной тайны сей,
Для ока смертнаго непостижимой;
Но что ни совершись — все мы виновны
Въ одномъ: иль мы въ союзѣ были съ адомъ,
Иль Божiю посланницу изгнали;
И вышнiй гнѣвъ за наше преступленье
Несчастное отечество казнитъ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ПАЖЪ, ПРЕЖНIЕ, потомъ РАЙМОНДЪ.

Пажъ.

Графъ, молодой пастухъ пришелъ къ вамъ; онъ
Усильно проситъ, чтобы ему вамъ лично
Сказать два слова дали; онъ о дѣвѣ
Извѣстiе принесъ.

Дюнуа.

Скорѣй введи
Его сюда; извѣстіе о ней!

Бѣжитъ на встрѣчу къ Раймонду.

Гдѣ, гдѣ она?

Раймондъ.

Благодаренье Богу,
Что съ вами здѣсь святой нашъ Архипастырь,
Несчастныхъ другъ, подпора притѣсненныхъ;
Онъ будетъ мой заступникъ.

Дюнуа.

Гдѣ Іоанна?

Архіепископъ.

Отвѣтствуй намъ, мой сынъ.

Раймондъ.

Ахъ! вѣрьте мнѣ,
Не хитрая волшебница она.
Свидѣтель Богъ и всѣ Его Святые:
Вы и народъ обмануты; невинность
Изгнали вы; посланницу Господню
Отвергнули.

Дюнуа.

Но гдѣ она? Скажи.

Раймондъ.

Я былъ ея проводникомъ; въ Арденскомъ
Лѣсу скитались мы, и тамъ она
Все исповѣдала передо мною;

Я въ мукахъ умереть готовъ и царства
Небеснаго пускай мнѣ не видать,
Когда она, какъ Ангелъ, не безгрѣшна.

ДЮНУА.

Самъ Божій день души ея не чище;
Но гдѣ она?

РАЙМОНДЪ.

О, если вамъ Господь
Къ ней душу обратилъ — то поспѣшите
Ее спасти; Она у Англичанъ
Въ плѣну.

ДЮНУА.

Въ плѣну!

АРХІЕПИСКОПЪ.

Несчастная!

РАЙМОНДЪ.

Въ Арденахъ,
Гдѣ вмѣстѣ мы пристанища искали,
Попалась намъ на встрѣчу Королева;
Она ее велѣла оковать,
И въ непріятельскій послала лагерь.....
Погибнуть въ мукахъ ей; о, поспѣшите
Съ защитою къ защитницѣ своей.

ДЮНУА.

Къ оружію! бей сборъ! все войско въ строй!
Вся Франція бѣги за нами въ бой;
Въ залогѣ честь; потеряна корона;

Разрушена престола оборона;
Въ рукахъ врага палладіумъ святой;
Все за нее; всей крови нашей мало;

Обнажаетъ мечь.

Спасти ее, во что бы то ни стало.

Уходитъ

ЯВЛЕНІЕ IX.

Башня; на верху ея отверстіе.

ІОАННА, ЛІОНЕЛЬ, ФАСТОЛЬФЪ, потомъ **КОРОЛЕВА.**

Фастольфъ, входя.

Не укротить бунтующій народъ;
Какъ бѣшеный онъ требуетъ, что бъ выдалъ
Ты плѣнницу ему на жертву; силой
Его не одолѣть; убей ее,
И выбрось къ нимъ ея кровавый трупъ;
Другимъ ничѣмъ не усмирится войско.

Королева входитъ.

Ужь лѣстницы приставлены къ стѣнѣ;
Хотятъ взять приступомъ нашъ замокъ.... Слышишь
Ихъ крикъ?... Дождешься ли, чтобъ силой
Они сюда вломились? Мы погибнемъ;
Ея не защитить; отдай ее.

Ліонель.

Пускай бунтуютъ; мнѣ не страшенъ приступъ;
Мой замокъ крѣпокъ; я скорѣй въ его

Обломкахъ погребусь, чѣмъ дерзкой волѣ
Бунтовщиковъ поддамся.... Отвѣчай,
Іоанна, мнѣ; рѣшися быть моею —
И за тебя я драться съ цѣлымъ свѣтомъ
Готовъ.

Королева.

Стыдись, Британскій вождь.

Люнель.

Твои
Отвергнули тебя; неблагодарной
Отчизнѣ ты ничѣмъ ужь не должна;
Предатели, спасенные тобою,
Тебя покинули — они не смѣли
За честь твою сразиться; я жь осмѣлюсь
Съ моимъ, съ твоимъ народомъ за тебя
Пойти на бой..... Казалось прежде мнѣ,
Что жизнію моей ты дорожила;
Тогда врагомъ стоялъ я предъ тобою —
А нынѣ я единственный твой другъ.

Іоанна.

Изъ всѣхъ враговъ народа моего
Ты ненавистнѣйшій мнѣ врагъ; межъ нами
Быть общаго не можетъ; не могу
Тебя любить.... Но если ты наклоненъ
Ко мнѣ душой, то пусть во благо будетъ
Твоя любовь для нашихъ двухъ народовъ;
Вели твоимъ полкамъ мою отчизну

Немедленно покинуть; возврати
Мнѣ всѣ ключи Французскихъ городовъ,
Похищенныхъ войной; отдай всѣхъ плѣнныхъ
Безъ выкупа; вознагради за все,
Что здѣсь раззорено, и дай залоги
Священной вѣрности — тогда тебѣ
Отъ имени Монарха моего
Я предлагаю миръ.

Королева.

Ты смѣешь намъ,
Безумная, въ цѣпяхъ давать законы?

Іоанна.

Рѣшись заврременно; ты *долженъ* будешь
Рѣшиться; Франціи не одолѣть;
Нѣтъ, нѣтъ, тому не быть! скорѣй она
Для вашихъ войскъ обширнымъ гробомъ будетъ.
Храбрѣйшіе изъ васъ погибли; вспомни
О родинѣ; подумай о возвратѣ;
Уже давно пропала ваша слава;
И вашего могущества ужь нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Одинъ изъ военачальниковъ входитъ поспѣшно.

Военачальникъ.

Скорѣе, вождь, устрой полки въ сраженье;
Французское поколебалось войско;
Они идутъ, знамена распустивъ;

Долина вся оружіемъ сверкаетъ.

Іоанна.

Идутъ, идутъ! теперь вооружись,
Британія! теперь отвѣдай силы!
Ударилъ часъ; увидимъ, чья побѣда!

Фастольфъ.

Безумная, твоя напрасна радость;
Изъ этихъ стѣнъ живая ты не выйдешь!

Іоанна.

Пускай умру — народъ мой побѣдитъ;
Для храбрыхъ я ужь болѣ не нужна.

Ліонель.

Я презираю ихъ; они бѣжали
Отъ насъ во всѣхъ сраженіяхъ, доколѣ
Сія рука за нихъ не поднялась.
Одна изъ нихъ была достойна чести;
И ту они изгнали..... Другъ, пойдемъ;
Теперь нашъ часъ; пришла пора напомнить
Имъ страшный день Креки и Пуатье.
Вы, Королева, здѣсь останьтесь; вамъ
Ввѣряю плѣнницу.

Фастольфъ.

Какъ? Намъ ее
Покинуть за собой?

Іоанна.

Стыдися, воинъ,
Ты женщины окованной робѣешь.

Ліонель Іоаннѣ.

Дай слово мнѣ, что ты искать свободы
Не станешь.

Іоанна.

Нѣтъ, свободу возвратить
Живѣйшее желаніе мое.

Королева.

Въ тройную цѣпь ее закуйте; жизнью
Клянусь вамъ, что она не убѣжитъ.

На Іоанну налагаютъ цѣпи, которыя окружаютъ и руки ея и все тѣло.

Ліонель.

Іоанна, ты сама того хотѣла;
Еще не поздно; будь за насъ и знамя
Британское возьми, и ты свободна;
И тѣ враги, которые такъ крови
Твоей хотятъ, твою признаютъ волю.

Фастольфъ.

Пойдемъ, пойдемъ.

Іоанна.

Не трать напрасно словъ;
Они идутъ; спѣши обороняться.

Трубы; Ліонель уходитъ.

Фастольфъ.

Вы знаете, что дѣлать, Королева,
Когда не къ намъ наклонится фортуна,
Когда не мы побѣду.....

Королева, вынимая кинжалъ.

Будь спокоенъ;

Я ей не дамъ торжествовать.

Фастольфъ Іоаннѣ.

Теперь

Ты знаешь жребій свой; молися жь небу,
Чтобъ твой народъ оно благословило.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ІОАННА, КОРОЛЕВА, СОЛДАТЫ.

Іоанна.

Я буду за него молиться; кто
Языкъ мой окуетъ?.... Но что я слышу?
Военный маршъ народа моего;
Какъ мужественно онъ гремитъ мнѣ въ душу!
Погибель Англіи! Французамъ слава!
Впередъ, мои безстрашные, впередъ!
Іоанна близко; знамя передъ вами
Она нести не можетъ, какъ бывало;
Она въ цѣпяхъ — но духъ ея свободно
Стремится въ бой за вашей бранной пѣснь...

Королева одному изъ солдатъ.

Взойди на башню; съ ней все поле видно;
Разсказывай, что тамъ случится....

Солдатъ всходитъ на башню.

*

Іоанна.

Дружно!
Мужайся, мой народъ! то бой послѣдній;
Еще побѣда — и врага не стало!

Королева.

Что видишь тамъ?

Солдатъ.

Сошлись.... Вотъ кто-то скачетъ,
Какъ бѣшеный, на ворономъ конѣ,
Покрытый тигромъ; вслѣдъ за нимъ жандармы.

Іоанна.

Графъ Дюнуа! впередъ, мой бодрый витязь!
Побѣда тамъ, гдѣ ты.

Солдатъ.

Бургундскій Герцогъ
Ударилъ на мостъ.

Королева.

Смерть тебѣ, предатель!

Солдатъ.

Ему Фастольфъ дорогу заступилъ;
Сошли съ коней — дерутся, грудь на грудь —
Бургундцы съ нашими перемѣшались.

Королева.

Узналъ ли ты Дофина? Не видать ли
Тамъ Королевскихъ знаковъ?

Солдатъ.

Все въ пыли

Смѣшалось; ничего не отличишь.

Іоанна.

Когда бъ мой взоръ имѣлъ онъ, иль на башнѣ
Стояла я — ничто бъ не ускользнуло
Отъ зоркости моей; и вдалекѣ
Отъ ворона орла бъ я отличила.

Солдатъ.

Теперь во рву ужасная тревога....
Тутъ всѣ вожди...

Королева.

А наше знамя?

Солдатъ.

Вѣетъ.

Іоанна.

О, если бъ я хотя въ проломъ стѣны
Смотрѣть на нихъ могла; тогда бъ и взоръ мой
Сраженіемъ повелѣвалъ.

Солдатъ.

Бѣгутъ!

Бѣгутъ! побѣда!

Королева.

Кто бѣжитъ?

Солдатъ.

Французы!

Бургундцы; поле все покрылось ими.

Іоанна.

О Боже! до-толь меня покинешь?

Солдатъ.

Кокой-то раненый упалъ..... на помощь
Бѣгутъ толпы.... то вѣрно вождь....

Королева.

Французъ,
Иль нашъ?

Солдатъ.

Снимаютъ шлемъ; Графъ Дюнуа.

Іоанна *въ отчаяніи порывается изъ цѣпей.*

А я въ цѣпяхъ!

Солдатъ.

Вотъ кто-то въ голубой
Богатой мантіи съ шитьемъ и съ бѣлымъ
Перомъ на шлемѣ.... онъ несется прямо
На нашихъ.

Іоанна *съ живостію.*

То Король, мой Государь!

Солдатъ.

Конь испугался — прянулъ — и упалъ —
Онъ бьется подъ конемъ — онъ въ стременахъ
Запутался — къ нему помчались наши —
Ужъ близко — вотъ они — онъ окруженъ.

Іоанна сопровождаетъ каждое слово его отчаяннымъ движеніемъ.

Іоанна.

Иль Ангеловъ на небесахъ не стало?

Королева съ ругательнымъ смѣхомъ.

Теперь пора!... Защитница, спасай!

Іоанна, бросившись на колѣна.

Господь, Господь! въ бѣдѣ моей жестокой,
На небеса твои, съ надеждой, съ вѣрой,
Въ тоскѣ, въ слезахъ я душу посылаю;
Всесиленъ Ты — тончайшей паутинѣ
Тебѣ легко дать крѣпость твердой стали;
Всесиленъ ты — тройнымъ желѣзнымъ узамъ
Тебѣ легко дать бренность паутины;
Ты повелишь и цѣпь сія падетъ;
И сей тюрьмы разступится стѣна;
Ты дивный Богъ, съ Тобой слѣпецъ Самсонъ
И въ слабости могущество низринулъ;
Тебя призвавъ, онъ столбъ переломилъ —
И на врага упали своды храма.

Солдатъ.

Побѣда!

Королева.

Что?

Солдатъ.

Король взять въ плѣнъ.

Іоанна, вскочивъ.

Нѣтъ! съ нами
Богъ!

Она схватила обѣими руками свои цѣпи и разомъ перервала ихъ; потомъ бросилась на близь-стоявшаго воина, вырвала изъ рукъ его мечь, и убѣжала; всѣ остались неподвижны отъ изумленія и ужаса.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Прежніе, кромѣ Іоанны.

Королева, послѣ долгаго молчанія.

Что это? Во снѣ ль я? Гдѣ она?
И эту цѣпь она перервала!
Своимъ глазамъ повѣрить я не смѣю.

Солдатъ съ башни.

Она на крыльяхъ; вихремъ мчится.

Королева.

Гдѣ
Она?

Солдатъ.

Ударила въ средину битвы;
Мой взоръ за ней не поспѣваетъ — вдругъ
И тамъ и тутъ и въ тысячѣ мѣстахъ
Является она — тамъ раздвоитъ
Толпу — тамъ сломитъ строй — все передъ ней
Бѣжитъ и падаетъ — Французы стали,
Опять построились — о горе! наши
Разсыпались — оружіе бросаютъ —
Знамена пали —

Королева.

Какъ? Уже ль она
Отыметъ вѣрную у насъ побѣду?

Солдатъ.

Она пробилась къ Королю — и сильной

Рукою вырвала его изъ битвы; —
Къ ней бросился Фастольфъ — онъ опрокинутъ —
Вождь окруженъ — его схватили.

КОРОЛЕВА.

Стой!

Ни слова болѣе, сойди!

СОЛДАТЪ.

Бѣгите!

Спасайтеся! они хотятъ ударить
На замокъ нашъ.

Сходитъ съ башни.

КОРОЛЕВА, вынимая мечъ.

Обороняйтесь! стойте!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЛА ГИРЪ вбѣгаетъ съ СОЛДАТАМИ; КОРОЛЕВИНЫ СОЛДАТЫ бросаютъ оружіе.

ЛА ГИРЪ, почтительно входя къ ней.

Поддайтеся побѣдѣ, Королева;
Всѣ ваши рыцари въ плѣну; безъ нужды
Не должно крови лить; мои услуги
Я предлагаю вамъ.... Куда велите
Васъ проводить?

КОРОЛЕВА.

Туда, гдѣ нѣтъ Дофина;
Мнѣ все равно, лишь бы его не встрѣтить.

Отдаетъ мечъ и слѣдуетъ за Ла Гиромъ.

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Поле сраженія; назади сцены солдаты съ распущенными знаменами; впереди **КОРОЛЬ** и **ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ**; на рукахъ у нихъ лежитъ **ІОАННА**, смертельно раненая и неподвижная; они тихо подвигаются впередъ; **АГНЕСА** вбѣгаетъ.

Агнеса, бросаясь къ Королю.

Ты живъ, освобожденъ, ты снова мой!

Король.

Освобожденъ..... но вотъ цѣна свободы;
Смотри!

Указываетъ на Іоанну.

Агнеса.

Іоанна! Боже! умираетъ.

Герцогъ.

Скончалась; улетѣлъ нашъ Ангелъ; тихо,
Безгорестно, какъ спящее дитя,
Она лежитъ и райскій миръ играетъ
Кругомъ ея лица; уже дыханье
Не подымаетъ груди ей; но жизнь
Чувствительна еще въ рукѣ горячей.

Король.

Ея ужь нѣтъ; она ужь не проснется;
Ея глаза померкли для земнаго;
И съ высоты преображенный Ангелъ
Не зритъ ни слезъ, ни угрызеній нашихъ.

Агнеса.

Она жива; она глаза открыла.

Герцогъ.

Иль хочешь къ намъ изъ гроба воротиться?
Иль смерть покорна ей?... Она встаетъ.

Іоанна, *осматриваясь.*

Гдѣ я?

Герцогъ.

Съ твоимъ народомъ, посреди
Твоихъ, Іоанна.

Король.

Здѣсь твои друзья;
Здѣсь твой Король.

Іоанна, *долго смотрѣвъ неподвижными глазами.*

Ахъ! нѣтъ! вы въ заблужденьи;
Я не волшебница.

Король.

Ты Ангелъ чистый;
Мы были слѣпы; нашъ былъ умъ въ затмѣньи.

Іоанна, *осматриваясь съ веселой улыбкою.*

И такъ опять съ народомъ я моимъ;
И не отвержена; и не въ презрѣньи;
И не клянутъ меня; и я любима...
Такъ! все теперь опять я узнаю:
Вотъ мой Король.... вотъ Франціи знамена....
Но моего не вижу.... Гдѣ оно?
Безъ знамени явиться не могу;

Его мой Богъ, Владыка мой мнѣ ввѣрилъ;
Его должна передъ Господній тронъ
Я положить; теперь съ нимъ показаться
Я смѣю: я ему не измѣнила.

Король, отвратилъ глаза.

Подайте знамя ей.

Подаютъ знамя; она беретъ его, подымается и стоитъ никѣмъ не будучи поддерживаема; небо сіяетъ яркимъ блескомъ.

Іоанна.

Смотрите, радуга на небесахъ;
Растворены врата ихъ золотыя;
Средь Ангеловъ — на персяхъ вѣчный Сынъ —
Въ божественныхъ лучахъ стоитъ она,
И съ милостью ко мнѣ простерла руки;
О, что со мною?.... Мой тяжелый панцырь
Сталъ легкою крылатою одеждой.....
Я въ облакахъ.... я мчуся быстротечно....
Туда... туда.... земля ушла изъ глазъ;
Минута скорбь, блаженство безконечно.

Знамя выпадаетъ изъ рукъ ея, и она мертвая на него опускается — всѣ стоятъ въ горестномъ молчаніи — Король подаетъ знакъ, и тихо склоняютъ на нее всѣ знамена, такъ, что она совершенно ими закрыта.

———

ЛИРИЧЕСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ БАРДА,

НАДЪ ГРОБОМЪ

СЛАВЯНЪ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

„Ударь во звонкій щитъ! стекитесь, ополченны!
Умолкла брань — враги утихли расточенны!
Лишь паръ надъ пепломъ селъ густой;
Лишь волкъ, сокрытый нощи мглой,
Очами блещущій, бѣжитъ на ловъ обильный;
Зажжемъ костеръ дубовъ; изройте ровъ могильный,
Сложите на щиты поверженныхъ во прахъ:
Да холмъ вѣщаетъ здѣсь вѣкамъ о бранныхъ дняхъ,
Да камень здѣсь хранитъ могущихъ слѣдъ священ-
ной!“

Гремитъ.... раздался гулъ въ дубравѣ пробужденной!
Стеклись; вождей и ратныхъ сонмъ;

Глухой полнощи тьма кругомъ;
Предъ ними вѣщій Бардъ, вѣнчанный сѣдиною,
И падшихъ страшный рядъ, простертыхъ на щитахъ.
Объяты думою, съ поникнутой главою;
На грозныхъ лицахъ кровь и прахъ;
Оперлись на мечи; средь нихъ костеръ пылаетъ,
И съ свистомъ горный вѣтръ ихъ кудри воздымаетъ.
И се! воздвигся холмъ, и камень водруженъ;
И дубъ, краса полей, воспитанный вѣками,
Склонилъ главу на дернъ, потокомъ орошенъ;
И се! могущими перстами
Пѣвецъ ударилъ по струнамъ —
Одушевленны забряцали!
Воспѣлъ — дубравы застенали,
И гулъ помчался по горамъ:

„О сладкихъ пѣсней мать, пѣвица битвъ священна,
О Бардовъ лира вдохновенна!
Проснись — да оживетъ хвала въ твоихъ струнахъ!
Да тѣни бранныя низринутыхъ во прахъ,
Скитаясь при лунѣ по тучамъ златорунным,
Сойдутъ на мрачный долъ, гдѣ миръ надъ пепломъ ихъ,
Обвороженныя бряцаньемъ тихострунным. —
Какъ пали сильные? Какъ сильныхъ громъ утихъ?
Гдѣ вы, сыны побѣдъ? Гдѣ славныхъ воевъ сила?
Отвѣтствуй, мрачная безтрепетныхъ могила!...
Какъ орлій со скалы пустившійся птенецъ,

Впервые возшумѣвъ отважными крылами,
Близъ солнца зря трудовъ и поприща конецъ,
Паритъ, превыспренній, и вдругъ, небесъ громами
Сожженный посреди стремленья къ высотамъ,
Въ гремящихъ тучахъ исчезаетъ....
Такъ палъ съ побѣдой Россъ! паденье — страхъ врагамъ."

„О битвы грозный видъ! смотри! перунъ сверкаетъ!
Се мчатся! грудь на грудь! дружинъ сомкнутыхъ сонмъ!
Средь дымныхъ вихрей бой и громъ;
По шлемамъ звукъ мечей; коней пронзенныхъ ржанье,
И трубъ стозвучный трескъ. Отъ топота копытъ,
Отъ пренія бойцевъ, отъ кликовъ и стенанья
Смятенный воетъ боръ, и долъ гремя дрожитъ.
О страшный видъ попранныхъ боемъ!
Тотъ зыблется въ крови, съ глухимъ кончаясь воемъ;
Тотъ, вихремъ мчась, погибъ безстрашныхъ впереди;
Тотъ, шуйцей рану сжавъ, десной изнеможенной
Оторванну хоругвь скрываетъ на груди;
Тотъ страшно возстеналъ, на копья восхищенной,
И, сверженный во прахъ, дымясь, оцѣпенѣлъ....
О мужество Славянъ! о витязей предѣлъ!"

„Хвала на жертву принесеннымъ
За родшихъ, братій и супругъ;
Хвала отечества хранителямъ священнымъ!

Хвала, хвала тебѣ, о падшій славы другъ!
  Пускай безвѣстный погибаетъ,
  Сей житель праха — червь душой;
Пусть въ дольномъ мракѣ жизнь годами исчисляетъ....
Безсмертья сынъ, твой рокъ громовой течь стезей;
  Пари, блистай, превознесенный;
Погибнешь въ высотѣ — весь міръ твой мавзолей;
Безславный ждетъ, томясь, кончины вялыхъ дней,
До времени во мглѣ могилы погребенный;
  Равны концемъ и часъ и вѣкъ;
Разлука съ жизнью мигъ; заутра или нынѣ;
Перуномъ ли угасъ, незримый ли протекъ;
  Царемъ, или рабомъ судьбинѣ."

  „Блаженъ почившій на громахъ
  Въ виду отчизны благодарной;
  И въ гробѣ сопротивнымъ страхъ,
И въ гробѣ озаренъ денницей лучезарной;
  Блаженъ погибшій въ цвѣтѣ лѣтъ....
О юноша, о ты, безсмертью пріобщенный!
Коль быстро совершенъ твой выспренній полетъ;
Се онъ, низринутый на щитъ окровавленный,
  Поникъ геройскою главой;
Надъ нимъ кончины часъ; ужь взоръ недвижный тмится....
Но къ кровнымъ, но къ друзьямъ, но къ родинѣ святой,

Еще съ лучемъ любви, еще съ тоской стремится;
Не сѣтуй, славы сынъ; оставь сей жизни брегъ;
Ты смерть предупредилъ, на одръ честей возлегъ;
Ты спутникъ въ гробъ неустрашимыхъ.
Увы! завидна ль часть веригой лѣтъ томимыхъ?
Герой, одряхшій подъ вѣнкомъ,
Приникшій къ костылю израненнымъ челомъ,
Могущихъ переживъ, оставленный друзьями,
Отвсюду окруженъ возлюбленныхъ гробами,
Усталый ждетъ конца — и смерть ему покой:
Блаженъ, кто славный путь со славой довершаетъ;
Когда вѣнки и честь беретъ во прахъ съ собой,
И, въ лаврахъ посѣдѣвъ, на лаврахъ угасаетъ!"

„Здѣсь, братья, вѣчно мирны вы!
Почійте сладко, незабвенны!
О вы — ловца пожравъ, въ сѣтяхъ погибши львы!
О спутники побѣдъ, коварствомъ низложенны!
Безстрашныхъ персть — потомству даръ.
О васъ сей будетъ холмъ бесѣдовать съ вѣками:
Онъ сильнымъ возвѣститъ, какъ пали вы съ громами;
Онъ въ чадахъ вашихъ чадъ родитъ ко славѣ жаръ."

„Здѣсь Бардъ грядущихъ лѣтъ, объятъ глубокой думой,
Въ тотъ часъ — какъ всюду мракъ полунощи угрюмой,
Когда безмолвенъ долъ, и мѣсяцъ изъ-за тучь
Повременно свой ликъ задумчивый являетъ,

И серна, прискакавъ на шумный въ камняхъ ключь,
Недвижно, робкая, журчанью струй внимаетъ —
Къ протекшимъ воспаритъ вѣкамъ,
Пробудитъ звономъ струнъ насупленну дубраву,
И, мыслію стремясь великихъ по слѣдамъ,
Изъ персти воззоветъ давно-почившихъ славу.
Здѣсь, въ сумракѣ возсѣвъ,
Пришедъ изъ края дальна,
Краса Славянскихъ дѣвъ,
Задумчива, печальна,
Тоску прольетъ въ слезахъ,
И, грудью воспаленной
Припавъ на хладный прахъ,
Могилы миръ священной
Рыданьемъ возмутитъ.
Увы! здѣсь въ сонмѣ падшихъ
Герой прелестный спитъ;
Здѣсь радостей увядшихъ
Ея послѣдній слѣдъ.
Воскреснутъ вспоминанья
О благахъ прежнихъ лѣтъ,
О дняхъ очарованья,
О дняхъ любви святой;
Воскреснетъ часъ разлуки,
Когда, летящій въ бой,
Пріемля громы въ руки,
Другъ сердца, сильнымъ страхъ,

Красою образъ Дида,
Съ уныніемъ въ очахъ,
Съ блистаньемъ Свѣтовида,
Сказалъ: прости навѣкъ!
Шеломъ надвинулъ бранной,
Вздохнулъ, какъ вихрь потекъ,
И съ сонмомъ ратныхъ силъ исчезъ въ дали туманной.
Сюда придетъ отчизны сынъ,
Героевъ племя, Славянинъ,
Дѣлами предковъ распаленный;
Обыметъ падшихъ гробъ, и внемлетъ гласъ священный,
Къ нему изъ глубины рекущій: будь великъ!
Предстанутъ предъ него протекшихъ ратей бои
И въ молнійныхъ браздахъ вождей побѣды ликъ!...
Почійте! мирный сонъ, о братья, о герои!"...

Умолкъ....и струнъ исчезъ въ пустынномъ небѣ звонъ;
И отзывъ по горамъ и дебри усыпились;
Сонмъ бранныхъ скорбью осѣнёнъ:
Ихъ взоры на курганъ недвижные вперились;
Безгласны, въ грозной тишинѣ;
На лицахъ мщенья жаръ — ихъ груди гнѣвъ спираетъ,
И ярости нѣмой въ зеницахъ огнь пылаетъ.
Молчатъ — окрестъ покой — надъ ними въ вышинѣ,
Изъ тучь, влекущихся грядою,
Бросая тихій блескъ на дебрь, и долъ и лѣсъ,
Луна невидимой стезею

Среди полунощныхъ небесъ
Свершаетъ, мирная, свой токъ уединенный.
Но се! таинственнымъ видѣніемъ во мглѣ
Пѣвецъ воспрянулъ пораженный;
Сѣдины дыбомъ на челѣ;
Смятеніе въ очахъ и въ членахъ трепетанье;
Какъ вихорь на курганъ онъ съ лирой возлетѣлъ....
Волшебной раздалось бряцанье....
И снова мощный гласъ пророка возгремѣлъ:

„Не вы ль, низверженныхъ полунощные лики,
Не вы ли, призраки могущихъ, предо мной?
Они! средь бурныхъ тучъ! сплелись рука съ рукой!
О страшный сонмъ! о страшны клики!
Куда ихъ строгій взоръ столь грозно устремленъ?
Надъ кѣмъ воздушный мечь вождя ихъ вознесенъ?
Надъ кѣмъ гремятъ цѣпями?
Внимай! внимай! горѣ пѣснь гибели поютъ.
Отмщенья! крови! вопіютъ,
Сверкая изъ-за тучъ ужасными очами.
Отмщенья, витязи, отмщенья! громъ во длань!
Воздвигнись, духъ Славянъ! воздвигнись, месть и
бранъ!
Се ярый исполинъ, побѣдами надменный!
Постигну! поражу! разсыплю ихъ полки!
Имъ рабство — даръ моей руки! —
Гремитъ, на гибель ополченный!“

„Друзья! се часъ побѣдъ! Славяне, возгремимъ!
Прострите взоръ окрестъ: лишь дебри запустѣлы.
Гдѣ пышный видъ полей? гдѣ радостныя селы?
И гдѣ Тевтоновъ мощь, низринувшая Римъ?
Тамъ матерь гладная изсякшими сосцами,
Простертая на прахъ, въ младенца кровь ліетъ;
Тамъ къ пеплу хижины приникшій сѣдинами,
Недугомъ изнуренъ, кончины старецъ ждетъ;
Тамъ чада нищеты — убійство и хищенье;
Тамъ, рабства первенецъ, неистовый развратъ.
О ясный миръ семей! о нравовъ оскверненье!
О доблесть прежнихъ лѣтъ! лишь цѣпи тамъ звучатъ;
Лишь хищниковъ бичи подъяты надъ рабами;
Сокрылись Германа послѣдніе сыны;
Сокрылись силъ вожди, парившіе орлами;
Въ пустыняхъ, очеса къ землѣ преклонены,
Надъ прахомъ падшаго отечества рыдаютъ.“

„О братья, о сыны возвышенныхъ Славянъ,
Воспрянемъ! вамъ перунъ для мщенья свыше данъ.
Отмщенья! подъ ярмомъ народы восклицаютъ,
Да въ прахъ, да въ прахъ падутъ погибели творцы!...
Воззрите вспять.... тамъ сонмъ священный,
Тамъ счастья нашихъ дней залоги драгоцѣнны,
Тамъ матери въ слезахъ, тамъ чада и отцы,
Тамъ лавроносная отчизна въ ожиданьѣ.

О витязи! за вами вслѣдъ
Славянскихъ дѣвъ любовь, возлюбленныхъ желанье:
Да боги ихъ души съ трофеями побѣдъ
По браняхъ притекутъ, отметивъ, непосрамленны.
За вами ихъ мольбы летятъ воспламененны.
Внемлите и супругъ, и чадъ, и юныхъ дѣвъ,
Внемлите, воины, моленье;
Воззрите на отцевъ колѣнопреклоненье;
Во славѣ, посреди могущихъ посѣдѣвъ,
Подъемлютъ къ небесамъ трепещущія длани,
И молятъ: Царь судебъ, за нихъ, за нихъ во брани!
О сколь возвышенны спасающіе насъ!
(Въ восторгѣ сердца восклицаютъ
Возлюбленны, узрѣвъ на бой текущихъ васъ:)
Какія молніи во взорѣ ихъ блистаютъ!
Коль грозенъ ополченныхъ сонмъ!
О сколь плѣнительны, неся во дланяхъ громъ!
Они ль не полетятъ на крыльяхъ мести къ бою —
Они ль, оставивши всѣ блага за собою?
О незабвенные, о слава нашихъ дней,
Грядите — благодать самихъ Небесъ надъ вами;
Враги да будутъ снѣдь мечей;
Да вскорѣ бранными вѣнками
Священныя главы отметившихъ обовьемъ.
О часъ блаженнѣйшій свиданья?
Летятъ — въ крови, въ пыли, тѣснятся въ отчій домъ!
Благословенья, лобызанья!

Восторгъ души, лишенной словъ!
Супруги, въ Божій храмъ; встрѣчайте жениховъ
Въ одеждѣ брачной, обрученны;
Да льется слезъ бальзамъ на раны ихъ священн
Отремъ съ ланитъ геройскихъ прахъ;
Да видомъ не страшатъ, ни грозными бронями
Отцы, на колыбель склоненны надъ сынами.
А вы, недвижные предъ нами на щитахъ,
Безгласные среди молитвъ и ликованій,
О падшіе друзья, о прахъ полубоговъ,
Примите скорбный даръ и стоновъ и лобзаній
Отъ женъ рыдающихъ, отъ родшихъ и сыновъ. —
Могущественный гласъ, мы ль хладны предъ т
бою?
Копье во длань! воздвигни щитъ!
Впередъ! на огнь и мечь громовою стѣною!
Ужъ горній нашъ орелъ перунами гремитъ;
Ужъ гордо распростеръ крылѣ передъ полками;
Внимайте... сопостатъ съ погибелью течетъ;
Земля трясется подъ конями;
Попру стопою! вопіетъ.
Ударимъ! упредимъ! не Россу посрамленье!
Кто смерти предпочесть дерзнетъ порабощенье?
Кто согражданъ и стыдъ и плѣнъ?
Отъ родины святой бѣглецъ отриновенъ;
Страшись онъ отческія сѣни;
Ему ли осязать родителя колѣни?

Ему ли старца грудь израненну лобзать?
Онъ врагъ своихъ друзей; онъ низкій жизни тать.
„Нѣтъ! нѣтъ! всей мощью пораженье
Низринемъ, Россы, на враговъ!
Не намъ, не намъ стенать подъ бременемъ оковъ!
Не намъ предать и женъ и чадъ на развращенье!
Отчизнѣ ль нашей быть добычей ихъ когтей?
Иль диво намъ карать надменныхъ?
О Россъ, о ужасъ дерзновенныхъ!
Пусть смѣютъ испытать, гдѣ мощь руки твоей!
Уснули ль полчища орлины,
Которыхъ громъ возжегъ Эвксинскія пучины,
И Скандинавскаго на прахъ повергнулъ льва?
Явись, сразившая Сарматовъ булава!“——
Умолкъ.....и сонмы всколебались....
Щитами грянули.... чрезъ холмъ, сквозь дебрь и лѣсъ,
Воспламененные помчались.....
И праха черный вихрь вознесся до небесъ.

НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА

ГРАФА

КАМЕНСКАГО.

Еще великій прахъ!.... Неизбѣжимый Рокъ!
Твоя, твоя рука себя намъ здѣсь явила;
О сколь разительный смиренія урокъ
  Сія Каменскаго могила!

Не ты ль, грядущее предъ нимъ окинувъ мглой,
Открылъ его очамъ стезю побѣдъ и чести?
Не ты ль его хранилъ невидимой рукой,
  Разящаго перуномъ мести?

Предъ нимъ, за нимъ, окрестъ зіяла смерть и брань;
Сомкнутые мечи на грудь его стремились —
Вотще! твоя надъ нимъ горѣ носилась длань...
  Мечи хранимаго страшились.

И мнили мы, что онъ послѣдній встрѣтитъ часъ,
Простертый на щитѣ, въ виду побѣдныхъ строевъ,
И угасающій съ улыбкой вонметъ гласъ
О немъ рыдающихъ героевъ.

Слѣпцы!... сей славы блескъ лишь бездну украшалъ;
Сей битвы страшный видъ и ратей низложенья,
Лишь гибели мечту очамъ его являлъ
И славной смерти привидѣнье....

Куда жь твой тайный путь Каменскаго привелъ?
Куда, могущихъ вождь, тобой руководимый,
Онъ быстро посреди побѣдныхъ кликовъ шелъ?.
Увы!... предѣлъ неотразимый!

Въ сей таинственный лѣсъ, гдѣ стражъ твой обиталъ,
Гдѣ рыскалъ въ тишинѣ убійца сокровенный,
Гдѣ избранный тобой, добычи грозно ждалъ
Топоръ разбойника презрѣнный....

ПѢВЕЦЪ

ВО СТАНѢ

РУССКИХЪ ВОИНОВЪ.

ПѢВЕЦЪ.

На полѣ бранномъ тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя....
О всемогущее вино,
Веселіе Героя!

Воины.

Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О всемогущее вино,
Веселіе Героя!

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могущихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ домы вихорь разметалъ;
Ихъ гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги;
Но духъ отцевъ воскресъ въ сынахъ;
Ихъ поприще предъ нами....
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами.

Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами....
О Святославъ, бичь древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиной.

„Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!“
Гремитъ передъ дружиной.
И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ сонменныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.

И ты, нашъ ПЕТРЪ, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличь: Полтава!
Орды пришельца снѣдь мечей,
И міръ взываетъ: слава!
Давно ль, о хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ;
Твой слѣдъ — костей громады;
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ Сарматомъ;
Отчизны врагъ сопутникъ твой;
Злодѣй владыкѣ братомъ.

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи;
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роемъ
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ

Взлетѣли тѣни съ восмъ;
Блѣднѣетъ Галлъ, дрожитъ Сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ....
О горе! горе, супостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ.

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ,
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый;
Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами;
Да сѣетъ, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами;
Наполнимъ кубокъ! мечь во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

Воины.

Наполнимъ кубокъ! мечь во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

Пѣвецъ.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья,
Страна, гдѣ мы впервые

Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Тамъ все — тамъ родшихъ милый домъ;
Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы — прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И Царскій тронъ, и прахъ Царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы:
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы.

Воины.

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы;

Да въ чадахъ къ роднпѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы.

Пѣвецъ.

Тебѣ сей кубокъ, Русскій ЦАРЬ!
Цвѣти Твоя держава;
Священный тронъ Твой намъ алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава.
Не измѣнимъ; мы отъ отцевъ
Пріяли вѣрность съ кровью:
О ЦАРЬ, здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ,
Къ Тебѣ горимъ любовью;
Нашъ каждый ратникъ Славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ
И чуждъ имъ малодушный.

Воины.

Не измѣнимъ; мы отъ отцевъ
Пріяли вѣрность съ кровью;
О ЦАРЬ, здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ,
Къ Тебѣ горимъ любовью.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь, и смерть — все пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,

Рѣшимость, правда, простота,
И нравовъ непритворство,
И смѣлость — бранныхъ красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
Къ вѣнцамъ стезею правой!
Опасность — твердый нашъ союзъ;
Одной пылаемъ славой.

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ,
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ,
И грозно мститъ за брата;
Онъ взоромъ жизнь дастъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ;
Спокоенъ подъ громами;
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь, и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О сколь съ израненнымъ челомъ

Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины....
Могущій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.

Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ....
Довѣренность къ герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье;
Тамъ стѣны..... въ Россахъ вся она;
Мы здѣсь — и Богъ нашъ мщенье.

Хвала сподвижникамъ-вождямъ!
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ твои перуны.
Раевскій, слава нашихъ дней;
Хвала! передъ рядами

Онъ первый грудь противъ мечей
С отважными сынами.
Нашъ Милорадовичь, хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
С губительною дланью.

Нашъ Витгенштейнъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!... Онъ щитъ странѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
О сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами,
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ,
И вдругъ.... движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.

Хвала тебѣ, Славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!..
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламень боя....
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ

Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ.... однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье.

Хвала нашъ вихорь-Атаманъ!
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту — мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ — пышутъ селы.

Хвала, нашъ Несторъ-Бенингсонъ!
И вождь и мужъ совѣта,
Блюдетъ враговъ не дремля онъ,
Какъ змій орелъ съ полета.
Хвала, нашъ Остерманъ-герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!

И Багговутъ, среди громовъ,
Средь коний безмятежный!
И Дохтуровъ, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!

Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать Славянъ, когда стрѣла
Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда полмертвъ, окровавленъ,
Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ
За ратный строй друзьями.
Смотрите.... язвой роковой
Къ постелѣ пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
Увѣчныхъ окруженный.

Ему возглавье бранный щитъ;
Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
„Друзья, бѣдамъ презрѣнье!“
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
Веселье пробуждаетъ,
И оживясь до полы мечь
Рука ихъ обнажаетъ.
Спѣши жъ, о витязь нашъ! воспрянь;
Ужъ Ангелъ истребленья

Горѣ подъялъ ужасну длань.
И близокъ часъ отмщенья.

Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.
О витязь, ободрись.... она
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы.
Любви и скорби оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы.

Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ!
Какъ бурею носимый,
Вездѣ впреди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгоновъ, хвала!
Онъ жаждетъ чистой славы;
Она изъ мира увлекла
Его на путь кровавый....
О храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Хвала безтрепетныхъ вождямъ!
    На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ
    Во слѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи
    Страшатъ какъ привидѣнья;
Блистаютъ смертью ихъ мечи;
    Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
По всѣмъ разсыпаны путямъ;
    Невидимы и зримы;
Сломили здѣсь; сражаютъ тамъ;
    И всюду невредимы.

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
    Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь прокрался вкругъ шатровъ,
    Все зрѣли быстры очи....
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
    День свѣтлый не проглянулъ —
А онъ ужь витязь на конѣ,
    Уже съ дружиной грянулъ.
Сеславинъ — гдѣ не пролетитъ
    Съ крылатыми полками:
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечь, и щитъ,
    И устланъ путь врагами.

Давыдовъ; пламенный боецъ
    Онъ вихремъ въ бой кровавый;

Онъ въ мірѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.
Кудашевъ скокомъ черезъ ровъ
И летомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ Чернышовъ
На мечь и громъ дружину;
Орловъ отважностью орелъ;
И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ Кайсаровъ.

Воины.

Вожди Славянъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье;
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Пѣвецъ.

Друзья, кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ.
Уже не придутъ въ сонмъ друзей;
Не станутъ въ ратномъ строѣ;
Ужь для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья;
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья;
Ихъ празденъ мечь; безмолвенъ щитъ;
Ихъ ратники уныли;

И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ — главу на щитъ склонилъ,
И стиснулъ мечь во длани.
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери, угасъ
Герой нашъ незабвенной.

А ты, Кутайсовъ, вождь младой....
Гдѣ прелести? гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ какъ радость.
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ —
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ —
Одушевлялись струны....
О горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ....
И нѣтъ на немъ героя.

И гдѣ же твой, о витязь, прахъ?
Какою взятъ могилой?...
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милой...
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день пріятнѣй,
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни;
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружней тѣни.

И ты.... и ты, Багратіонъ?...
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачь....во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнитъ: съ одра возстанетъ;
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
„Увы, намъ! скоро грянетъ."
А онъ... на вѣки взоръ смѣжилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, Отецъ-Суворовъ.

И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни;

Тамъ ваша вѣрная семья —
  Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
  И позднихъ лѣтъ бесѣды.
„Отъ нихъ учитесь умирать!“
  Такъ скажутъ внукамъ дѣды.
При вашемъ имени вскипитъ
  Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
  И водрузитъ тамъ знамя.

Воины.

При вашемъ имени вскипитъ
  Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
  И водрузитъ тамъ знамя.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ мщенью! други, въ строй!
  И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть! нашъ роковой
  Обѣтъ предъ Богомъ брани.
Вотще, о врагъ, изъ тьмы племенъ
  Ты зиждешь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ,
  И жаждутъ низложенья.
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ;
  Тамъ стрѣлы и кольчуги;

Мы села въ пепелъ; грады въ прахъ;
Въ мечи — серпы и плуги.

Злодѣй! онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины;
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
Съ Кремлевскія вершины.
„Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
Пойду.... и все восплещетъ!
И въ прахъ падутъ съ своимъ Царемъ!“...
Притекъ.... и самъ трепещетъ;
Подвигло мщеніе Москву:
Вспылала предъ врагами,
И грянулась на ихъ главу
Губящими стѣнами.

Веди жь своихъ царей-рабовъ
Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада....
Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ заперть путь возвратный;
Пустыни въ пеплѣ позади;
Предъ ними сонмы ратны.
Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ роднпѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Воины.

Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй;
Духъ алчности, или мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Пѣвецъ.

Святому братству сей фіалъ
Отъ вѣрныхъ братій круга!
Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга;
Съ нимъ счастье вдвое; въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье;
Онъ наша совѣсть; онъ для насъ
Второе Провидѣнье.
О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить, и пасть друзьями.

Воины.

О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить, и пасть друзьями.

Пѣвецъ.

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
Среди борьбы кровавой,

Друзья, святый питайте жаръ:
        Любовь одно со славой.
Кому здѣсь жребій удѣленъ
        Знать тайну страсти милой,
Кто сердцемъ сердцу обрученъ:
        Тотъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ;
        Нѣтъ страха; нѣтъ преграды;
Чего, чего не совершитъ;
        Для сладостной награды?

Ахъ! мысль о той, кто все *для* насъ,
        Намъ спутникъ неизмѣнный;
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
        Зримъ образъ незабвенный;
Она на бранныхъ знаменахъ,
        Она въ пылу сраженья;
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
        Веселыхъ сновидѣнья.
Отвѣдай, врагъ, исторгнуть щитъ,
        Рукою данный милой;
Святой обѣтъ на немъ горитъ:
        Твоя и за могилой!

О сладость тайныя мечты!
        Тамъ, тамъ за синей далью
Твой ангелъ, дѣва красоты,
        Одна съ своей печалью,

Грустить, о другѣ слезы льетъ;
Душа ея въ молитвѣ,
Боится вѣсти, вѣсти ждетъ:
„Увы! не палъ ли въ битвѣ?“
И мыслитъ: „скоро ль, дружній гласъ,
Твои мнѣ слышать звуки?
Лети, лети, свиданья часъ,
Смѣнить тоску разлуки.“

Друзья! блаженнѣйшая часть:
Любезныхъ быть спасеньемъ.
Когда жъ предѣлъ нашъ въ битвѣ пасть —
Погибнемъ съ наслажденьемъ;
Святое имя призовемъ
Въ минуту смертной муки;
Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ,
Съ той нѣтъ и тамъ разлуки:
Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милой....
О други, смерть не все возметъ;
Есть жизнь и за могилой.

Воины.

Въ тотъ міръ душа перенесетъ
Любовь и образъ милой....
О други, смерть не все возметъ;
Есть жизнь и за могилой.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чистымъ Музамъ въ даръ!
Друзья, онѣ въ героя
Вливаютъ бодрость, славы жаръ,
И месть, и жажду боя.
Гремятъ ихъ лиры — старъ и младъ
Одѣлись въ бранны латы:
Ничто имъ стрѣлъ свистящихъ градъ,
Ничто твердынь раскаты.
Пѣвцы сотрудники вождямъ;
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ,
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

О радость древнихъ лѣтъ, Боянъ!
Ты, арфой ополченный,
Леталъ предъ строями Славянъ
И гимнъ гремѣлъ священный.
ПЕТРУ возникъ среди снѣговъ
Пѣвецъ податель славы;
Честь Задунайскому Петровъ;
О Камскія дубравы,
Гордитесь, вашъ Державинъ сынъ!
Готовь свои перуны,
Суворовъ, чудо-исполинъ —
Державинъ грянетъ въ струны.

О старецъ! да услышимъ твой
    Днесь голосъ лебединый:
Не тщетной славы предъ тобой,
    Но мщенія дружины;
Простерли не къ добычамъ длань,
    Бѣгутъ не за вѣнками —
Ихъ подвигъ святъ: то правыхъ брань
    Съ злодѣйскими ордами.
Пришло разрушить ихъ мечамъ
    Племенъ порабощенье;
Самимъ губителя рабамъ
    Побѣды ихъ спасенье.

Такъ, братья, чадамъ Музъ хвала!...
    Но я, пѣвецъ вашъ юный....
Увы! почто судьба дала
    Незвучныя мнѣ струны?
Доселѣ тихимъ лишь полямъ
    Моя играла лира....
Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
    Прости, и сладость мира,
И отчій край, и кругъ друзей,
    И трудъ уединенный,
И все... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
    Гдѣ ужасы военны.

Но буду ль ваши пѣть дѣла
    И хищныхъ истребленье?

*

Быть можетъ, ждетъ меня стрѣла,
И мнѣ удѣлъ — паденье.
Но что жь.... на вѣки ль смертный часъ
Мой слѣдъ изгладитъ въ мірѣ?
Останется привычный гласъ
Въ осиротѣвшей лирѣ.
Пускай губителя во прахъ
Низринетъ месть кровава —
Родится жизнь въ ея струнахъ,
И звучно грянутъ: слава!

Воины.

Хвала возвышеннымъ пѣвцамъ!
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ;
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

Пѣвецъ.

Подымемъ чашу!... Богу силъ!
О братья, на колѣна!
Онъ искони благословилъ
Славянскія знамена.
Безсильнымъ щитъ Его законъ,
И гибнущимъ спаситель;
Всегда союзникъ правыхъ Онъ
И гордыхъ истребитель.
О братья, взоры къ небесамъ!
Тамъ, жизни сей награда!

Оттоль Отецъ незримый намъ
Гласитъ: мужайтесь, чада!

Безсмертье, тихій, свѣтлый брегъ;
Нашъ путь — къ нему стремленье.
Покойся, кто свой кончилъ бѣгъ!
Вы, странники, терпѣнье!
Блаженъ, кого постигнулъ бой!
Пусть долго, съ жизнью хилой,
Старикъ трепещущей ногой
Влачится надъ могилой;
Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
Съ могучихъ плечь свергаетъ,
И, бодръ, на молнійныхъ крылахъ
Въ міръ лучшій улетаетъ.

А мы?... Довѣренность къ Творцу!
Что бъ ни было — Незримой
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно въ слѣдъ!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ,
До самой двери гроба;
Въ высокой долѣ — простота;
Нежадность — въ наслажденьѣ;

Въ союзѣ съ ровнымъ — правота;
Въ могуществѣ — смиренье.

Обѣтамъ — вѣчность; чести — честь;
Покорность — правой власти;
Для дружбы — все, что въ мірѣ есть;
Любви — весь пламень страсти;
Утѣха — скорби; просьбѣ — дань;
Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань,
Безсильному — презрѣнье;
Неправдѣ — грозный правды гласъ;
Заслугѣ — воздаянье;
Спокойствіе — въ послѣдній часъ;
При гробѣ — упованье.

О! будь же, Рускій Богъ, намъ щитъ!
Прострешь Твою десницу —
И мститель-громъ Твой раздробитъ
Коня и колесницу.
Какъ воскъ передъ лицемъ огня,
Растаетъ врагъ предъ нами;...
О страхъ карающаго дня!
Бродя окрестъ очами,
Речетъ пришлецъ: „враговъ я зрѣлъ;
„И мнилъ: земли имъ мало;
„И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
„Протекъ — враговъ не стало!“

Воины.

Речетъ пришлецъ: „враговъ я зрѣлъ;
„И мнилъ: земли имъ мало;
„И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
„Протекъ — враговъ не стало!“

Пѣвецъ.

По свѣтлыхъ облаковъ гряда
Ужъ утро возвѣщаетъ;
Уже восточная звѣзда
Надъ холмами играетъ;
Рѣдѣетъ сумракъ; сквозь туманъ
Проглянули равнины,
И дальній лѣсъ, и тихій станъ,
И спящія дружины.
О други, скоро!... день грядетъ...
Недвижны рати бурны....
Но.... Рокъ ужъ жребіи беретъ
Изъ таинственной урны.

О новый день, когда твой свѣтъ
Исчезнетъ за холмами,
Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
Межъ нашими рядами!....
И се блеснулъ!.... Чу!.... вѣстовой
Перунъ по холмамъ грянулъ;
Внимайте: въ полѣ шумъ глухой!

Смотрите: станъ воспрянулъ!
И кони ржутъ, грызя бразды;
И строй сомкнулся съ строемъ;
И вождь летитъ передъ ряды;
И пышетъ ратникъ боемъ.

Друзья, Прощанью кубокъ сей!
И смѣло въ бой кровавой
Подъ вихорь стрѣлъ, на рядъ мечей,
За смертью, иль за славой...
О вы, которыхъ и вдали
Боготворимъ сердцами!
Вамъ, вамъ всѣ блага на земли:
Щитъ Промысла надъ вами!...
Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь* вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

Воины.

Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь* вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

ПѢВЕЦЪ ВЪ КРЕМЛѢ.

Пѣвецъ.

На Кремль, друзья! На холмѣ томъ,
Гдѣ пѣли наши дѣды
Побѣдну пѣснь предъ Божествомъ,
Мы грянемъ пѣснь побѣды.
Зоветъ Кремля священный гласъ,
Какъ древле вѣстникъ славы:
Съ его высотъ глядитъ на насъ
Орелъ нашъ двоеглавый.
На Кремль, на Кремль и старъ и младъ!
При гимнахъ ликованья,
Обымемся какъ брата братъ
Объемлетъ въ часъ свиданья.

Народъ.

На Кремль, на Кремль и старъ и младъ!
При гимнахъ ликованья,
Обымемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часъ свиданья.

Пѣвецъ.

О Кремль отеческій, твой прагъ
Лобзаемъ въ умиленьѣ!
Смотрите: на его стѣнахъ
Отчаянное мщенье
Слѣдъ черный впечатлѣло свой.
Казня въ безумствѣ камень,
Губитель трепетной рукой
На нихъ свой бросилъ пламень.
„Не будь Кремля!“ изрекъ злодѣй;
Но Кремль стоитъ священный:
Вспылалъ лишь древній домъ Царей,
Убійцей оскверненный.

Но ты, Царя вѣнчавшій храмъ,
Рукой небесъ хранимый,
Свѣтлѣй вознесъ ты къ Небесамъ
Свой крестъ непобѣдимый.
И ты, Царей минувшихъ прахъ,
Твой сонъ не возмутился,

Когда въ пожарѣ и громахъ
Духъ злобы разразился
Надъ тихой сѣнію твоей....
О нашъ Сіонъ священный,
О Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся, обновленный!

НАРОДЪ.

О нашъ Сіонъ священный,
О Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся, обновленный!

ПѢВЕЦЪ.

Съ хвалою первой къ Богу силъ,
Друзья, подымемъ длани;
Онъ на Кремлѣ Себя явилъ
Ужаснымъ Богомъ брани;
Онъ, въ заревахъ по Небесамъ
Надъ рдѣющей Москвою
Промчавшись, сталъ въ лице врагамъ
Карающей бѣдою.
Онъ въ дымъ Москвы себя облекъ,
И знаменіемъ мести,
Какъ предъ Израилемъ, потекъ
Передъ полками чести.

И славою Ему во слѣдъ
Шумѣли ихъ знамена;

При звучномъ кликѣ ихъ побѣдъ
  Распались цѣпи плѣна;
На брань пошли рука съ рукой
  Владыки и народы;
И грянулъ страшный Божій бой,
  И гимнъ его свободы....
Раздайся жь громко на Кремлѣ
  Днесь: Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
  И Вѣчному держава!

Народъ.

Раздайся громко на Кремлѣ
  Днесь: Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
  И Вѣчному держава!

Пѣвецъ.

Тебѣ Россію, Царь земли!
  Народъ твой уповаетъ:
Прими ее и повели,
  Да славой процвѣтаетъ.
Да сила, иноземнымъ страхъ,
  Брежетъ ея предѣлы;
Да на святыхъ ея поляхъ
  Сіяетъ миръ веселый;
Да нравовъ древнихъ чистотой

Союзъ семей хранится;
Да въ нихъ съ невинной простотой
Свѣтъ знаній водворится.

О! повели, чтобъ нашъ Орелъ,
Вселенной стражъ могучій,
Спокоенъ на громахъ сидѣлъ:
А въ брани вражьи тучи,
Какъ нынѣ, грудью пробивалъ,
И подъ небесны своды
Всегда со кликомъ возлеталъ
Спасенья и свободы.
Вели, да возшумятъ моря
Подъ Русскими рулями,
И слава Русскаго Царя
Возцарествуй надъ водами...

Вели, да помнитъ Славянинъ,
Что онъ наслѣдникъ славы,
Что онъ великихъ предковъ сынъ,
Которыхъ мечь кровавый
И древле былъ противнымъ страхъ..
Друзья! отцы предъ нами:
На тѣхъ же мы цвѣтемъ поляхъ,
Подъ тѣми жь небесами,
Гдѣ чада славы разцвѣли;
Предъ нами тажь дорога,

По коей дѣды протекли
За Русь, Царя и Бога.

О Русь, да нашъ языкъ прильпнетъ
Изсохнувшій къ гортани,
Да крѣпость древняя спадетъ
Съ увядшей нашей длани,
Когда престанешь ты для насъ —
И въ часъ борьбы кровавой,
И въ нощь, и въ день, и въ смертный часъ—
Быть радостью и славой!...
А Ты, Всевышній, нашъ обѣтъ
Прими въ Твою десную,
И горней благодати свѣтъ
Пролей на Русь святую.

Народъ.

Прими, Всевышній, нашъ обѣтъ,
Прими въ твою десную,
И горней благодати свѣтъ
Пролей на Русь святую.

Пѣвецъ.

Храни Царя, Царю пошли
Твое благословенье.
Ему всѣ радости земли!
Тебѣ жь благодаренье

За царственную высоту
Его души благія;
За чистой славы красоту,
Въ какой имъ днесь Россія;
За первенство среди Царей,
Отъятое не бранью,
Но искупленіемъ людей
И миротворной дланью;

За твердое презрѣнье бѣдъ;
За благость въ правой мести;
За кротость на верху побѣдъ
И вѣрность Царской чести;
За блескъ, въ какомъ умѣлъ явить
Онъ доблесть Славянина;
За сладкій жребій нашъ: любить,
Какъ друга, Властелина —
О всемогущій Царь земли,
Тебѣ благодаренье!
Храни Его, Ему пошли
Твое благословенье!

Храни Его! то общій кликъ
Съ Кремлевскія вершины....
И угасающій старикъ,
Въ виду своей кончины
Молящій ясныхъ дней сынамъ,
И брани сынъ ретивый,

Привыкшій, къ трепету врагамъ,
Знамена горделивы,
Царемъ ведомый, воздвизать;
И юноша цвѣтущій,
Минуты славой заблистать
Въ волненьи сердца ждущій!

И безмятежный селянинъ,
Воспитанникъ природы,
И смѣлый просвѣщенья сынъ,
Алкающій свободы
Воспламенитъ во благо свой
Свѣтильникъ вдохновенный —
Всѣ, всѣ съ молитвою одной
Къ Тебѣ, Царю вселенны:
Твою щедроту посели
Надъ Царскою главою,
Чтобъ долго былъ красой земли,
И трона красотою.

Народъ.

Твою щедроту посели
Надъ Царскою главою,
Чтобъ долго былъ красой земли,
И трона красотою.

Пѣвецъ.

Тебѣ спасительную рать!
Тебѣ вождей спасенья!

На нихъ да снидетъ благодать;
    На нихъ благословенья
Съ Кремлевскихъ благодарныхъ стѣнъ.
    Ихъ груди, какъ твердыни,
Отъ насъ отбили срамъ и плѣнъ,
    И бѣшенство гордыни.
Москва, они твоимъ стѣнамъ
    Рекли: „ одѣньтесь въ пламень;
„ Взлетите гибелью врагамъ;
    „ Будь ратникъ — каждый камень. “

И мщенье — грозный ихъ обѣтъ;
    Ему не измѣнили:
Твоей дружиной, Царь побѣдъ,
    Они себя явили.
Безтрепетны сквозь зной и хладъ,
    Сквозь пепельны пустыни,
Пронзая силой сильныхъ рядъ,
    Перунами твердыни,
На мышцу мышцу, грудь на грудь,
    И брань самой природѣ,
Кровавый протоптали путь
    И чести и свободѣ.

Вездѣ, во славу Бога силъ,
    Воздвиглись ихъ знамена;
Орелъ свободныхъ — раздробилъ
    Орла рабовъ, и Сена,

Послышавъ громъ ихъ, чрезъ поля
　　Помчала обновленье —
И за развалины Кремля
　　Парижу мзда: спасенье.
И се на родину стеклись;
　　Въ пожнахъ ужь мечь кровавый....
О Кремль священный, оживись!
　　Яви имъ пепелъ славы!

Стекитесь, чада и отцы,
　　Младыя дѣвы, жены,
На ихъ главы надѣть вѣнцы,
　　Ихъ увѣнчать знамены,
Съ раменъ могучихъ снять щиты,
　　Принять изъ рукъ ихъ громы,
Узрѣть возлюбленны черты,
　　Услышать гласъ знакомый.
Се на Кремлевской высотѣ,
　　Еще подъ прахомъ брани,
Стоятъ въ смиренной красотѣ,
　　И къ вамъ простерли длани...

Благословляемъ вашъ возвратъ
　　Въ отчизну съ поля чести!
Святое титло вѣрныхъ чадъ
　　Цѣной кровавой мести,
Цѣною ранъ купили вы....
　　Здѣсь, на скалѣ пожарной,

На ваши бодрыя главы
Рукою благодарной
Отчизна славная кладетъ
Печать любви и славы,
И слезы исцѣленья льетъ
На раны ихъ кровавы....

На нихъ, на нихъ Твой крѣпкій щитъ
Склони, о Вседержитель,
Да и предъ мирными дрожитъ,
Какъ въ бранный день, губитель.

Народъ.

На нихъ, на нихъ Твой крѣпкій щитъ
Склони, о Вседержитель,
Да и предъ мирными дрожитъ,
Какъ въ бранный день, губитель.

Пѣвецъ.

Простри, Всевышній, длань Твою
На браннымъ, сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
За правду положившихъ;
Введи ихъ въ ту безсмертну сѣнь,
Гдѣ миръ Твой обитаетъ,
Да Твой незаходимый день
Имъ радостью сіяетъ;

*

Да тамъ для нихъ о жизни сей
Живетъ воспоминанье;
Да будутъ родины своей
И щитъ и упованье.

Друзья! съ молитвою о немъ,
О старцѣ, о великомъ!...
О нашъ герой, когда съ мечемъ,
Съ покойнымъ свѣтлымъ ликомъ,
Во храмѣ, обруку Царя,
Младый подъ сѣдинами,
Передъ святыней олтаря,
Внимаемъ Небесами,
Обѣтъ спасенья ты изрекъ,
Мы мнили, ослѣпленны —
Забывъ, что вождь нашъ человѣкъ —
Что дни твои нетлѣнны....

И гдѣ же ты, о вождь побѣдъ?
Мы гимнъ поемъ спасенья:
Почто жь спасителя здѣсь нѣтъ?
На праздникъ Провидѣнья
Мы всѣ на Кремль свой притекли....
А нашъ герой не съ нами?
Здѣсь громы вражески въ пыли
Безмолвными рядами;
Здѣсь ихъ разбитые щиты,
Ихъ знамена кровавы;

Здѣсь наша слава... гдѣ же ты,
Создатель нашей славы?...

Друзья! сей день да освятитъ
О немъ воспоминанье;
Да къ тѣни бранной долетитъ
Отечества призванье;
На верхнихъ славы ступеняхъ
Ему рука судьбины,
При блескѣ молній, при громахъ,
Постлала одръ кончины;
На немъ простертъ, онъ угасалъ,
Какъ вечеръ свѣтозарной,
И, угасающій, внималъ
Отчизнѣ благодарной....

Почій же въ славѣ, нашъ герой!
Да при твоей гробницѣ
Архистратигъ, соратникъ твой,
Съ мечемъ небесъ въ десницѣ,
Стражъ пепла твоего, сѣдитъ;
Предъ ней, неугасимый,
Да пламенникъ любви горитъ,
Отчизною хранимый.
И будь сей огнь священный знакъ,
Что свыше Провидѣнье
На Русь, сквозь самый бѣдствій мракъ,
Сіяетъ во спасенье.

И вы, которыхъ бурный бой
Похитилъ средь полета,
Вы, быстро за рубежъ земной
Утекшіе изъ свѣта,
Друзья, благословенье вамъ!
Вы пали за отчизну;
И здѣсь, прискорбная, сынамъ
Она свершаетъ тризну;
И Кремль ся преобращенъ
Въ алтарь благодаренья;
На немъ былъ первый воспаленъ
Свѣтильникъ Провидѣнья.

Вы, въ память чадамъ позднихъ лѣтъ,
Своимъ геройскимъ прахомъ
Спасенный одарили свѣтъ;
И врагъ свободы съ страхомъ
Отъ зеленѣющихъ холмовъ,
Гдѣ пепелъ вашъ хранится,
Какъ отъ карающихъ боговъ
Смятенный, отстранится;
Они народамъ будутъ вѣсть,
Сколь шатки зданья силы —
Вы проповѣдовать имъ: *честь!*
Оставили могилы.

Здѣсь все въ воспоминанье вамъ;
Сей пиръ Кремля священный;

Сей гимнами гремящій храмъ;
 Сей градъ, за честь сожженный;
И сей народъ, толпа семей,
 Ликующихъ въ покоѣ —
Все вы! все намъ отъ вашихъ дней
 Наслѣдіе святое!...
Простри жь, Всевышній, длань Твою
 На браннымъ, сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
 За правду положившихъ.

Народъ.

Простри, Всевышній, длань Твою
 На браннымъ, сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
 За правду положившихъ.

Пѣвецъ.

Тебѣ Россіи вѣчныхъ чадъ,
 Подпоръ могущихъ трону!...
О! какъ ихъ двинулъ Царскій взглядъ
 Отчизнѣ въ оборону!
Летятъ! огню домы, поля!
 Перунамъ грудь и длани!
И грозно Русская земля
 Встаетъ Гигантомъ брани!
Гремитъ ея призывный щитъ....
 И, гнѣвомъ мести рдѣя,

Войной Иртышь и Донъ шумитъ,
Войной скалы Рифея.

Калмыкъ, Башкиръ, Черкесъ и Финнъ
Къ знаменамъ побѣжали,
И всѣ оградой изъ дружинъ
Кругомъ престола стали....
Гдѣ жь врагъ?... о Русская земля,
Готовь твой миръ священный!
И се! на высотѣ Кремля,
И селянинъ смиренный,
И вѣрный славныхъ предковъ сынъ,
И олтаря служитель,
Къ тебѣ, ликуя, гласъ единъ
Возносятъ, Вседержитель!

Вы, чада бодрственныхъ сыновъ,
Потомки знаменитыхъ,
Близъ ихъ изрубленныхъ щитовъ,
Близъ ихъ кольчугъ разбитыхъ,
Свои кольчуги и щиты
Повѣсьте въ отчемъ домѣ;
На нихъ чудесныхъ дѣлъ черты,
Для чадъ, при бранномъ громѣ,
Мечемъ кровавымъ врѣзалъ врагъ.
Пускай на ихъ обломкахъ
Хранится повѣсть объ отцахъ
Великая въ потомкахъ.

Вамъ подвигъ новый предлежитъ:
Величіе въ покоѣ.
Да сладкій миръ не измѣнитъ
Васъ, неизмѣнныхъ въ боѣ;
Да вкругъ васъ тишина цвѣтетъ,
Устройство и свобода;
Да вамъ покорная даетъ
Сторичну дань природа;
Къ зерцалу — совѣсть и законъ;
Въ семействѣ — чисты нравы;
Безъ рабства вѣрность — передъ тронъ;
Предъ Бога — души правы.

Ты жь, чудо вѣрности, народъ,
Покорностью могущій,
Цвѣти! да заградится входъ
Въ твои смиренны кущи
Судьбы посланницамъ-бѣдамъ;
Да плугъ трудолюбивый
Даруетъ жизнь твоимъ полямъ.
Умѣреннымъ счастливый,
Чуждъ развратительныхъ суетъ,
Презрѣвъ роскошныхъ нѣгу,
Теки безпечно черезъ свѣтъ
Къ счастливѣйшему брегу.

А ты ихъ, Вышній, осѣни
Отеческой рукою:

Да будутъ благъ Твоихъ они
Достойны предъ Тобою.

НАРОДЪ.

Дѣтей, Всевышній, осѣни
Отеческой рукою:
Да будутъ благъ Твоихъ они
Достойны предъ тобою.

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ народовъ и Царей!...
Да знаетъ всякъ властитель,
Что онъ лишь мудрости Твоей
Безвластный совершитель....
Вы, неподвижные въ пыли,
Невольники могилы,
Цари — смутители земли,
Цари — земли свѣтилы,
Призраки! встаньте изъ гробовъ
На голосъ, къ вамъ зовущій!
Кто были вы: друзья боговъ,
Иль боги всемогущи?

О нѣтъ! орудіе одно
Въ десницѣ Провидѣнья....
Внимай! внимай! летитъ Оно
Съ жезломъ міроправленья

Надъ темной бездною временъ,
И съ вѣчной колесницы
Судьбы державъ, судьбы племенъ
Бросаетъ изъ десницы.
Кто быстрый перемѣнитъ токъ?
Чья сила? чья упорность?
Летитъ.... а намъ Его урокъ:
„Умѣренность, покорность!“

О! совершись, святый завѣтъ!
Въ одну семью, народы!
Цари, въ одинъ отцевъ совѣтъ!
Будь, сила, щитъ свободы!
Духъ благодати, пронесись
Надъ мирною вселенной,
И вся земля совокупись
Въ единый градъ нетлѣнный!
Въ совѣтъ къ царямъ, небесный Царь!
Символъ имъ: Провидѣнье!
Тронъ власти, обратись въ алтарь!
Въ любовь повиновенье!

Утихни, ярый духъ войны;
Не жизни истребитель,
Будь жизни благъ и тишины
И вѣчныхъ правъ хранитель.
Ты, мудрость смертныхъ, усмирись
Предъ мудростію Бога,

И въ мракѣ жизни озарись,
Къ небесному дорога.
Будь, Вѣра, твердый якорь намъ
Средь волнъ безвѣстныхъ рока,
И ты, въ нерукотворный храмъ
Свѣти, Звѣзда востока.

Пѣвецъ и народъ.

Свѣти, свѣти, Звѣзда небесъ!
Къ ней взоры! къ ней желанья!
Къ ней, къ ней, за тайну сихъ завѣсъ,
Земныя упованья!
Тамъ все, что здѣсь плѣнило насъ
Явленіемъ мгновеннымъ,
Что взялъ у жизни смертный часъ,
Воскреснетъ обновленнымъ.
Рука съ рукой! вождю во слѣдъ!
Въ одну, друзья, дорогу!
И съ нами въ братскомъ хорѣ, свѣтъ,
Пой: слава въ вышнихъ Богу!

РУССКАЯ СЛАВА.

Святая Русь, Славянъ могучій родъ,
Сколь велика, сильна твоя держава!
Какимъ путемъ пробился твой народъ!
Въ какихъ бояхъ твоя созрѣла слава!
Призвалъ Варяга Славянинъ;
Пошли гулять ихъ буйны рати;
Кругомъ руля полночныхъ братій
Взревѣлъ испуганный Эвксинъ......
Но вышелъ Святославовъ сынъ,
И поднялъ знамя Благодати.

Была пора: губительный Раздоръ
Вездѣ леталъ съ хоругвію кровавой;

За нимъ во слѣдъ бѣжали Гладъ и Моръ;
Разбой, грабежъ и мщенье были славой;
От Русскихъ Русскихъ кровь текла;
Губилъ Половчанинъ безъ страха;
Лежали грады кучей праха;
И Русь бѣдою поросла......
Но Русь въ бѣдѣ крѣпка была
Душей великой Мономаха.

Была пора: Татаринъ злой шагнулъ
Черезъ рубежъ хранительныя Волги;
Погибло все; народъ, терпя, согнулъ
Главу подъ стыдъ мучительный и долгій;
Безчестнымъ Русь давя ярмомъ,
Баскакъ носился въ край изъ края;
Катилась въ прахъ глава святая
Князей подъ Ханскимъ топоромъ....
Но встала Русь передъ врагомъ,
И битва грянула Донская.

Была пора: коварный, вражій Ляхъ
На Русскій тронъ накликалъ Самозванца;
Заграбилъ все; и Русь въ его цѣпяхъ,
Въ Цари позвать дерзнула чужестранца;
Зачахла Русская земля;
Ей Ляхъ напомнилъ плѣнъ Татарскій;
И брошенъ былъ вѣнецъ нашъ Царскій

Къ ногамъ презрѣннымъ Короля.....
Но крикнулъ Мининъ, и съ Кремля
Ихъ опрокинулъ Князь Пожарскій.
Была пора: привелъ къ намъ рати Шведъ;
Предъ горстью ихъ бѣжали мы толпами;
Жестка далась наука намъ побѣдъ;
Купили ихъ мы нашими костями;
То трудная была пора:
Пришлецъ и бунтовщикъ лукавый
Хвалились вырвать знамя славы
Изъ рукъ могучаго Петра.....
Но дало Русское ура!
Отвѣтъ имъ съ пушками Полтавы.

Была пора: Екатерининъ вѣкъ.
Въ немъ ожила вся древней Руси слава,
Тѣ дни, когда громилъ Царьградъ Олегъ,
И вылъ Дунай подъ лодкой Святослава.
Рымникъ, Чесма, Кагульскій бой,
Орлы во градѣ Леонида,
Возобновленная Таврида,
День Измаила роковой,
И въ Прагѣ, кровью залитой,
Москвы отмщенная обида.

Была пора: была святая брань;
Отъ Запада узрѣли мы Батыя;

Народовъ тмы прорвали нашу грань;
Пришлось поля отстапвать родныя;
Дошли къ намъ Царскія слова,
И стала Русь стѣною трона;
Была то злая оборона:
Дрались за жизнь и за права.....
Но загорѣлася Москва,
И нѣтъ слѣдовъ Наполеона.

Пришла пора: чудясь, узрѣли насъ
И Араратъ, и Тавра великаны;
И близокъ былъ Стамбула смертный часъ;
Нашъ богатырь шагнулъ черезъ Балканы.
Знамена развернулъ мятежъ;
Насъ позвалъ Ляхъ на пиръ кровавый;
Но праздникъ данъ на полѣ славы,
Гдѣ слѣдъ нашъ памятенъ и свѣжъ.....
И гости пира были тѣ жъ;
И та жъ была судьба Варшавы.

Трудна пора: Война и грозный Моръ
Царя и Русь отвсюду осадили;
Народъ въ бѣдѣ ударилъ къ бунту сборъ;
Мятежники знамена посрамили;
Явился ЦАРЬ: ихъ обдалъ страхъ;
Губители оцѣпенѣли.
Но гдѣ жъ ОНЪ самъ, предъ кѣмъ не смѣли

Они воззрѣть и пали въ прахъ?.....
Новорожденный сынъ въ рукахъ!
Его несетъ ОНЪ къ колыбели.

Покойся въ ней, прекрасное дитя,
Хранимое святыней колыбели;
Ты Божій даръ: Судьбину укротя,
Въ тебѣ съ небесъ къ намъ Ангелы слетѣли.
Подъ грознымъ шумомъ бурныхъ дней
Сномъ непорочности почія,
Намъ времена являй иныя
Святою прелестью своей:
ОТЕЦЪ Твой будетъ честь Царей;
Возблагоденствуетъ Россія.

ПИРШЕСТВО АЛЕКСАНДРА,

или

СИЛА ГАРМОНИИ.

По страшной битвѣ той, гдѣ Царь Персиды палъ,
Оставя рать, вѣнецъ и жизнь въ кровавомъ полѣ,
Возвышенъ возсѣдалъ,
Въ сіяньи на престолѣ,
Красою богъ, Филипповъ сынъ.
Окрестъ — вождей и ратныхъ чинъ;
Вѣнцами розъ главы увиты:
Вѣнецъ есть даръ тебѣ, сынъ брани знаменитый!
Таиса близъ Царя сидитъ,
Любовь очей, востока диво;
Какъ роза юный цвѣтъ ланитъ,

И полонъ страсти взоръ стыдливой.
Блаженная чета!
Величіе съ красою!
Лишь бранному герою,
Лишь смѣлому въ бояхъ наградой красота!

И зрѣлся Тимотей среди поющихъ клира;
Летали персты по струнамъ;
Какъ вихорь, мощный звонъ стремился къ небесамъ;
Звучала радостію лира.

Отъ Зевса пѣснь ведетъ пѣвецъ:
О власть любви! Отъ горня трона,
Покинувъ громъ, боговъ отецъ,
Подъ дивнымъ образомъ дракона,
Низходитъ въ міръ; дугой віетъ
Огнечешуйчатый хребетъ;
Въ немъ страсти пышетъ вожделѣнье;
Къ Олимпіи летитъ, къ грудямъ ея приникъ
Обвилъ трикраты станъ — и се Зевесовъ ликъ!
Се новый Царь землѣ! се грознаго рожденье!

И строй внимающихъ восторгомъ распаленъ;
Кличь шумный: Бога зримъ! И старъ и малъ воспрянулъ.
И звучно: Бога зримъ! по сводамъ отзывъ грянулъ.
Царь славой упоенъ;
Зритъ звѣзды подъ стопою;
И мыслитъ: онъ Зевесъ;

*

И движетъ онъ главою,
И мигъ — подвигнулъ сводъ небесъ.

Хвалою Бахуса воспламенились струны:
Грядетъ, грядетъ веселій богъ,
Всегда прелестный, вѣчно-юный.
Звяцай, кимвалъ; раздайся, рогъ;
Се Бахусъ свѣтлый, сановитый;
Какъ пурпуръ, пламенны ланиты;
Звучи, труба! грядетъ; грядетъ!
Изъ кубковъ пѣна съ шумомъ бьетъ;
Кипитъ въ ней пламень сладострастный.
Пей, воинъ; даръ тебѣ сосудъ.
О Вакха даръ безцѣнный!
Виномъ воспламененный,
Забудь, сынъ брани, бранный трудъ.

И Царь, волнуемъ струнъ игрою,
Въ мечтахъ сзываетъ рати къ бою;
Трикраты врагъ сраженный имъ сраженъ;
Трикраты плѣнный ринутъ въ плѣнъ.

Пѣвецъ зритъ гнѣва пробужденье
Въ сверканіи очей, во пламени ланитъ;
И небу и землѣ грозящу ярость зритъ....
Онъ струны укротилъ; ихъ заунывно пѣнье;
Едва ласкаетъ слухъ задумчивый ихъ гласъ,
И жалость на струнахъ смиренныхъ родилась.

Онъ Дарія поетъ: Царь добрый! Царь великій!
Кто равенъ съ нимъ?... Но рокъ свой грозный судъ
послалъ;
Онъ палъ, онъ страшно палъ;
Нѣтъ Дарія-владыки.
Въ кипящей зыблется крови;
Отъ всѣхъ забытъ въ ужасной долѣ;
Нѣтъ въ мірѣ для него любви;
Хладѣетъ на песчаномъ полѣ;
Гдѣ другъ — глаза ему смѣжить,
И прахомъ сирую главу его покрыть?

Сидѣлъ Герой съ поникшими очами;
Онъ мыслію прискорбной пробѣгалъ
Стези судьбы, играющей Царями;
За вздохомъ вздохъ изъ груди вылеталъ,
И пролилась печаль его слезами.

И дивный пѣснопѣвецъ зритъ,
Что жаръ любви уже горитъ
Въ душѣ, вкусившей сожалѣнья —
И пѣснь взыгралъ онъ наслажденья:
Проснись, Лидійскій брачный гласъ;
Проникни душу, пламень сладкой;
О витязь! жизнь крылатый часъ;
Мы радость ловимъ здѣсь украдкой;
Летучей пѣны клубъ златой,
Надутый пышно и пустой —

Вотъ честь, надменныхъ душъ забава;
Народамъ казнь Героевъ слава,
Спѣши быть счастливъ, богъ земной;
Таиса, цвѣтъ любви, съ тобой;
Къ тебѣ ласкается очами;
Въ груди желанья тайный жаръ,
И дышетъ страсть ея устами.
Вкуси любовь — безсмертныхъ даръ.

Возсталъ отъ сонма кличъ и своды возстенали:
„Хвала и честь любви! пѣвцу хвала и честь!“
И полонъ сладостной печали,
Очей не можетъ Царь задумчивыхъ отвесть
Отъ дѣвы, страстью распаленной;
Блаженъ своей тоской; что взглядъ, то нѣжный вздохъ;
Горитъ и гаснетъ взоръ, желаньемъ напоенный,
И, томный, палъ на грудь Таисы полубогъ.

Но струны грянули подъ сильными перстами;
Ихъ страшный звонъ, какъ съ трескомъ падшій громъ;
Звучнѣй; звучнѣй; воспрянулъ Царь; кругомъ
Онъ бродитъ смутными очами;
Разрушенъ нѣги сладкій сонъ;
Исчезла прелесть вожделѣнья,
И слухъ его разитъ тяжелый, дикій стонъ:
Сынъ брани, мщенья! мщенья!
Возникла ярость Эвменидъ;

Се дѣвы казни! страшный видъ!
Смотри! смотри! межъ ихъ власами
Зіяютъ пасти грозныхъ змѣй;
Шипятъ, свистятъ, свились хребтами;
Льютъ искры изъ очей....
Но что? Тамъ блѣдныхъ тѣней лики;
Воздушной полкъ на облакахъ;
Се мчатся; свѣточи въ рукахъ;
Ихъ грозенъ видъ; ихъ взоры дики;
То витязи твои.... сраженнымъ въ битвѣ нѣтъ
Послѣдней дани погребенья;
Пустынный вранъ ихъ трупы рветъ,
И воютъ: мщенья! мщенья!
Бѣжитъ отъ ихъ огней пожаръ по небесамъ;
Бѣдой на Персеполь ихъ гнѣвны очи блещутъ;
Туда погибель мещутъ;
Къ мечамъ! бойницы въ прахъ! огню и домъ и храмъ!..

И сонмы всколебались къ брани;
На щитъ и мечь упали длани;
И Царь погибельный свѣтильникъ воспалилъ.
О горе, Персеполь! грядетъ владыка силъ;
Таиса, вождь герою,
Елена новая, зажжетъ другую Трою.

Такъ древней лиры гласъ — когда еще молчалъ
Органа мѣхъ чудесный —
Перстамъ послушенъ, оживлялъ

Въ душѣ восторгъ, и гнѣвъ, и чувства жаръ прелестный.
Но днесь другую жизнь гармонія дала
Сесилія, творецъ органа.
Безсмертнымъ вымысломъ художница слила
Протяжность съ быстротой, звонъ лиры, громъ тимпана
И пѣнье нѣжныхъ флейтъ. О древнихъ лѣтъ пѣвецъ,
Клади къ ея стопамъ заслугъ твоихъ вѣнецъ....
Но нѣтъ! вы равны вдохновеньемъ;
Имъ смертный къ небу вознесенъ;
На землю Ангелъ низведенъ
Ея чудеснымъ сладкопѣньемъ.

ГИМНЪ.

О Богѣ намъ гласитъ временъ круговращенье,
О благости Его исполненный Имъ годъ.
Творецъ! весна Твоей любви изображенье:
Воскреснули поля; цвѣтетъ лазурный сводъ;
Веселые холмы одѣты красотою,
И сердце растворилъ желаній тихій жаръ.
Ты въ лѣтѣ, окруженъ и зноемъ и грозою,
То мирный, благостный, несешь намъ зрѣлость въ даръ,
То намъ благотворишь, сокрытый тучь громадой.
И въ полдень пламенный, и ночи въ тихій часъ,
Съ дыханіемъ дубравъ, источниковъ съ прохладой,
Не Твой ли къ намъ летитъ любови полный гласъ?

Ты въ осень общій пиръ готовишь для творенья;
И въ зиму, гнѣвный Богъ, на бурныхъ облакахъ,
Во ужасъ облеченъ, съ грозой опустошенья,
Паришь, погибельный... какъ дольный гонишь прахъ,
И вьюгу, и мятель, и вихорь предъ Собою;
Въ развалинахъ земля; Природы страшенъ видъ;
И миръ, оцѣпенѣвъ предъ Сильнаго рукою,
Хвалебнымъ трепетомъ Творца благовѣститъ.
О таинственный кругъ! какихъ законовъ сила
Сліяла здѣсь красу съ чудесной простотой,
Съ великолѣпіемъ пріятность согласила,
Со тьмою дивный свѣтъ, съ движеніемъ покой,
Съ неизмѣняемымъ единствомъ измѣненье?
Почто жь ты, человѣкъ, слѣпецъ среди чудесъ?
Признай окрестъ себя Руки напечатлѣнье,
Отъ вѣка правящей теченіемъ небесъ
И строемъ мирныхъ сферъ изъ тьмы недостижимой.
Она весной красу низводитъ на поля;
Ей жертва дымъ горы, перунами дробимой;
Предъ нею въ трепетѣ веселія земля.
Воздвигнись, спящій міръ! внуши мой гласъ, созданье!
Да грянетъ ваша пѣснь Чудеснаго дѣламъ!
Сліянные въ хвалу, сліянны въ обожанье,
Да гимнъ вашъ потрясетъ небесъ огромный храмъ!....
Журчи къ Нему любовь подъ тихой сѣнью лѣса,
Порхая по листамъ, душистый вѣтерокъ;
Вы, ели, наклонясь съ сѣдой главы утеса

На свѣтлый, о скалу біющійся потокъ,
Его привѣтствуйте таинственною мглою;
О Немъ благовѣсти, крылатыхъ бурей свистъ,
Когда трепещетъ брегъ, терзаемый волною,
И сорванный съ лѣсовъ крутится клубомъ листъ;
Ручей, невидимо журчащій подъ дубравой,
Съ лѣсистой крутизны ревущій водопадъ,
Рѣка, блестящая средь дебрей величаво,
Кристалломъ отразивъ на брегѣ пышный градъ,
И ты, обитель чудъ, бездонная пучина,
Гремите пѣснь Тому, чей бурь звучнѣйшій гласъ
Велитъ — и зыбь горой; велитъ — и зыбь равнина.
Вы, злаки, вы, цвѣты, лети къ Нему отъ васъ
Хвалебное съ полей, съ луговъ благоуханье:
Онъ далъ вамъ ароматъ, Онъ васъ кропитъ росой,
Изъ радужныхъ лучей соткалъ вамъ одѣянье;
Предъ Нимъ утихни, доль; поникни, боръ, главой;
И жатва трепещи на нивѣ оживленной,
Плѣняя шорохомъ мечтателя своимъ,
Когда онъ, при лунѣ, вдоль рощи осребренной,
Идетъ задумчивый, и тѣнь во слѣдъ за нимъ;
Луна, по облакамъ разлей струи златыя,
Когда и дебрь, и холмъ, и лѣсъ въ туманѣ спятъ;
Созвѣздій ликъ, сіяй средь тверди голубыя,
Когда струнами лиръ превыспреннихъ звучатъ
Воспламененные любовью Серафимы;
И ты, свѣтило дня, смиритель бурныхъ тучъ,

Будь щедростію ликъ Творца боготворимый,
Ему живописуй хвалу твой каждый лучь....
Се громъ!... Владыки гласъ!.... безмолвствуй, міръ
смятенный.
Внуши.... изъ края въ край по тучамъ гулъ гремитъ;
Разрушена скала; дымится дубъ сраженный;
И гимнъ торжественный чрезъ дебри въ даль паритъ....
Утихъ... красуйся, лугъ.... привѣтственное пѣнье,
Изникни изъ лѣсовъ; и ты, любовь весны —
Лишь полночь принесетъ пернатымъ усыпленье,
И тихій отъ холма возстанетъ рогъ луны —
Воркуй подъ сѣнію дубравной, Филомела.
А ты, глава земли, творенія краса,
Наслѣдникъ Ангеловъ безсмертнаго удѣла,
Сочти безчисленны созданья чудеса,
И въ горнее пари, хвалой воспламененный.
Сердца, сліянны въ пѣснь, летите къ небесамъ;
Да грады возшумятъ, мольбами оглашенны;
Да въ храмахъ съ алтарей возстанетъ ѳиміамъ;
Да грянутъ съ звономъ лиръ и съ ликами органы;
Да въ селахъ, по горамъ, и въ сумракѣ лѣсовъ,
И пастыря свирель, и юныхъ дѣвъ тимпаны,
И звучные рога, и шумный гласъ пѣвцовъ
Единъ составятъ гимнъ и гулъ отгрянетъ: слава!
Будь, каждый звукъ, хвала; будь, каждый холмъ,
алтарь;
Будь храмомъ, каждая тѣнистая дубрава,

Гдѣ, мнится, въ тайной мглѣ сокрытъ природы Царь,
И вѣютъ въ вѣтеркахъ душистыхъ Серафимы,
И гдѣ, возведши взоръ на свѣтлый неба сводъ,
Сквозь зыблемую сѣть вѣтвей древесныхъ зримый,
Пѣвецъ въ задумчивомъ восторгѣ слезы льётъ.

А я, животворимъ созданья красотою,
Забуду ли когда хвалебный гласъ мольбы?
О Неиспытанный! мой пламень предъ Тобою!
Куда бъ ни привела рука Твоей судьбы,
Найду ли тишину подъ отческою сѣнью,
Безпечный другъ полей, возлюбленныхъ въ кругу —
Тебя и въ знойный день, покрытый рощи тѣнью,
И въ ночь, задумчивый, потока на брегу,
И въ обиталищахъ страданія забвенныхъ,
Гдѣ бѣдность и недугъ, гдѣ рокъ напечатлѣлъ
Отчаянья клеймо на лицахъ искаженныхъ,
Куда бъ, влекомъ Тобой, съ отрадой я летѣлъ,
И въ часъ торжественный полночнаго видѣнья,
Какъ струны, пробудясь, отвѣтствуютъ перстамъ,
И духъ воспламененъ восторгомъ пѣснопѣнья —
Тебя велю искать и сердцу и очамъ.
Постигнешь ли меня гоненія рукою —
Тебя жь благословитъ тоски молящій гласъ;
Тебя же обрѣту подъ грозной жизни мглою.
Ахъ! скоро ль прилетитъ послѣдній, скорбный часъ,

Конца и тишины желанный возвѣститель?
Промчись, печальная невѣденія тѣнь!
Откройся, тайный брегъ, утраченныхъ обитель!
Откройся, мирная, отеческая сѣнь!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

ПѢСНЬ БАРДА

НАДЪ ГРОБОМЪ СЛАВЯНЪ-ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

Стихи сіи написаны въ концѣ 1806 года, и относятся къ военнымъ обстоятельствамъ того времени.

ПѢВЕЦЪ

ВЪ СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ.

Авторъ писалъ эти стихи послѣ отдачи Москвы, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, находясь въ Московскомъ Ополченіи.

Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!

Древнія лѣтописи сохранили намъ краткую, но сильную рѣчь Великаго Князя Святослава Игоревича къ его воинамъ, на походѣ противъ Грековъ. *Не посрамимъ земли Русскія*, сказалъ онъ, *ляжемъ зде костьми, мертвіи бо срама не имутъ!* Воины, одушевленные словами и примѣромъ вождя, устремились на многочисленнаго непріятеля и одержали побѣду. Д. Д.

И ты невѣрныхъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ соименныхъ!

Великій Князь Димитрій Іоанновичъ, избавитель Россіи отъ постыднаго рабства. Со времени несчастнаго сраженія при Калкѣ (1223),

Татары господствовали надъ Князьями Россійскими, свергая ихъ по произволенію съ престола и налагая тяжкія дани. Димитрій отмстилъ за сіи поруганія, и предводительствуя самъ соединенными Русскими силами, истребилъ на берегу Дона несмѣтное воинство Мамая. Онъ положилъ первое основаніе могуществу Россіи, утвержденному потомъ великою *четою соименныхъ* (Іоаннами III и IV) и вознесенному на высочайшую степень Петромъ и Августѣйшими Его Преемниками. Д. Д.

Внимайте кличь: Полтава!

Сраженіе при Полтавѣ рѣшило навсегда участь Россіи. Обыкновенныя послѣдствія войны суть всеобщее опустошеніе и грабительства; но сей знаменитый день былъ виною благополучія многихъ милліоновъ увѣнчавъ труды, подъятые Великимъ Петромъ для преобразованія Своего отечества. Дерзкій Карлъ, ворвавшійся въ предѣлы Россійскія съ непобѣдимымъ воинствомъ, едва могъ спастись бѣгствомъ съ немногими спутниками, въ числѣ коихъ былъ измѣнникъ Мазепа, названный здѣсь *братомъ владыки* (Карла XII.) Д. Д.

О горе! горе, сопостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ!

Кому изъ современниковъ нашихъ не извѣстны подвиги Россійскаго Аннибала, преодолѣвшаго самую природу на вершинахъ Альпійскихъ? Потомство будетъ съ удивленіемъ читать въ лѣтописяхъ безпристрастной Исторіи дѣла сего *Вождя побѣды*, грозы Оттомановъ и Сарматовъ, избавителя Италіи. Онъ скончалъ славные дни свои: но духъ его еще предводитъ полками нашими и вливаетъ новое мужество въ сердца воиновъ. Д. Д.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!

Воздавъ должную хвалу почившимъ Героямъ, пѣвецъ посвящаетъ сей кубокъ любви къ отечеству, столь славно ознаменовавшей народъ Россійскій, при нашествіи свирѣпаго непріятеля. Всѣ состоянія стремились наперерывъ показать приверженность свою къ Вѣрѣ и Престолу. Дворянство образовало страшную рать изъ миролюбивыхъ земледѣльцовъ, и радостно проливало кровь свою, предводительствуя ими на полѣ чести; Духовенство возсылало теплыя мольбы ко Всевышнему о спасеніи благочестиваго Царства, и вмѣстѣ съ купечествомъ спѣшило жертвовать имуществомъ своимъ общей пользѣ. Повсюду хищный врагъ встрѣчалъ непреодолимыя препятствія, и гибельный для него конецъ войны доказалъ вселенной, сколь силенъ народъ, исполненный пламенной любви къ Государю и отечеству. Д. Д.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый Вождь!

Имя Князя Смоленскаго, спасителя Россіи, пребудетъ всегда незабвеннымъ для истинныхъ патріотовъ. Въ то печальное время, когда враги гнѣздились въ древней столицѣ, угрожая разрушить послѣдній оплотъ вольности Европы, мудрый вождь не унывалъ духомъ и готовилъ достойную казнь гордынѣ ихъ. Съ быстротою молніи перелетѣлъ онъ отъ береговъ Москвы до Эльбы, расточивъ сонмища иноплеменныхъ и уставъ путь свой безчисленными ихъ трупами. Орлиный взоръ его измѣрялъ уже берега Рейна, когда жестокая смерть, которой онъ столько разъ подвергалъ себя во брани, сразила его на одрѣ болѣзни, посреди блистательнаго поприща. Но благодарное отечество, почтившее Героя довѣренностію своею, сохранитъ навѣки память его вмѣстѣ съ безсмертною памятію Пожарскаго; а мужественные воины, сражавшіеся подъ его знаменами, съ гордостію нѣкогда скажутъ юнымъ товарищамъ и дѣтямъ своимъ: „и мы были его сподвижниками, и мы мстили за Москву, обращенную въ пепелъ неистовою злобою!" Д. Д.

О диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины!

У древнихъ парящій орелъ почитаемъ былъ предвѣстникомъ побѣды; знаменіе сіе не обмануло и насъ на достопамятномъ Бородинскомъ полѣ. Когда Россійскій вождь устроивалъ полки свои, Орелъ пролетѣлъ надъ нимъ при радостныхъ кликахъ воиновъ и былъ вѣрнымъ предтечею погибели враговъ нашихъ. Д. Д.

И Багговутъ, среди мечей,
Средь копій безмятежный.

Стихи сіи сочинены прежде Тарутинскаго сраженія. Багговутъ былъ первою его жертвою.

Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила.

Кульневъ убитъ въ 30 верстахъ отъ мѣстечка Люцина, гдѣ жила его мать и гдѣ провелъ онъ свое младенчество.

А ты, Кутайсовъ, вождь младой!

Кутайсовъ убитъ подъ Бородинымъ. Въ немъ погибла одна изъ блистательнѣйшихъ надеждъ нашей арміи. Съ великими дарованіями воина соединялъ онъ умъ пріятный и прекрасный характеръ нравственный. Онъ любилъ словесность и въ свободное время писалъ стихи. — Послѣ Бородинскаго сраженія увидѣли его лошадь, обагренную кровію, бѣгущую безъ сѣдока и долго не могли отыскать его тѣла.

Еще дружинъ надежа въ немъ!

Багратіонъ умеръ отъ раны, полученной въ сраженіи подъ Бородинымъ. Армія нѣсколько времени надѣялась на его выздоровленіе, но судьба рѣшила иначе.

Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ Суворовъ!

По Миѳологіи Сѣверныхъ народовъ, витязи, сраженные во браняхъ, переселялись въ Валкалу, къ отцу своему Одену. Стихотворецъ замѣнилъ здѣсь баснословнаго Одена безсмертнымъ Суворовымъ, наставникомъ покойнаго Князя Багратіона въ воинскомъ искусствѣ! Герой Италійскій съ отеческою нѣжностію пріемлетъ въ жилища небесныя вождей, запечатлѣвшихъ кровію своею одержанныя побѣды; Кульневъ, Кутайсовъ, Багратіонъ возносятся къ нему со славою и радостно взираютъ на храбрыхъ своихъ сподвижниковъ, карающихъ дерзновенныхъ Галловъ. Д. Д.

О радость древнихъ лѣтъ, Боянъ!

Авторъ соглашается здѣсь со мнѣніемъ нѣкоторыхъ писателей, пріемлющихъ Бояна за великаго стихотворца, который процвѣталъ во мрачныя времена Исторіи нашей и, подобно Греческому Тиртею, возбуждалъ пѣснями своими мужество Славянскихъ воиновъ. Д. Д.

Хвала безтрепетныхъ вождямъ!

Вождями *безтрепетныхъ* названы здѣсь Партизаны, которые въ прошедшую войну, особенно въ кампанію 1812, много способствовали къ истребленію непріятеля.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.